

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ДРЕВНЕ-СКАНДИНАВСКОЙ
ПОЭЗІИ СКАЛЬДОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ДРЕВНЕ-СКАНДИНАВСКОЙ
ПОЭЗІИ СКАЛЬДОВЪ.

Сочиненіе
Г. М. ЛЕВЕСТАМА.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. ОРГЕЛЬБРАНДА СЫНОВЕЙ,
Беднарская, N. 20.

1872.

Scan 4136.21

✓

Дозволено Цензурою.
Варшава, 28 Марта 1872 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I
I. Происхожденіе и значеніе искусства скальдовъ на сѣверѣ	1
II. Начала появленія поэзіи скальдовъ	7
III. Предметы поэзіи скальдовъ; древнѣшіе и главнѣйшіе представители ея	31
IV. Значеніе исландскихъ источниковъ для исторіи древне-скандинавской поэзіи	27
V. Эдда, такъ называемая Сэмунда или старшая	34
VI. Мнѣстическія пѣсни такъ называемой Эдды Сэмундовой	46
VII. Геройскія пѣсни такъ называемой старшей Эдды	64
VIII. Эдда такъ называемая Снорре или младшая	72

IX. Миѣическія поэмы въѣ Эдды Сѣмундовой и обіцїй взглядъ на миѣическую поэзію Скандинавовъ .	стр. 82
X. Скандинавскія произведенія послѣ поэзіи Эдды .	88
XI. Отдѣльные поэты и поэмы	100
XII. Поэтическое вдохновеніе и слогъ скальдовъ . .	120

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Памятники младенческой, такъ сказать, первобытной народной поэзіи несомнѣнно представляютъ самое важнѣйшее основаніе для составленія критическаго и эстетическаго взгляда на какую либо литературу. При поверхностномъ обзорѣ эти явленія умственнаго развитія въ различныхъ странахъ и народахъ, по видимому, едва разнятся между собою, но въ самыхъ уже дальнѣйшихъ событіяхъ этихъ литературъ, или, лучше говоря, во вліяніи первобытной поэзіи на ходъ умственнаго развитія народовъ, замѣчаются доказательства ихъ разнообразія.

За долгое время до великихъ произведеній Гомера многочисленныя *попды*, изъ всѣхъ частей дре-

вней Греціи, отдѣльно воспѣвали разныя преданія о герояхъ и богатырскихъ родахъ, изъ которыхъ впоследствии черпала содержаніе артистическая поэзія Эллиновъ. Почти тѣ-же явленія повторялись въ странахъ Скандинавіи, хотя здѣсь уже не посредственнымъ ихъ послѣдствіемъ не были, какъ у Грековъ, національныя эпопея и драма. Въ не меньшемъ противъ этихъ послѣднихъ изобиліи Скандинавы развивали въ пѣсняхъ народныя преданія о богатыряхъ и геройскихъ родахъ, и преданія эти сдѣлались, именно съ помощію пѣсенъ, общею собственностію всѣхъ сѣверо-скандинавскихъ народовъ, даже почти всего готскаго племени. Почва для этихъ пѣсней была благопріятна; матеріаловъ находилось довольно много; языкъ, въ особенности поэтическій, былъ достаточно развитъ; народъ владѣлъ большою способностію къ искусству составленія словъ, риѣмъ и размѣровъ; между тѣмъ, какъ условія внутренней жизни способствовали выраженію самыхъ глубокихъ и возвышенныхъ чувствъ и мыслей, а внѣшній міръ представлялъ для нихъ сильныя и яркія краски.

Если-же, не взирая на то, изъ столь замѣчательной первобытной скандинавской поэзіи не произшла достойная ея — художественная, въ полномъ

смыслъ этого слова, то причины этого были весьма разнообразны и перечислять ихъ здѣсь было бы излишне; но тѣ же причины, по крайней мѣрѣ, способствовали сохраненію въ благодарной памяти народа большей части произведеній древне-скандинавскихъ поэтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *скальдовъ*, такъ какъ ихъ не смѣнило и не вытѣснило изъ этой памяти ни одно арктическое произведение. Поэмы скальдовъ сохранились отчасти въ древней риимической формѣ, отчасти же въ происшедшей изъ нея формѣ прозаическихъ *сагъ* или сказокъ.

Составленіе, по этимъ памятникамъ, историческаго очерка, на основаніи самостоятельнаго изслѣдованія подлинныхъ источниковъ: датскихъ и норвежскихъ хроникёровъ, исландскихъ Эддъ и сагъ позднѣйшаго времени, намъ казалось достойнымъ, и полезнымъ трудомъ; съ этою цѣлію мы сочли необходимымъ посѣтить самыя важнѣйшія, въ этомъ отношеніи, библіотеки, именно берлинскую и копенгагенскія (королевскую и университетскую), а также изучить древне-скандинавскій языкъ и ознакомиться съ поэтическими родами и размѣрами его, представляющими, по признанію извѣстнѣйшихъ германистовъ, большія препятствія и затрудненія.

Изъ большаго числа источниковъ, какими мы пользовались для нашего сочиненія, кромѣ множества случайно попавшихся, на которыя отчасти указывается нами въ настоящемъ трудѣ, мы приводимъ здѣсь лишь слѣдующіе главные:

1) *Saxonis Grammatici Historia Danica*; ed. P. E. Müller et J. M. Velschow (Копенгагенъ, 1839).

2) *Старшая Эдда* (Сэмунда), въ рукописныхъ кодексахъ и въ изданіяхъ П. А. Муха (Христіанія, 1847) и Люннинга (Hermann Luning, Цюрихъ, 1859).

3) *Младшая Эдда* (Снорре Стурлусона), въ рукописныхъ кодексахъ копенгагенской королевской библиотеки и въ изданіи *Свейлбярна Эильсона* и *Юна Сусурдсона*: Större, eller den Arna-Magnänske Edda Snorra Sturlusonor (Копенгагенъ, 1848—52).

4) *Mallet*, Introduction à l'histoire du Danemarc, où l'on traite de la religion, des lois, des moeurs et des usages des anciens Danois (Копенгагенъ, 1755).

5) Edda, to jest księga Religii dawnych Skandynawii mieszkańców; starą Semundynską w wielkiej części tłumaczył, nową Snorrона skrócił *Joachim Lelewel* (Вильна, 1828).

6) *Jacob und Wilhelm Grimm*, Lieder der alten Edda (Берлинъ, 1815).

7) *Nyerup*, Literaturen i Island og Norge i Middelalderen (Копенгагенъ, 1856).

8) *N. P. Sibbern*, *Idea historiae literariae Islandorum* (Altonae, 1842).

9) *E. Rosselet*, *Isländische Sprache und Literatur* (Leipzig, 1837).

10) *Jon Sigurdson*, *Lexicon poëticum linguae septentrionalis* (Stockholm, 1716).

11) *Paulus Erasmus Müller*, *Sagabibliothek* (Копенгагенъ 1823—30).

12) *Θ. Буслаевъ*, *Историческіе очерки русской народной словесности и искусства* (С. Петербургъ, 1837).

13) *P. E. Müller*, *Kritisk Undersøgelse af Saxo's Historie* (Копенгагенъ 1837).

14) *Wilhelm Grimm*, *Über die Entstehung der altdeutschen Poesie und ihr Verhältniss zu der nordischen* (Берлинъ, 1843).

15) *Jakob Grimm*, *Deutsche Mythologie* (Berlin, 1844).

16) *Halfdan Einarson*, *Literaturhistorie, Scia-graphia* (Lund, 1762).

17) *Finni Johannaei*, *Historia Ecclesiastica Islandiae* (Копенгагенъ 1772—78).

18) *Edelstan du Méril*, *Prolégomènes à l'histoire de la poésie scandinave* (Парижъ, 1839).

19) *Möbius*, *Catalogus librorum islandorum et norvegiensium aetatis mediae* (Лейпцигъ, 1856).

20) *N. M. Petersen*, *Bidrag til den oldnordiske Literaturs Historie* (Копенгагенъ, 1866).

21) *P. A. Munch*, Historisk-geographisk Beskrivelse over Kongeriget Norge i Middelalderen (Упсала, 1849).

22) *Mone*, Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa (Лейпцигъ и Дармштадъ, 1822).

23) *Ol. Rudbeck*, Atlantica (Упсала, 1678—98).

24) *J. Olafsen*, Om Nordens gamle Digtekunst, dens Grundregler, Versearter, Sprog og Fordragsmaade (Копенгагенъ, 1786).

25) *Bosworth*, The origin of the Danish, and an abstract of scandinavian literature (Роттердамъ, 1838).

26) *Christian Molbeck*, Bemærkninger over vore danske Folkeviser i Middelalderen (Копенгагенъ, 1823).

I.

Происхожденіе и значеніе искусства скальдовъ на сѣверѣ.

Древне-скандинавскіе народы отличались не только воинственностью и храбростью, но также и умственнымъ развитіемъ и образованіемъ. Болѣе всего въ исторіи этихъ народовъ обращаетъ на себя вниманіе существованіе у нихъ поэтовъ, такъ называемыхъ *скальдовъ*, воспѣвавшихъ народу на своемъ отечественномъ языкѣ, во вдохновенныхъ пѣсняхъ, замѣчательныхъ по искусству стихосложенія и поэтичности, войны королей, дѣйствія богатырей и другія памятные почему либо происшествія.

Скальды или скальдры принадлежали къ сословію жрецовъ, которыхъ вообще въ языческой Скандинавіи были три рода. Первый классъ составляли *друиды*, какъ называли ихъ иностранцы, или по скандинавски *die-*

ры (*Diar*) и *дроттнеры* ¹⁾; обязанностью ихъ было исполненіе религіозныхъ обрядовъ и отправленіе суда. Официально они были первыми послѣ королей, что, кажется, не подлежитъ сомнѣнію уже потому, что въ эпоху до Одина король назывался *дроттнеръ* ²⁾, т. е. словомъ, производимымъ Рудбекомъ отъ слова *труинъ* (по нѣмецки *treu*), *впрный* (*Atlantica*, t. I, cap. 36, pag. 808), хотя въ дѣйствительности, какъ увидимъ, друиды уступали первенство скальдамъ.

Второй классъ составляли *выщунны*, прорицатели, предсказывавшіе будущее и предупреждавшіе людей о грозящихъ имъ опасностяхъ; ихъ называли *Visendamän* (люди знанія), или *Tytkaspar* ³⁾, или же, если это были

¹⁾ См. Olai Rudbechii *Atlantica* (Upsalae, 1679—98, т. I, глава 24, стр. 642 и слѣд). — Древняя шведская хроника опредѣляетъ ихъ дѣятельность слѣдующимъ образомъ:

Then samme Odhan skickade that saa, at tolf the ypperste skulle raadha för offret, och döma folk emellam, och the tolf kallades *Diar* eller *Drottener*. Dennom skulla the menuga man tiena, som theas Öfverstar (Тотъ-же Одинъ установилъ это такъ, что главнѣйшіе двѣнадцать должны были заниматься жертвоприношеніями и рѣшеніемъ споровъ между людьми, и эти двѣнадцать назывались *Діары*, или *Дроттнеры*. Имъ-же должны были повиноваться другіе люди, какъ своимъ настоятелямъ). — Сравн. Olai Wormii *Appendix ad Litteraturam Danicam* (Копенгагенъ, 1672, глава III стр. 29).

²⁾ Еще и нынѣ по датски король называется *Drot* (хотя чаще *Konge*), а королева исключительно *Dronning*.

³⁾ Веттерстенъ (*Septentrio poëticus*, Уисала, 1724) про-

женщины, *Spraaknar*, *Spraakvinnar*, что значитъ: мудрыя женщины. — Что же касается вообще значенія вѣщуновъ, то они пользовались вѣрою только въ простомъ народѣ, короли же и вельможи, когда они осмѣливались обращаться къ послѣднимъ съ своими предсказаніями, относились къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ ⁴⁾, что, между прочимъ, свидѣтельствуетъ о существованіи въ высшемъ сословіи древней Скандинавіи довольно высокой степени умственного развитія.

Наконецъ третій классъ жрецовъ составляли *Skalldr* или *скалды*, называвшіеся также *брагуанз*, или *Bragur* *Награге* и *Bardar* (*барды*). Этимологія слова скальдъ даже между знаменитыми германистами до сихъ поръ еще положительно не выяснена. — Шведскій филологъ Ире ⁵⁾ утверждаетъ, что *скальдъ* — скиское слово; Лягербрингъ ⁶⁾, слѣдуя за Амміаномъ Марцелиномъ, приписываетъ ему персидское происхожденіе (отъ слова *su-kal*, въ сокращеніи *skal* — пѣніе; I. XXXI, с. 2); Олафъ

изводитъ это слово отъ имени бога Тыг (Торъ?) и *spreke* — мудрость. Имя это сохранилось до сихъ поръ въ датскомъ и англійскомъ языкахъ, въ названіи *вторника*: *Tirsdag* и *tuesday*.

⁴⁾ Справ. Verelius, *Lexicon Scandinaricum*, стран. 239, гдѣ, между прочимъ, рассказывается, что ярль Оддуръ побилъ назкою извѣстнаго вѣщуна, который, вопреки его волѣ, не переставалъ пророчествовать ему.

⁵⁾ Ihre, *Glossarium Sviogothicum* (Стокгольмъ, 1821).

⁶⁾ Lagerbring, *Epistola ad gen. Ihre, de linguae turcicae cum suecana convenientia* (Уисала, стран. 34).

Вормъ ¹⁾ производитъ его отъ слова *skiaalda*—описывать, Гессельгрень ²⁾ отъ слова *skial*—умъ, и на этотъ счетъ можно бы продолжать до безконечности переченъ мнѣній ученыхъ, не рѣдко доходившихъ до странныхъ выводовъ, но и приведеннаго уже достаточно.

По нашему убѣжденію, основанному почти на очевидности, слово *скальдъ* несомнѣнно происходитъ отъ существительнаго *Skall*—звукъ, звонъ, и глагола *schallen*, —звучать, звенѣть. Отсюда *Skalld*, иначе *Sangare*—пѣвецъ, въ дальнѣйшемъ производствѣ: *Skalldnar* — стихотворецъ, *Skalldliff* — рифмачъ, *Skallda* — просодія, *Skalldskap* — шитика, *Skallvingl* — поэтическое вдохновеніе и *Skiaaldin* — знатокъ поэзіи. Название *Bragman* или *Bragur* перенесено на скальдовъ, по всей вѣроятности, отъ *Asa Brage*, бога краснорѣчія, которому, по преданію, легко удавалось стихосложеніе ³⁾. Награде

¹⁾ Olaus Worm, *Appendix ad monumenta danica* (Копенгагенъ, 1756; стран. 32).

²⁾ Hesselgreen, *De poëseos septentrionalis origine* (Уисла, 1814).

³⁾ Finn Magnussen, въ своемъ разсужденіи о мнѣі, п. з.: *Digterdrikken* (Поэтический напитокъ; Копенгагенъ, 1810 стр. 10), увѣряетъ, что на языкѣ кавказскихъ (черкесскихъ) Асовъ по нынѣ *нико* называется *брунъ*, русск. брага (отъ чего происходитъ исландское слово *brugg*, датское *brygge* и нѣмецкое *brauen*), что это слово сродно съ древне-галльскимъ *brake* и кимврическимъ *brag*—солодъ, и что, по всей вѣроятности, отъ него получилъ свое названіе богъ поэзіи и краснорѣчія, *Брага*, которому, будто бы, въ вдохновенію способствовало главнымъ образомъ упоеніе пивомъ.

они были прозваны отъ названія арфы и бардами (Bardamān, Bardagamadar) отъ слова *barda*—воевать, такъ какъ сначала они были воинами; отсюда и *Bardograd*—боевая пѣснь.

Скальды вообще ставились выше вѣщуновъ и по нѣкоторымъ сказаніямъ выше даже самыхъ друидовъ; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что они чаще сопутствовали дома и на войнѣ королямъ и богатырямъ, занимая на пирахъ первое послѣ нихъ мѣсто ¹⁰⁾. Соденстиерна ¹¹⁾ даже приводитъ, что супружества скальдовъ съ дѣвицами королевскаго рода положительно случались не рѣдко, между тѣмъ, какъ и самые короли охотно упражнялись въ искусствѣ скальдовъ ¹²⁾.

---

¹⁰⁾ *Chronicon Regum Norvegiae* (Копенгагенъ, 1742; стр. 372), выражается объ этомъ слѣдующимъ образомъ:—Rex (Harald Haarfagre, красноволосы), omnium aulicorum suorum maximo honore habuit Scaldos, qui in alterius scamni honorationibus locis sedebant. Primum locum occupavit Audumus Illskiaelda, cacterorum natu maximus, et qui Haldani Nigri, patris Harald regis, fuerat poeta. Proximus locus Thorlione Hornklofe attributus erat,—tunc Olvero Hunfae, cui proximus sedebat bardus cognominatus Albus et Fortri. — Не минуемымъ послѣдствіемъ такой близости было, что скальды (какъ рассказываетъ Bartholinus въ своемъ сочиненіи: *Antiquitates danicae*, lib. I cap. 10), относились къ королямъ съ особенною фамиллярностью, такъ что даже отдыхали, вмѣстѣ съ ними, на королевскихъ постеляхъ.

¹¹⁾ Sodenstierna, *Specimina poëseos gothico-islandicae* (Stockholmi, 1827; pag. 103.)

¹²⁾ „Haldanus“—говоритъ Saxo Grammaticus (l. VII),—„opinionis suae titulum tribus honestatis gradibus deco-

Къ тому можно прибавить, что однимъ изъ главныхъ качествъ бога Одина считалось его краснорѣчіе ¹³⁾.

Скальды исполняли различныя, иногда самыя высшія общественныя должности. Это подтверждаетъ слѣдующій характеристическій рассказъ изъ упомянутой *Хроники Норвежскихъ королей* (гл. XV, стр. 127): „Извѣстный и благороднаго происхожденія скальдъ Гуттармъ Сандри“, говоритъ авторъ хроники, „состоявшій прежде въ свитѣ Гаральда и послѣ сопутствовавшій Гальдану Сварту, находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ ними и въ честь ихъ написалъ похвальную поэму. Когда благодарные и тронутые этимъ короли хотѣли отплатить ему за то, онъ отказался отъ предложенной ему награды, взявъ съ нихъ только обѣщаніе исполнить въ послѣдствіи его просьбу, если бы онъ когда нибудь и за чѣмъ либо обратился къ нимъ. Послѣ между королями произошла вражда и Гуттормъ, во имя даннаго ему ими слова, просилъ ихъ прекратить непріязненныя дѣйствія. Высоко цѣня его, короли, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ, положили оружіе и съ тѣхъ поръ жили между собою въ большой дружбѣ.“

---

rabat . . . . . Erat enim condendorum patrio more poematum peritia disertus . . . “

¹³⁾ Rhytmice omnia loquebatur, quomodo nunc componuntur, quae carmina vocantur.“ См. Resenius, въ предисловіи къ Эддѣ, и цитату изъ *Heimskringla* Снорри Стурлусона, въ сочиненіи Бартоломеи, *Antiquitates Danicae* (lib. III, cap. 2 pag. 647).

III.

Начала появленія поэзіи скальдовъ.

Начало поэзіи скальдовъ относится къ доисторической эпохѣ, вслѣдствіе чего на этотъ счетъ ничего достовернаго сказать не лзя, всѣ-же наиболѣе распространенныя по сему предмету мнѣнія слѣдуетъ признать голословными и не имѣющими никакой серьезной основы. По преданію эта поэзія появилась въ Скандинавіи съ приходомъ Одина и его Асовъ, или скиѣскихъ (азіатскихъ) товарищей, прибывшихъ въ Данію и Швецію изъ страны Асовъ (Asaland) и ея столицы Асгордъ (Asgaard), находящейся при рѣкѣ Танаисъ (Дунай) ¹⁴⁾ и поселившихся тамъ въ концѣ IV вѣка послѣ Рожд. Хр. ¹⁵⁾. Однако почти невозможно допустить, чтобы до

---

¹⁴⁾ См. K. F. Viborg, *Fremstilling af Nordens Mythologi* (Копенгагенъ, 1843,—стр. 144). Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ объ Одинѣ и скандинавскихъ богахъ миео-историческаго періода, въ которомъ прежніе, миеическіе и героическіе миеи объ Асахъ превратились въ отдѣльныя божества.

¹⁵⁾ См. Snorri Sturluson, *Ynglingorum Historia*, cap. 6: — „Hann (Odin) och hofgodur hans heita lioda smidir thvi at su ithrott hof af theim i Nordlandum.“ (Онъ, т. е. Одинъ, и его жрецы, настоятели храмовъ, называются творцами пѣсенъ, такъ какъ они ввели это искусство въ сѣверныя страны).

этого времени уже не существовало въ Скандинавіи устной поэзіи, которая до изобрѣтенія письма представлялась единственнымъ средствомъ для распространенія между народомъ и передачи потомству славныхъ дѣяній боговъ, богатырей и другихъ почему либо важныхъ происшествій.

Если бы достовѣрность пѣсней Оссіана не была слишкомъ сомнительна, то въ нихъ нашлось бы не мало доказательствъ въ подтвержденіе только-что приведеннаго мнѣнія. И такъ напр. мы могли бы утверждать, что воспѣваемый въ пѣснѣ Фингала знаменитый Сниванъ—скальдъ и Старнъ, король Лохлина (что, по географическимъ указаніямъ въ самой пѣснѣ, должно означать Скандинавію или по крайней мѣрѣ Югландію), также принадлежалъ къ числу скальдовъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что появленіе скальдовъ относится къ весьма древнему періоду скандинавской исторіи и дѣйствительно становится не понятнымъ, на какомъ основаніи нѣкоторые, большею частію шведскіе ученые ¹⁶⁾ могли придти къ заключенію и доказывать, что будто бы скальды заимствовали свое ремесло отъ провансальскихъ трубадуровъ. Правда, Норманы или Скандинавы часто дѣлали нападенія на Францію и другія южныя или западныя страны, но самыя древнѣйшія из-

---

¹⁶⁾ Сравн. Ерихъ Виль, *De antiquitatis in Suecia reliquiis* (Upsaliae, 1791),—Эрихъ Фантъ (Fant), Кельренъ (Kjellgreen) и другіе.

вѣстія объ этихъ нападеніяхъ не заходятъ далѣе V вѣка послѣ рожд. Хр. ¹⁷⁾; при томъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что эти нападенія были ни болѣе, ни менѣе, какъ разбойническіе набѣги, въ которыхъ Норманы раззоряли и уничтожали все встрѣчившееся ими на пути, а не путешествія образованныхъ людей и поэтовъ, съ цѣлю расширенія круга своихъ понятій и обогащенія себя свѣдѣніями.

Извѣстно, что когда нормандскій флотъ въ 844 г. достигъ до средиземнаго моря и раззорилъ берега Берберіи, Испаніи, Франціи и Италіи, многіе изъ нормандскихъ корсаровъ вошли въ Рону и, поселившись въ сосѣдствѣ Прованса, грабили берега Лигуріи, а потомъ, въ 857 г., разрушили богатый и цвѣтущій городъ Люни, при заливѣ, называемомъ нынѣ della Spezia ¹⁸⁾, и совершенно уничтожили городъ Пизу, такъ, что христіане Корсики, Сардиніи, Сициліи, Ионическихъ острововъ, Архипелага, Геллеспонта и всѣхъ приморскихъ мѣстностей западной и южной Европы, напуганные посѣщеніями сѣверныхъ разбойниковъ, прибавляли въ своихъ молитвахъ просьбу: „A furore Nortmannorum libera nos, Domine! ¹⁹⁾” Но

---

¹⁷⁾ См. Sidonii Apollinaris (episcopi Alverniensis), *Epistolae ad Naumatum* (lib. VIII, epist. sexta).

¹⁸⁾ См. *Rerum Danicarum Historia* (изд. Япсона; книга XVIII; стр. 105).

¹⁹⁾ Такъ говоритъ нѣсколько разъ Мезере (Mézérai) въ I-омъ томѣ своего *Abrégé chronologique de l'histoire de France*.

все это происходило уже въ половинѣ IX столѣтія, во время раздоровъ, терзавшихъ тогда Западную Имперію, раздѣленную между наслѣдниками Карла Великаго. Труверы и трубадуры въ то время еще не существовали въ Провансѣ и Окситаніи, тогда какъ у Скандинавовъ было уже множество скальдовъ, и за долгое еще передъ появленіемъ провансальскихъ трубадуровъ время Скандинавія переживала цвѣтущій періодъ поэзіи, какимъ не можетъ похвалиться начало ни одной литературы прежняго или даже настоящаго времени.

Доказательствомъ того же служить еще слѣдующее: когда датскій король Гаральдъ красивоволосый покорилъ Норвегію, и многіе Норвежцы изъ знатныхъ фамилій и извѣстные по уму или учености, а также Шведы и отчасти Датчане, опасаясь жестокости завоевателей и желая избѣжать ненавистнаго ига, выселились въ Исландію, то почти вся поэзія скальдовъ перенеслась на этотъ островъ; такъ какъ послѣ того эти выходцы научились поэтическому искусству, а затѣмъ посѣщали дворы королей и вельможъ Швеціи, Даніи, Норвегіи и Англіи, почему поэзія ихъ и пріобрѣла справедливо названіе исландской ²⁰).

---

²⁰) Гесселгрень (Hesselgreen), *l. c.* sub. 8, приводитъ изъ Hiccesius, *Thesaurus Antiquitatum*, что не только исландскіе скальды и англосаксонскіе поэты (при дворѣ англійскихъ королей Альфреда, Атальстана, Этельреда и другихъ), во многихъ отношеніяхъ бывали сходны, но и англійскій языкъ

Выше уже объяснено, какимъ уваженіемъ пользовались скальды у королей и ярлево (такъ назывались у Нормановъ приближенные конунговъ, начальники областей), любившихъ окружать ими себя всегда и всюду, чтобы они, какъ говорилъ норвежскій король Триггвессонъ (Tryggveson), могли рассказывать не только то, что слышали, но и что видѣли ²¹⁾. Скальды не оставались у нихъ въ долгу, щедро отплачивая имъ за то, и исторія сохранила намъ почти всѣ имена монарховъ и могущественныхъ сановниковъ, которые поддерживали ихъ еще въ теченіе XI и XII вѣковъ.

Но въ этотъ послѣдній періодъ древніе скальды уже выродились, такъ сказать, и около 1200 г. даже вовсе не заслуживали этого названія, слѣдовательно нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы утверждать правдоподобіе или возможность того, что они переняли свое искусство отъ трубадуровъ или труверовъ, тѣмъ болѣе, что, напротивъ, *менестрели*, *минстрели* во Франціи, пѣвцы и играющіе на цитрахъ, сами считали себя прямыми наслѣдниками бардовъ со скандинавскаго сѣвера. Они, какъ извѣстно, соединяли поэзію съ музыкою и, по примѣру многочисленныхъ скальдовъ, пѣли стихи соб-

---

заимствовать изъ датскаго цѣлыя слова, окончанія и обороты, такъ, что во время царствованія Канута Англичане говорили по датско-саксонски.

²¹⁾ *Oluf Tryggvessonssaga* (изд. Finn Magnussen; Копенгагенъ, 1823;—стр. 178).

ственного сочиненія, аккомпанируя на лютняхъ и арфахъ.

Изъ громаднаго количества поэтическихъ произведеній скальдовъ сохранилось до нашего времени весьма мало. *Петръ Саламусъ* ²²⁾ утверждаетъ, что король Олафъ Скаутконунгъ (Olaus Skautkonung), по наущенію папы Сильвестра II, а также монаховъ Зигфрида, Давида и другихъ, собравши множество руническихъ пѣсень, сжѣгъ ихъ, какъ еретическія и волшебныя произведенія. О многочисленности произведеній скальдовъ можно получить нѣкоторое понятіе по исландской рукописи, подъ названіемъ *Skaldatal* ²³⁾ (списокъ скальдовъ), приписываемой обыкновенно Снорри Стурлюсону; въ этой рукописи содержится болѣе 200 именъ скальдовъ, получившихъ извѣстность своими произведеніями въ трехъ королевствахъ, съ половины IX до половины XIII столѣтія, и въ томъ числѣ находится не мало коронованныхъ лицъ ²⁴⁾.

---

²²⁾ См. примѣчанія къ изданнымъ имъ древнимъ рассказамъ и. з. *Eigles-och Asmunds-Saga* (Копенгагенъ, 1764; стр. 82).

²³⁾ См. Olaus Wormius, *Appendix ad Litteraturam Runicam*, (pag. 242), — и того-же автора: *De prima Danorum poësi*; (Копенгагенъ, 1651).

²⁴⁾ Справ. Wettersteen, *De poësia Scaldorum* (Upsaliae, 1717); — Koehler, *Prolusio de Scaldis* (Altorf. 1735), — u Stühr, *Von dem Glauben, dem Wissen und der Dichtung der alten Scandinavien* (Копенгагенъ, 1815).

III.

Предметы поэзіи скальдовъ; древнѣйшіе и главнѣйшіе представители ея.

Большую частію содержаніе произведеній скальдовъ заключаетъ стихи на извѣстные случаи, напр. побѣды, высокіе подвиги, морскія путешествія и сраженія, вступленіе королей на тронъ, браки и смерть ихъ и другихъ извѣстныхъ личностей; но не рѣдко въ нихъ встрѣчаются и цѣлыя эпопеи или генеалогіи владыкъ этихъ сѣверныхъ странъ, обыкновенно всегда выводившихъ свой родъ прямо отъ боговъ. Эти произведенія долгое время составляли цѣлую исторію скандинавскихъ народовъ, и теперь еще, еслибы кто пожелалъ узнать что либо объ эпохѣ до 1000 г., то долженъ былъ бы обратиться къ исландскимъ, датскимъ, норвежскимъ и шведскимъ хроникамъ, содержащимъ различныя поэмы скальдовъ въ отрывкахъ или въ цѣлости. *Саксо-Грамматикъ*, епископъ рэскильдскій, жившій въ половинѣ XII в., авторъ извѣстной исторіи Даніи ²⁵⁾, прямо

---

²⁵⁾ Saxonis Grammatici *Historia Daniae, recensuit et commentariis illustravit* Petr. Erasm. Müller, absolvit Joan. Matth. Velschow (два тома, Копенгагенъ; 1839—58):—Nec ignotum volo, Danorum antiquiores conspicuis fortitudinis operibus editis, gloriae aemulatione suffusos, romani styli imitatione, non so-

сознается, что большую часть своихъ разсказовъ въ той исторіи онъ заимствовалъ изъ древнихъ поэмъ на родномъ языкѣ, переводя стихи ихъ слово въ слово.

Къ важнѣйшимъ произведеніямъ скальдовъ, само собою разумѣется, относятся поэмы религіознаго и философскаго содержанія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ миеологическихъ, главными источниками которыхъ считаются Эдды. Поэзія скальдовъ различалась строго по содержанію и имѣла свою строго определенную номенклатуру. Такъ всякая вообще пѣсня называлась *коэди* (Koaedi), или *лиодъ* (Liöd), а когда она пѣлась съ акомпаниментомъ арфы, то назывались *слягръ* (Slagr). Дѣйствительно эпическая поэма извѣстна была подъ именемъ *брагръ*; пѣснь о какомъ либо печальномъ происшествіи называлась *квиди* (Qvidi), а настоящая элегія словомъ *грамъ*; сатирическая поэма называлась *нидъ*, хвалебная-*лофъ* (Lof), *мердъ* (Maerd), или *еродъ* (Hrodr); эротическая *минсаунъ* (Minsauungr) и пѣсня волшебная *валльгальдъ* (Vallgalldr). Поэмамъ, написаннымъ самымъ древнимъ размѣромъ сѣверной поэзіи (Fornurdalag), т. е. стараго напѣва, присвоено

---

lum rerum a se magnifice gestarum titulos exquisito contextus genere, veluti poetico quodam opere, perstrinxisse, verum etiam majorum acta patrii sermonis carminibus vulgata linguae suae literis saxis et rupibus insculpenda curasse. Quorum vestigiis seu quibusdam antiquitatis voluminibus inhaerens, tenoremque veris translationibus passibus aemulatus, metra metris reddenda curavi . . . . . (praefatio, т. I, стр. 6).

было названіе—*малъ* (Maal). Отрывки изъ пѣсенъ, заключающіе самостоятельной смыслъ, назывались *висуръ* (Visur). Хвалебныхъ и благодарственныхъ поэмъ было два рода, изъ коихъ въ первомъ—*флюкръ* (Flokkr)—благодарственная пѣснь, воспѣвались ярли и менѣе значительные князья, во второмъ же, *драпа*, воспѣвались короли и извѣстные герои, а также въ послѣднее время мученики и святые. О размѣрѣ стиха этихъ пѣсенъ и внѣшней ихъ формѣ болѣе подробныя свѣдѣнія будутъ приведены въ концѣ настоящаго сочиненія.

Почти всѣ скальды были импровизаторами и даже нѣкоторые изъ нихъ, плохо выражавшіеся прозою, могли говорить, безъ остановки, по нѣсколько часовъ, стихами.²⁶⁾ Сначала эти повѣствовательныя пѣсни или

---

²⁶⁾ Такимъ напр. былъ Сивардъ, о которомъ упоминаетъ Вормъ въ *Appendix ad Litteraturam Runicam*;— см. также: Mallet, *Introduction à l'histoire du Danemark* (1756,—I т., стр. 348). Въ томъ же смыслѣ извѣстенъ Рогивальдъ (Rognvald), ярль Оркнискихъ Острововъ, знаменитый скальдъ и авторъ Пинтики (*Ключъ Скальдовъ*), который въ единственной, оставшейся послѣ него пѣснѣ хвалится тѣмъ, что онъ въ состояніи въ каждую минуту, не задумываясь, составлять пѣсни о чемъ бы ни было. Саксо-Грамматикъ (стр. 26 и слѣд.) упоминаетъ о Грамѣ, королѣ одного изъ датскихъ острововъ, сынѣ Скюльда, жившемъ въ IV в. христ. эры, который, сватаясь за Грою (Groa), дочь шведскаго царя Сигтруга, высказалъ свое желаніе о томъ стихами, сначала черезъ своего посланника, извѣстнаго скальда Бессо, а потомъ лично тѣмъ же напѣвомъ. Тотъ-же Саксо (стр. 36 и слѣд.) говоритъ еще о жившей въ томъ столѣтіи Гардгрепъ (Hardgrepa), дочери Вагнгофда (Vagnhofd), которая, же-

разсказы не были рифмованными, но уже начиная съ XI вѣка скальды пользуются рифмами съ большимъ искусствомъ, что опять таки противорѣчитъ существующему предположенію, что будто бы, если не вообще поэзія, то хотя искусство рифмованія на скандинавскомъ сѣверѣ было заимствовано отъ французскихъ труверовъ и трубадуровъ. Последніе, какъ извѣстно, появляются только въ половинѣ XI столѣтія ²⁷⁾, а французскихъ рифмованныхъ эпическихъ поэмъ, относящихся ко времени ранѣе половины XII вѣка, вовсе нѣтъ, между тѣмъ какъ въ Скандинавіи рифмы были введены въ поэзію въ первый разъ еще скальдомъ Эйнарсомъ (Einar Skuleson), придворнымъ поэтомъ шведскаго короля Сверкера Старога, жившимъ около 1050 года. ²⁸⁾

лая увлечь датскаго короля Гадинга (Hading), сына Грама, не только ласкалась къ нему, но привѣтствовала его стихами, чѣмъ и достигла безъ затрудненія своей цѣли. Дикая Ульвильда (Ulvilda), дочь этого Гадинга (Сахсо, кн. I, стр. 58), и вторая дочь его-же, Сванвита (Svanhvita, кн. II, стр. 68), а также любовникъ послѣдней, Регнаръ, королевскій служитель (ibidem), были въ то-же время извѣстны какъ импровизаторы очаровательныхъ пѣсень.

²⁷⁾ Самая древняя извѣстная поэма этого рода (кромя такъ названныхъ *канцонъ*), авторомъ которой считается Карлъ ди Беша (di Bechad) изъ Тура, есть *Пѣснь о завоеваніи Іерусалима*, написанная между 1112 и 1130 г. См. Геренъ (Heeren), *Kleine historische Schriften*, (стр. 219).

²⁸⁾ См. Ботинъ, *Utkast til svenska Folkets Historia* (Взглядъ на исторію шведскаго народа; Стокгольмъ, 1338, стр. 229). Въ доказательство дѣйствительно замѣчательной пра-

Авторъ вышеупомянутаго сочиненія: Skaldatal (Списокъ скальдовъ), считаетъ первымъ по времени скальдомъ извѣстнаго героя *Старкоддера*, послѣ котораго остались только нѣсколько подлинныхъ отрывковъ изъ его пѣсенъ, въ современныхъ шведскихъ хроникахъ,

вѣрности этой древней поэтической формы, приводится здѣсь изъ примѣчанія въ упомянутомъ сочиненіи слѣдующій отрывокъ малой поэмы, воспѣвающей выходъ Вендовъ (Вендельбоевъ, Винлендеровъ), позднѣйшихъ *Ломбардовъ* (такъ называемыхъ, какъ говоритъ авторъ поэмы, не потому, что у нихъ были длинныя бороды, а отъ имени другаго, истребленнаго ими племени):

Sva duejde de nest us manedum to,
De vare der veder sva meckut fro;
Vi lodum dennem fölgum met suecker ti,
Ock hundredum mendum inden hverum di.
Til Rylandum lodum de standum da;
Jag kund med sandenum sigum ifra.

. . . . .

Medu valdum til koning en fracker mand,
Hagelmunder han had, jag rige kand.
De slog Langbarder indum derum land;
Der blev ikke leffvend en eniste mand.
Sva lodum de rig Langbarder kallum,—
Pannonien bestridden de ock med allum,
Ock togum sva indum Vallandum nest.

. . . . .

въ переводѣ :

Такъ они пробыли у насъ два мѣсяца,
И были тому чрезвычайно рады;
Мы ихъ проводили на десять кораблей,
Изъ которыхъ на каждомъ было по сто мужей,

о Гаутрекѣ и его сынѣ Рольфѣ (Hrolf), жившихъ во время царствованія упсальскихъ королей Альриха и Эриха (около 570 г. по Рожд. Хр.). Саксо-Грамматикъ и другіе историки сохранили нѣкоторыя пѣсни этого Старкоддера въ латинскомъ переводѣ. На сѣверѣ было три героя этого имени и всѣ они считались Ираклесами; тотъ же, о которомъ идетъ рѣчь, второй по очереди, былъ сыномъ могущественнаго норвежскаго корсара Сторверка, сожженнаго въ своемъ собственномъ домѣ другимъ норвежскимъ царькомъ, Викаромъ. Старкоддеръ отомстилъ убійцѣ за смерть своего отца, вслѣдствіе чего принужденъ былъ бѣжать въ Швецію; тамъ онъ устроилъ флотъ и вызвалъ войну на всемъ сѣверѣ, представивъ многія доказательства необыкновенной силы и храбрости. Сѣверныя хроники наполнены разсказами о его дѣйствіяхъ. Старкоддеръ въ тоже время былъ поэтомъ и самъ воспѣвалъ свои побѣды и другія приключенія, разсказывая въ нихъ, между прочимъ, даже

И они къ Рюландіи (Рюгенъ) прямо направились,—
Я могу сказать это истинно.

Вскорѣ избрали королемъ храбраго мужа,
Гавельмундъ его имя, какъ сказать могу.
Онъ покорилъ Лонгобардовъ въ ихъ странѣ:
Не остался въ живыхъ ни одинъ человѣкъ.
Вслѣдствіе того они приняли названіе Лонгобардовъ
И всю Паннонію покорили,
И оттуда заняли Италію.

о своих сношеніяхъ съ богами. Такъ напр., онъ говоритъ: „однажды Одинъ и Торъ (Thor), споря о мнѣ между собою, рѣшили, что за каждое благодѣяніе и за каждую милость, какія будутъ оказаны Однимъ мнѣ, Старкоддеру, Торъ сошлетъ на меня такое несчастье, которое уничтожитъ послѣдствія милостей Одина“, что даетъ яркое понятіе, какъ полна была жизнь этого героя приключеніями разнаго рода. Саксо-Грамматикъ ²⁹⁾ приводитъ также, что Старкоддеръ былъ наставникомъ Ингильда, сына датскаго короля Фроди IV (въ концѣ VI столѣтія); но воспитанникъ его, достигнувши совершеннолѣтія и женившись на какой то тевтонской княжнѣ, измѣнилъ, по ея наущеніямъ, обычаи предковъ своихъ и ввелъ въ свою страну, преимущественно при своемъ дворѣ, иностранные наряды и роскошь, однимъ словомъ, старался перемѣнить образъ жизни своихъ подданныхъ, извѣстный до тѣхъ поръ по скромности и умеренности. Раздраженный этимъ Старкоддеръ спѣлъ тогда передъ нимъ и королевою десятистрофную оду, которую Саксо приводитъ въ своемъ переводѣ, послѣдствіемъ чего была счастливая перемѣна въ умѣ Ингильда. Олафъ Великій ³⁰⁾ передаетъ пѣсни того же скальда, гдѣ онъ восхваляетъ древнее военное искусство, порицающа вкрадывавшуюся уже изнѣженность, и отрывокъ

---

²⁹⁾ Книга VI, стр. 303 и слѣд.

³⁰⁾ Olaus Magnus, *Gentium et rerum septentrionalium Historia*. (lib. VI, cap. 6).

изъ другой его пѣсни къ Гельгѣ (Helga), дочери короля Фроди, которая, во время отсутствія Старкоддера, прельстившись какимъ то серебрянникомъ, сдѣлалась его женою. Неравенство этого брака опять оскорбило аристократическаго героя-поэта и онъ, возвратившись изъ военнаго похода, убилъ мужа княгини и горячо упрекалъ ее въ пѣснѣ, что она позволила ласкать свое благородное тѣло человѣку изъ простаго народа ³¹⁾.

Само собою разумѣется, что мы здѣсь не будемъ перечислять всѣхъ сѣверныхъ скальдовъ, произведенія которыхъ сохранились до нынѣшняго времени въ оригиналѣ, въ переводахъ и сокращеніяхъ у историковъ и хроникеровъ, или наконецъ извѣстны намъ только по имени. Планъ настоящаго труда ограничивается главнымъ образомъ представленіемъ основаннаго на источникахъ историческаго очерка поэзіи скальдовъ, въ различныхъ ея направленіяхъ, а потому мы здѣсь скажемъ лишь о тѣхъ личностяхъ и произведеніяхъ скальдовъ, которыя выражали какое либо изъ этихъ характеристическихъ направленій, или стояли выше другихъ по талантамъ и вліянію на развитіе своего искусства.

Къ ряду ихъ принадлежалъ Бяркъ (Bjark), извѣстный по своимъ воинственнымъ качествамъ, и по

---

³¹⁾ Саксо, кн. VI, стр. 284 и слѣд.

своему мастерству въ искусствѣ скальдовъ. Онъ жилъ во время царствованія Адила и Айстена въ Швеціи, и Рольфа Краге въ Даніи, слѣдовательно въ началѣ VIII стол. Послѣ него сохранился также только въ латинскомъ переводѣ Саксо ³²⁾ родъ поэтической бесѣды, что во всякомъ случаѣ составляло въ эту эпоху новость, тѣмъ болѣе замѣчательную, что и въ позднѣйшее время поэзія скальдовъ не ушла въ драматическомъ направленіи дальше формы діалога.

Однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ скальдовъ былъ *Эрихъ Краснорѣчивый* (hinn Malspraki), который, по Саксо ³³⁾, долженъ считаться современникомъ датскаго короля Фроде III, хотя, по всей вѣроятности, онъ жилъ гораздо прежде ³⁴⁾, во время царствованія Фроде I, по крайней мѣрѣ того короля, который велъ войну съ Гуннами ³⁵⁾. Во всякомъ случаѣ имя Эриха извѣстно въ исторіи скальдовъ и можно положительно утверждать, что онъ не могъ жить позже конца VII вѣка. Саксо (Ioso

---

³²⁾ Саксо, кн. II, стр. 86, 90 и слѣд.

³³⁾ Тамъ же, кн. V, стр. 190, почти по конецъ книги.

³⁴⁾ См. Velchow, *Notae uberiores in Historiam Danicam Saxonis Grammatici*, въ приведенномъ нами изданіи Саксо, т. II, стр. 141. — См. тоже: Graaberg af Hemsö, *Doutes et conjectures sur les Huns du nord* (Пиза, 1810).

³⁵⁾ Саксо, т. I, кн. VII, стр. 338 и слѣд. — *Notae uberiores*, т. II, стр. 198.

citato, стр. 237) приводитъ изъ его сочиненій совершенно гомеровое описаніе сраженія съ Гуннами, полное яркихъ картинъ и подробностей, заимствованныхъ изъ самой дѣйствительности.

Въ не продолжительномъ времени послѣ Эриха Краснорѣчиваго славился *Гагбартъ* (Hagbarth)³⁶⁾, который обольстилъ Сигну, дочь Сигарда, и сочетался съ нею тайнымъ бракомъ, за что, по приказанію короля, былъ казненъ. Въ числѣ нѣсколькихъ отрывковъ изъ его стихотвореній, сохраненныхъ въ переводѣ Саксо, отличается истинно романтическимъ колоритомъ предсмертная эротическая элегія его къ женѣ (стр. 346), такъ какъ она ему обѣщала не пережить его и во время исполненія приговора поджечь дворецъ, въ которомъ она, вмѣстѣ съ нимъ, прожила столько счастливыхъ дней.

Хотя, какъ мы видѣли, уже въ это древнее время поэзіи скальдовъ нерѣдко появлялись оды, элегіи и пѣсни, о любовныхъ похожденіяхъ и т. п., но войны, сраженія и морскія экспедиціи составляли главное содержаніе этой поэзіи, и извѣстныя въ этомъ родѣ проистествія чаще всего бывали предметами поэтического вдохновенія. Въ числѣ военныхъ событій, поприщемъ которыхъ была Скандинавія, самою большею въ этомъ отно-

---

³⁶⁾ Саксо, т. I, кн. VIII, стр. 338 и слѣд. — *Notae uberiores*, т. III, стр. 198.

шеніи извѣстностью пользуются именно два, изъ которыхъ первое, это сраженіе съ Гуннами при Дунгейде (Dunheide), случившееся въ началѣ VII столѣтія, о которомъ въ *Heimskringla-Saga* сохранились многочисленные поэтическіе отрывки, описывающіе это сраженіе ³¹⁾; второе событіе—сраженіе при Бравалла, происшедшее около 800 г. въ восточной Готландіи, или Остергалленъ, между Сигуродомъ Ринго и его дядею, датскимъ королемъ Гаральдомъ Гильдетандъ. Это было самое кровопролитное изъ всѣхъ извѣстныхъ на сѣверѣ до того времени сраженій: сражалось болѣе 200 тысячъ, изъ которыхъ, какъ говоритъ Саксо-Грамматикъ ³²⁾, со стороны Ринго погибло самыхъ дворянъ (*proceres*) до двѣнадцати тысячъ, у Гаральда же около тридцати тысячъ, не считая солдатъ или простыхъ воиновъ. Въ томъ же сраженіи палъ и самъ Гаральдъ Гильдетандъ.—Другой *Старкоддеръ*, соединявшій съ качествами великаго воина славу знаменитаго скальда, составилъ объ этомъ сраженіи, въ которомъ онъ самъ принималъ большое участіе, извѣстную поэму, подъ заглавіемъ *Sögubrottr, Sagobrott* (буквально: хлѣбъ или пища преданій), изъ которой у Саксо, въ означенномъ ниже въ 38 примѣчаніи мѣстѣ, мы находимъ довольно интересныя извлеченія. Въ видѣ продолженія этой пѣсни

---

³¹⁾ Изд. Verelius (1672, глава 19, стр. 174),—и Graaberg, *Doutes et conjectures etc.*

³²⁾ Т. I, 1, кн. VIII, стр. 390.

историкъ приводитъ другую ³⁹⁾, гдѣ поэтъ-герой старается разсказомъ о своихъ жестокихъ поступкахъ склонить нѣкоего Гаддера (Hadder), отца котораго онъ убилъ, чтобъ тотъ отомстилъ за это убійство и лишилъ его (Старкоддера) жизни, такъ какъ онъ, чувствуя себя старымъ и не способнымъ къ бою, не желаетъ умереть естественною смертью, вслѣдствіе болѣзни или старости, чтобъ не быть помѣщеннымъ въ Нифльгеймъ (Niflheim), между тѣмъ, какъ, погибнувъ въ сраженіи, поединкѣ или отъ руки убійцы, онъ навѣрное попадетъ въ Вальгаллу, жилище Одина и блаженныхъ ⁴⁰⁾.

Сверхъ того мы встрѣчаемъ еще во всѣхъ историческихъ источникахъ Скандинавіи многочисленныя отрывки подобныхъ поэтическихъ произведеній. Въ одной исторіи Инглинговъ, потомковъ Инга, сына Одина, составленной Снорри Стурлусономъ, мы находимъ 41 такихъ пѣсней, изъ которыхъ одна сочиненія

---

³⁹⁾ Тамъ же, стр. 405.

⁴⁰⁾ Въ рукописной исторіи Норвегіи: *Norges Konunga-Tal* (Списокъ норвежскихъ королей), находящейся въ королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ, мы встрѣтили подтвержденіе этого догмата въ слѣдующихъ словахъ: „Firir thvi at saa var atrunadr haidinna manna, at alle their er af sarom andaduck, skylldu fara til Valhallar” (Ибо это не подлежало сомнѣнію у языческихъ мужей, что всѣ, погибшіе вслѣдствіе ранъ, отправляются въ Вальгаллу).—Сравни. Bartholini, *Antiquitates Danicae* (lib. II, cap. 4, pag. 317).

Брани Старая, сына Бодды (жившаго въ VIII в.), три *Эйвинда* (въ IX стол.), всё же остальные *Тюдольфра* (жившаго также въ IX в.).

Эти два послѣдніе скальда наиболѣе извѣстные изъ всѣхъ, память которыхъ сохранилась до нашего времени. *Тюдольфръ hinn Фроде* (Thiodolfr hinn Frode, т. е. Мудрый), по прозванію: *ди Вине* (di Hvine), по мѣсту его рожденія, воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ дѣйствія Гаральда Горфагра (Harald Haarfagr), у котораго онъ былъ придворнымъ поэтомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ тридцати предшественниковъ этого короля Норвегіи. О другихъ его произведеніяхъ будетъ сказано ниже. *Эйвиндъ Скальдаспиллеръ* (Eivind Skaldaspiller) написалъ историческую и генеалогическую поэму, начинающуюся отъ эпохи Одина. Кромѣ того, по случаю смерти короля Норвегіи, Гакона, славившійся въ то время родственникъ его, Эйвиндъ, сочинилъ элегію: *Наконаг - Маал*, гдѣ, между прочимъ, при описаніи встрѣчи этого короля въ Вальгаллѣ, приводятся понятія языческихъ Скандинавовъ о будущей жизни ⁴¹⁾.

---

⁴¹⁾ Король Гаконъ, съ прозвищемъ *Adelstensfostre* (воспитанникъ Адельстена), былъ сыномъ Гаральда Горфагра и около 950 г. погибъ въ сраженіи, въ которомъ, кромѣ него, пало девять его братьевъ. Подлинникъ этой элегіи Эйвинда находится у Снорри Стурлусона въ *Konung Hakon Adelstensfostre-Saga*, глава 3. Вотъ предпослѣдняя строфа этой пѣсни:

Саксо Грамматикъ ⁴³⁾, Понтанусъ ⁴³⁾, Мэурсіусъ ⁴⁴⁾ и другіе рассказываютъ, что Датчане, послѣ потери своего любимца, короля - героя Фроде III., убитого превращенною въ корову волшебницею, предложили его престолъ и королевство тому скальду, который составитъ самую лучшую поэму о жизни и преждевременной кончинѣ этого короля. Если фактъ этотъ

Mun obunthinn
A yte siot
Fenris Ulfur fara,
Adur iafna godur
A anda tranth
Kongs madur komil

въ переводѣ:

Скорѣе, разорвавъ оковы,
На своихъ враговъ
Нападетъ волкъ Фенрисъ,
Нежели столь добрый,
На землю въ траурѣ,
Король опять придетъ.

Упомянутый здѣсь волкъ *Фенрисъ* или *Фенриръ* былъ сынъ Одина (по нѣкоторымъ бога Люке). Когда онъ былъ взрослымъ, боги коварнымъ образомъ наложили на него цѣпи, по наружному виду тонкія какъ нитки, которыхъ однако, при величайшей силѣ, нельзя было разорвать.—См. Виборгъ, *Nordens Mythologi* (Копенгагенъ, 1843; стр. 50 и 215).

⁴³⁾ Книга VI, стр. 258.

⁴³⁾ Joh. Pontani, *Rerum Danicarum Historia* (lib. 28, pag. 105; ed. Jansson, Hafniae; 1631).

⁴⁴⁾ Joh. Meursius, *Historia Danica* (lib. II, pag. 22; edit. Bläuw, Amstelodami, 1638).

вѣренъ, то, конечно, въ первый разъ королевская корона служила наградою за оды или элегии. Побѣду надъ другими соперниками одержалъ извѣстный въ свое время скальдъ, по имени *Гярнз* (Hjarn), который, хотя и былъ опытенъ въ описаніи сраженій, но не умѣлъ ихъ давать и выигрывать. Трижды побѣжденный Фридлейфомъ II, родственникомъ Фроде, онъ бѣжалъ на прозванный по его имени островъ Гярнз (Hjarnö), уступивъ мѣсто побѣдителю, который, какъ судить можно по приведеннымъ въ сочиненіи Саксо пѣснямъ его (книга VI, стр. 266 и слѣд.), стоялъ выше его не только какъ воинъ, но и какъ поэтъ.

IV.

Значеніе исландскихъ источниковъ для исторіи древне-скандинавской поэзіи.

Не имѣя намѣренія разбирать здѣсь слогъ вообще внутрення качества, характеризующія произведенія поэзіи скальдовъ, о чемъ будетъ издано нами особое сочиненіе, считаемъ однако не лишнимъ замѣтить, что желающіе получить понятіе о качествахъ этой поэзіи найдутъ удовлетворительныя свѣдѣнія о томъ въ пре-

дисловіи Снорри Стурлюсона къ хроникѣ подъ заглавіемъ: *Геймскрингла* (*Heimskringla*) ⁴⁵⁾, равно какъ въ упомянутомъ выше введеніи Малле (*Mallet*) къ исторіи Даніи и въ разсужденіи Веттерстена (*Wettersten*): *De rogsi Scaldorum septentrionalium* ⁴⁶⁾. Здѣсь же, мимоходомъ, скажемъ только, что вообще слогъ произведеній скальдовъ очень живописенъ и вовсе не похожъ на обыденный языкъ, полонъ аллегорій, остротъ, загадокъ, логогрифовъ и другихъ тому подобныхъ украшеній; теперь онъ мало понятенъ, какъ и вообще всѣ древніе сѣверные языки, обыкновенно весьма лаконичные и энергичные, такъ, что представляетъ большія затрудненія, даже для опытныхъ знатоковъ скандинавскихъ языковъ въ пониманіи его.

Само собою разумѣется, что, желая освоиться съ духомъ произведеній скальдовъ, прежде всего нужно познакомиться съ ихъ мифологіею, которая, въ самомъ дѣлѣ, очень замѣчательна. Другія восточ-

---

⁴⁵⁾ Собственное заглавіе этого сочиненія: *Aefi Noregs konunga* (Жизнеописанія норвежскихъ королей), или *Noregs konunga Sogur* (Преданія о короляхъ Норвегіи); впоследствии оно позднѣйшими учеными, по начальнымъ словамъ: „Sva er sagt, at kringla heims ins“, переименовано на *Heimskringla*, по нѣм. *Heimathskreis* (кругъ родины). См. Mohnike, *Entstehung der Heimskringla* (I, стр. 385).

⁴⁶⁾ Упсала, 1717; стр. 37 и слѣд.

ныя и европейскія мифологіи, за исключеніемъ древне-персидской, индійской, греческой и римской, исчезли, не оставивъ почти ни какого слѣда ⁴¹⁾; кельты, германцы средней Европы и славяне не имѣютъ вовсе достовѣрныхъ сборниковъ для вѣрованій своихъ предковъ; между тѣмъ какъ народная скандинавская поэзія представляетъ въ этомъ отношеніи весьма обильные и почти вполне исчерпывающіе ея источники.

Та часть этой поэзіи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, происходитъ не отсюда, гдѣ создалась ея мифологія; драгоцѣнные остатки сей послѣдней исключительно сохранились въ Исландіи и ей мы обязаны двумя собраніями древнихъ, поэтическихъ произведеній о богахъ и герояхъ скандинавскихъ земель.

Исландія долгое время была не обитаемымъ островомъ. Самый первый посѣтилъ ея, во второй половинѣ VI в., Норвежецъ Ингольфъ. Вскорѣ покореніе многочисленныхъ маленькихъ скандинавскихъ королевствъ и ярлей, увеличеніе на счетъ однихъ другихъ владѣній, междоусобія, войны и насильственное введеніе христіанской вѣры побудили многихъ скандинавцевъ къ бѣгству и переселенію на упомянутый островъ. Колонисты въ Исландіи устроили республику,

---

⁴¹⁾ Что касается египетской мифологіи, то она возстановлена благодаря исключительно удачному соединенію свѣдѣній, сохранившихся о ней у греческихъ авторовъ и въ памятникахъ египетскаго искусства.

въ которой дикій характеръ скандинавовъ, равно какъ и умственное у нихъ движеніе, въ теченіи X вѣка, развивались совсѣмъ свободно. Торговля, страсть къ приключеніямъ, жажда завоеваній и преслѣдованія враговъ переносили этихъ поселенцевъ, а послѣ нихъ и природныхъ исландцевъ, въ разныя заморскія страны; между тѣмъ самая Исландія, хотя и отдѣленная географическимъ положеніемъ и политическимъ устройствомъ отъ другихъ странъ, безпрестанно находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ материкомъ и окрестными островами, особенно съ Норвегією, откуда переселенія въ Исландію продолжались безпрерывно. Благодаря содѣйствію норвежскаго короля Олафа Трыггвесонъ, хотя и безъ насилій, исландскій сеймъ согласился ввести въ странѣ христіанскую религію, но съ тѣмъ, чтобы подкидываніе дѣтей, содержаніе которыхъ могло бы быть тяжело для родителей ⁴⁸⁾, равно употребленіе конины ⁴⁹⁾, по прежнимъ законамъ, не было запрещено и чтобы поклоненіе прежнимъ богамъ желающіе могли исполнять частнымъ образомъ ⁵⁰⁾.

---

⁴⁸⁾ См. О. Буслаева, *Историческіе Очерки русской народной словесности и искусства* (т. I, стр. 263; С.-Петербургъ 1861 г.).

⁴⁹⁾ Тамъ-же, стр. 261.

⁵⁰⁾ *Saga af Olaf Tryggveson*, сар. 66, 68, 114;—*Landala-saga* (см. Müller, *Sagenbibliothek*, Берлинъ 1816; стр. 154).—См. тоже: Іоакимъ Лелевель, *Edda, to jest księga religii dawnych Skandynawii mieszkanców* (второе изданіе, Вильно, 1828; стр. 162).

Такимъ образомъ Исландія сдѣлалась христіанскою республикою, хотя въ ней сохранились полная свобода для прежняго идолопоклонства и безопасное убѣжище для языческой поэзіи. Долгое время, рядомъ съ христіанскими священниками, идолопоклонническіе жрецы занимали высшія мѣста и разныя должности, присутствуя вмѣстѣ съ ними на сеймахъ, и хотя потомъ число этихъ язычниковъ все болѣе и болѣе уменьшалось, однакожь языческая поэія, какъ національная принадлежность христіанъ и идолопоклонниковъ, не лишилась своего языческаго характера. Вслѣдствіе того окончательная отдѣлка произведеній этой поэзіи, какъ собственной и народной, была дѣломъ христіанскихъ поэтовъ и писателей Исландіи, развивавшихъ, соединявшихъ и связывавшихъ всѣ разнородныя скандинавскія понятія, вѣрованія и представленія, а также изображенія, повѣствованія, несогласныя между собою рассказы и религіозныя пѣсни. Такими сборниками поэтическо-религіознаго содержанія суть именно двѣ исландскія Эдды: *Saemundi Edda* и *Snorres Edda*, или, по старшинству: *древняя* (старшая) и *новая* (младшая) Эдды. Такъ какъ Эдда, называемая Сэмунда, заключаетъ въ себѣ поэмы, а Эдда, называемая Снорри, мифическіе рассказы и рассужденія, въ прозѣ, то первую изъ нихъ называютъ также поэтическою, а вторую — прозаическою Эддою. Эдда Снорри сдѣлалась извѣстною прежде, нежели Эдда Сэмунда; однакожь сначала мы обратимся къ этой послѣдней, такъ какъ сама по себѣ она старшая, между тѣмъ какъ Эдда Снорри Стур-

люсона, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должна считаться какъ бы только дополнительнымъ комментариемъ къ первой.

Слово эдда для скандинавскихъ филологовъ до сихъ поръ представляетъ предметъ самыхъ разнообразныхъ догадокъ. Такъ напр. одни изъ нихъ, именно Торляціусъ (Thorlaciuss) ⁵¹⁾ и Сумъ (Suhm) ⁵²⁾ производятъ это слово отъ латинскаго глагола edo—*создаю, сотворяю* (Сумъ прямо даже утверждаетъ, что *эдда* — это сокращеніе причастія edita). Арнасъ Магнзусъ и Финъ Магнуссенъ производятъ его отъ существительнаго óðr—умъ, геній, вдохновеніе ⁵³⁾. Еще другіе, какъ напр. Ире (Ihre) ⁵⁴⁾, полагаютъ, что эдда происходитъ отъ часто повторяющагося въ этихъ преданіяхъ союза: etha, — *или*; Рюсъ (Rühs) производитъ её отъ не менѣе часто употребляющагося тамъ глагола heiter — *называется*; или отъ существительнаго Alt, Aet—*родъ*. Яковъ Гриммъ объясняетъ эдду такъ: proavia, origo gene-

---

⁵¹⁾ См. Rühs, *Geschichte Schwedens* (Лейпцигъ, 1843, 26).

⁵²⁾ Suhm, *Kritisk Historie af Danmark* (Копенгагенъ, 1826; I, 26).

⁵³⁾ Справ. Н. С. von Gager, *Nationalgeschichte der Deutschen* (т. I, стр. 86). Опираясь на семь опредѣленій, Гагернъ говоритъ, что въ XI и XIII вѣкахъ, когда христіанство уже вполне распространилось въ Исландіи, Сэмундъ и Снорре собирали преданія по собственному выбору и усмотрѣнію, вслѣдствіе чего и называли эти сборники Эддами, что значитъ — поэзію ума.

⁵⁴⁾ См. Schlötzer, *Isländische Literatur und Geschichte*, (1773; т. I, 74).

ris, summa auctoritas (въ поэзіи asumen), производя это значеніе отъ: iz, ard, uzd (лат. ars, старонѣм. art, англосакс. ord), исланд. oddr — верхъ (princeps virorum). Женскій родъ сего послѣдняго слова-odda, или edda, значитъ: женщина, стоящая во главѣ.

По нашему мнѣнію, больше всего заслуживаетъ вниманія то извѣстное обстоятельство, что во время Сэмунда, и тѣмъ болѣе во время Снорри, эти традиціи уже только существовали въ памяти старцевъ, по большей части старыхъ женщинъ, которыя, въ долгіе зимніе вечера, при домашнемъ очагѣ, воспѣвали и рассказывали ихъ, подобно тому, какъ это дѣлалось и во многихъ другихъ странахъ, именно на всемъ славянскомъ сѣверѣ. Вотъ такая старуха, собственно прабабка, по древне-скандинавски называлась эдда ⁵⁵⁾. Однако же, держась этой этимологіи, какъ самой естественной изъ всѣхъ, мы, касательно значенія Эдды, вовсе не согласны со скептическимъ мнѣніемъ Шлецера ⁵⁶⁾ и, слава Богу, что уже издавна настоящая наука оставила это пренебреженіе къ просто-народной литературѣ, въ которой, напротивъ,

---

⁵⁵⁾ На фризійскомъ языкѣ прабабка тоже называется эдда. Понтониданусъ, въ своей лѣтописи (Annales II, стран. 277), упоминаетъ о датской рукописи, находящейся въ г. Рибѣ, извѣстной также подъ именемъ Oldemoder—прабабки.

⁵⁶⁾ Loco citato ad 55: „Isländische Sagen sind Büchlein, wie das Büchlein vom Kaiser Dagobert und der schönen Melusina, und von Fortunati Wunschbüchlein, die unsere Mägte beim Spinnenrocken lesen, aber kein Gelehrter citirt“.

въ отношеніи этнологическихъ, отчасти даже историческихъ свѣдѣній, она нашла себѣ самый обильный источникъ.

V.

Эдда, такъ называемая Сэмунда или старшая.

Въ Исландіи, считавшейся прежде родиною поэзіи, со времени потери ею своей независимости, когда выпали на ея долю тяжелыя испытанія, поэтическое творчество мало по малу прекратилось. Но въ слѣдъ за тѣмъ въ другихъ скандинавскихъ странахъ начали заниматься изслѣдованіями древностей ея, такъ, что Торфэусъ ⁵⁷⁾ уже могъ начинать исторію исландской поэзіи. Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ матеріаловъ для его труда была открытая, въ 1643 году, епископомъ въ Скальгольмѣ, Брынкольфомъ Свейнсонъ, древ-

---

⁵⁷⁾ Торфэусъ (Thorfaeus, собственно Thormodgr), ученый Исландецъ, жившій во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XVIII в. (умершій въ 1719 г.), преимущественно занимался исправленіемъ хронологіи древняго сѣвера и въ своихъ сочиненіяхъ по этому предмету, опиравшихся на поэтическихъ источникахъ, выработалъ основы для составленія историографіи скандинавскихъ народовъ, какъ напр. въ *Series dynastiarum et regum Daniae* (1702), *Historia rerum Norvegicarum* (1711), *Notae posteriores in seriem regum Daniae* (ed. Suhm, 1777) и проч.

ная рукопись, заключающая въ себѣ значительное количество пѣсень. Гдѣ онъ ее открылъ, у кого и какимъ образомъ? о томъ вовсе не имѣется никакихъ свѣдѣній. Это та же рукопись, которая, подъ названіемъ: *Codex regius*, сохраняется въ большой королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ ⁵⁸⁾ и которую, вѣроятно, епископъ Бриньольдъ пожертвовалъ королю Фридриху III ⁵⁹⁾. Кромѣ того этотъ епископъ велѣлъ списать копію съ открытаго кодекса, на пергаментѣ, и на ней собственноручно написать: *Edda Saemundi Multiscii* (т. е. Сэмунда гинсъ Фроде или Многознающаго), такъ какъ по преданію болѣе древнему этотъ сборникъ приписывался Сэмудну-Фроде ⁶⁰⁾. По всей вѣроятности Бриньольдъ послалъ эту копію Стефаніусу въ Сорэ, такъ какъ въ одномъ изъ писемъ Ворма къ этому ученому издателю Истории Саксо (отъ 7-го Февраля 1646 года),

---

⁵⁸⁾ Въ отдѣлѣ названномъ: *Gamle kongelige Samling* (древняя королевская коллекція), N. 2365, 4.

⁵⁹⁾ См. Werlauff, *Bibliothekshistorien* (Копенгагенъ, 1862; стр. 29). На первой страницѣ этого кодекса находится вензельное изображеніе: L. L., т. е. *lupus loricatus* (*Брытольдъ-панцирный волкъ*), и означенъ годъ 1643.

⁶⁰⁾ Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ Торфэусъ, по воспоминаніямъ изъ дѣтскаго возраста Арне Магнуссона. „Но“, — замѣчаетъ относительно этого преданія П. А. Мунхъ, въ предисловіи къ своему изданію Эдды (Христианія, 1847 г.; стр. V)—„повсему это свѣдѣніе должно считаться весьма мало основательнымъ и вѣроятнымъ.“

ны встрѣчаемъ слѣдующія слова: „Eddam Saemundi ascerpisse te audio;” на что (27-го Февраля того же года) отвѣчаетъ Стефаниусъ: „Eddam Saemundi ascerpisse me verissimum est,” вмѣстѣ съ тѣмъ называя эту книгу: „immensi pretii *κειμήλιον*; certe liber rarissimus, multa continens antiqua, vetusta, sepulta”.

Отъ подлинной, или самой древнѣйшей извѣстной рукописи этого *codex regius*, находящейся въ королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ, происходятъ всѣ другіе списки Эдды. Она писана довольно древнимъ почеркомъ, правдоподобно принадлежащимъ къ началу XIV в. Содержаніе ея представляетъ отчасти собраніе *ижеическихъ* поэмъ, отчасти историческо-ижеическихъ пѣсней, именно о Фэлсунгахъ, съ прибавленіемъ одной *ижеическо-христіанской* поэмы, подъ заглавіемъ *Soliar-líodh* (Пѣсня о солнцѣ).

Упомянутый *codex regius*, приписываемый Сэмунду Фроде, обнимаетъ въ 46 листкахъ: 1) *Вэлусна* (*Völuspa*), 2) *Гавамаль* (*Havamaal*), 3) *Вафтруднисмаль* (*Vafthrudhnismaal*), 4) *Гримнисмаль* (*Grimnismaal*), 5) *Скирнисфэрз* (*Skirniför*), 6) *Гарбардслюдз* (*Harbardhsljodh*), 7) *Гымисквида* (*Hymiskvidha*), 8) *Эисдрекка* (*Aegisdrekka*), 9) *Гамарсеймтз* (*Hamarsheimt*), 10) *Вэлундарквида* (*Völundarkvidha*), 11) *Альвиссмаль* (*Alvisismaal*), 12) *Гельмаквида* (*Helgakvidha*, I, II, III), 13) *Сигурдарквида* (*Sigurdharkvidha*, I, II), 14) *Тафнисмаль* (*Tafnismaal*), 15) *Сигрдифумаль* (*Sigrdifumaal*) 16) *Брингильдарквида* (*Brynhildarkvidha*).

Между 34-ымъ и 35-ымъ листками находится большой пропускъ, вслѣдствіе чего нѣтъ конца пѣсни Сигр-ди-фумаль и начала Брынгильдаркvida. Послѣ нихъ слѣдуютъ еще:

17) *Гудрунаркvida* (Gudhrunarkvidha, I), 18) *Сигурдаркvida* (Sigrðharkvidha, III), 19) *Гельрейда Брынгильдаръ* (Helreidh Brynhildar), 20) *Гудрунаркvida* (Gudhrunarkvidha, II, III), 21) *Оддрунарграстръ* (Oddrunargratr), 22) *Атлакvida* (Atlakvidha), 23) *Атламаль* (Atlamaal), 24) *Гудрунархвотъ* (Gudhrunarghvöt), 25) *Гамдисмаль* (Hamdhismaal).

Сверхъ королевскаго кодекса, мы находимъ еще въ колленціи Арнасъ Магнэусъ (Nr. 748, 4) фрагментъ рукописи, заключающій *Скальду* (изъ *Новой Эдды*) и слѣдующія части *Древней Эдды*:

1) Вторую половину *Гарбардслиода*, 2) *Бальдрс драумаръ* (Baldrs draumar) или *Вегтамскvida* (Vegtamskvidha), поэму вовсе не заключающуюся въ королевскомъ кодексѣ, 3) *Скирнисмаль*, начиная отъ второй строчки первой строфы до 28-ой строфы, 4) *Гримнисмаль*, 5) *Гымискvida* и 6) первыя строчки введенія въ прозѣ, къ *Валюндаркvida* (Völundarkvidha).

Наконецъ существуютъ еще другіе, можетъ быть даже болѣе древнѣйшіе фрагменты, чѣмъ вышеприведенныя пѣсни, хотя они и сохранились только въ позднѣйшихъ бумажныхъ рукописяхъ; но древность ихъ происхожденія точнымъ образомъ опредѣлить не

возможно. Въ такихъ бумажныхъ спискахъ находятся слѣдующія четыре поэмы.

1) *Гроугальдръ* (Grougaldr), 2) *Фіэльсвинсмаль* (Fjölsvinnsmál), 3) *Рафнагальдръ Одинсъ* (Hrafnagaldur Odhins) и 4) *Соларлиодъ* (Solarljodh).

Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній находятся также или отдѣльно, или въ другихъ сборникахъ. Такъ напр.: *Вальста* (кромѣ королевскаго кодекса) находится также въ древней пергаментной рукописи, такъ названной *Книжь Гаука Эрлендсона* (Hauksbok), относящейся къ половинѣ XIV в. (коллекція Арн. Магнэусъ, N. 544, 4), но она не писана рукою того-же Гаука и, кажется, прибавлена позже. *Глоттасаунъ* включена въ *Скальдскарпмаль*, въ королевскомъ кодексѣ *Младшей Эдды* (древняя королевская коллекція, N. 2367); *Ригсмаль* находится въ прибавленіи къ *Младшей Эддѣ*, въ кодексѣ Ворма. Наконецъ разные фрагменты, находящіеся въ этой послѣдней Эддѣ и въ *Вальсунгасага*, служатъ доказательствомъ, что существовало еще большее количество поэмъ, отчасти миѳическихъ, отчасти героическихъ, которыя теперь уже исчезли ⁶¹⁾.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что за время съ 1300 по 1400 годъ существуютъ копія различныхъ,

---

⁶¹⁾ См. предисловіе П. А. Мунха къ упомянутому изданію *Эдды* (стр. 8—9). Кромѣ того по этому предмету можно еще обратиться къ отрывкамъ нѣкоторыхъ лѣсней, находящимся у Савсо.

преимущественно миѣическихъ лѣсенъ, отчасти разбросанныя отдѣльно или въ другихъ какихъ нибудь сборникахъ, отчасти же заключающіеся въ одномъ, хотя все таки неполномъ спискѣ, такъ называемомъ *codex regius*, который епископомъ Бриньоульфомъ Свейнсонъ приписывается извѣстному Сэмунду-гинъ-Фроде ⁶²). Впрочемъ, касательно принадлежности этого кодекса Сэмунду, издавна существовали различныя мнѣнія. Аригримъ Ёнсонъ считаетъ утвержденіе о томъ епископа положительно не подлежащимъ ни какому сомнѣнію и по этому ссылается на древнѣйшее преданіе, по которому, будто бы, Снорре Стурлюсонъ только увеличилъ Эдду, собранную прежде Сэмундомъ Фроде, такъ, что этому послѣднему должны быть приписываемы начала и основанія (*initia et fundamenta*), первому же пополненіе

---

⁶²) Исландецъ *Сэмундъ Сигфуссонъ*, по прозванію *гинъ Фроде* (родившійся въ 1056 г., умершій 1133 года), молодость свою прожилъ во Франціи и Италіи. Возвратившись на родину въ 1076 году, онъ поселился въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, по имени Одда, и здѣсь, окруженный многочисленнымъ семействомъ, исправляя священническую должность, въ теченіи долгихъ лѣтъ пользовался общимъ уваженіемъ и большою извѣстною. Сэмундъ учредилъ въ своемъ помѣстьѣ школу, изъ которой вышло много знаменитыхъ людей. Школу эту продолжалъ его внукъ, Іоуъ Ліонтсонъ, въ свое время одинъ изъ самыхъ ученыхъ и богатыхъ Исландцевъ, въ числѣ воспитанниковъ котораго находился Снорре Стурлюсонъ. — Сэмунду Сигфуссонъ, кромѣ Эдды, приписываются также *лѣтписи* и другія сочиненія историческаго содержанія.

и окончаніе сочиненія (locupletatio et opusculi absolutio) ⁶³⁾.

Слѣдовательно, по этому мнѣнію, Сэмундъ, будто бы, началъ ту Эдду, которую продолжилъ и расширилъ Снорре Стурлюсонъ. Но Эдда, извѣстная подъ названіемъ Снорри-Эдды, начало которой, Гильфагиннингъ (Gylfaginning), приписывается ему, очевидно ни какъ не можетъ считаться продолженіемъ или расширеніемъ Эдды Сэмундовой, такъ какъ содержаніе и цѣль этихъ двухъ собраній совершенно различны.

Первый сомнѣвался въ этомъ Арнасъ Магнуссонъ ⁶⁴⁾. Онъ замѣчаетъ, что нѣтъ дѣйствительно древняго свидѣтельства, будто бы Сэмундъ составлялъ Эдду, и утвержденіе Брынюльфа Свейнсонъ не основано ни на одномъ несомнѣнномъ авторитетѣ; ставя-же имя Сэмунда на этомъ сочиненіи, онъ увлекался общимъ, распространеннымъ на этотъ счетъ въ его время преданіемъ. Впрочемъ, это не въ первый разъ, говоритъ Магнэусъ, что Брынюльфъ приписывалъ традиціи большую важность, нежели она стоитъ. Если Сэмундъ, который самъ этихъ поэмъ не сочинялъ, составилъ упомянутое собраніе, то, конечно, оно обратило бы на себя всеоб-

⁶³⁾ Сравн. Н. М. Петерсенъ, *Bidrag til den oldnordiske Litteraturs Historie* (Копенгагенъ, 1866; стр. 81).

⁶⁴⁾ См. *Edda Saemundar hinns frodha, eller Edda Saemundina*, изд. Арнасъ Магнуссонъ, съ латинскимъ переводомъ (Копенгагенъ, 1787—1828).

щее вниманіе, какъ современниковъ, такъ и въ позднѣйшее время. Но названіе Эдды встрѣчается гораздо позже, именно только въ XIV столѣтіи, когда, вѣроятно, могли говорить не о древней, а только о младшей Эддѣ ⁶⁵⁾. Эти недоумѣнія подкрѣпляются еще тѣмъ, что, не смотря на многіе случаи, въ которыхъ могли ссылаться на это собраніе, если только оно было бы извѣстно, ни кто на него не ссылался; напротивъ, въ младшей Эддѣ неоднократно встрѣчаются цитаты изъ древнихъ пѣсень, но тамъ онѣ не приводятся какъ принадлежащія къ какому-либо сборнику, а упоминаются совершенно отдѣльно, какъ напр.: „*sva segir i Völuspá*” (такъ сказано въ Вэлүспѣ). Тамъ также приводятся пѣсни, совсѣмъ не находящіяся въ сборникѣ, напр.: „*sva segir i Hyndluljóðh*.” Если имя автора какой либо пѣсни извѣстно составителю младшей Эдды, то онъ безусловно приводитъ его, напр.: „*sva segir Bragi skald gamli*” (такъ говоритъ скальдъ Браги Старый); относительно-же произведеній Эдды онъ этого не дѣлаетъ, хотя и ссылается на нихъ. Слѣдовательно, мы можемъ заключить, что собирателямъ младшей Эдды древняя Эдда не была извѣстна, такъ какъ они никогда о ней не упоминаютъ, равно не были извѣстны имъ и отдѣльные

---

⁶⁵⁾ См. *Vita Saemundi* въ *Edda Saemundina* (т. I, стр. 11).

поэты, изъ которыхъ также ни одинъ не указывается ими по имени ⁶⁶⁾.

Къ упомянутымъ доказательствамъ мы прибавимъ еще нѣкоторыя другія, заимствованныя изъ самаго сочиненія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь.

Проза въ Эддѣ Сэмунда, очевидно, должна считаться принадлежащею тому-же писателю, который составилъ все собраніе. Но, если эти прибавленія, а равно и введенія къ отдѣльнымъ пѣснямъ, въ самомъ дѣлѣ составляютъ сочиненіе Сэмунда Сигфуссонъ, то онъ не заслуживаетъ прозванія „гинъ-Фроде“ (Multiscius, мудрый), какимъ онъ удостоенъ отъ своихъ соотечественниковъ. Всѣ эти рассказы, замѣчанія и пр. написаны вовсе безграмотно; они не доказываютъ большой учености автора, такъ какъ главнымъ образомъ объясняютъ только то, что приводится въ самыхъ поэмахъ; вездѣ-же, гдѣ авторъ намѣренъ сообщить обстоятельства, не описанныя самимъ поэтомъ, онъ показываетъ свою неспособность, сбиваясь съ истинной точки зрѣнія поэмы. Иногда эти примѣчанія даже вовсе нелѣпы, какъ напр., когда, въ концѣ второй части поэмы *Гельмаквида*, онъ говоритъ о возрожденіи: „that var trua i forneskju, at menn vāri endrbornir, en that er nu köllud kerlinga villa“ (это считалось истиннымъ по одному суевѣрію, что люди опять возрождаются послѣ смерти, а теперь

---

⁶⁶⁾ Сравни. К. Bergmann, *Poèmes islandais* (Вэлюспа, Вафтруднисмалъ и Ліюкасенна); Парижъ, 1838 (стр. 12)—и того-же автора: *La fascination de Gulfe* (Парижъ, 1868; стр. 41).

ни кто уже этому вѣрить не будетъ), что, конечно, ослабляетъ впечатленіе, произведенное пѣсней. Слѣдовательно, ежели Сэмундъ не могъ быть авторомъ подобныхъ нелѣпостей, то его также нельзя считать и составителемъ Эдды, ибо то и другое несомнѣнно принадлежитъ одному и тому же писателю. По всему этому мы, кажется, имѣемъ полное право заключить, что поэтическая Эдда не только не составлена Сэмундомъ, но даже во время Снорре Стурлюсона вовсе еще не была извѣстна. Время происхожденія этой Эдды можетъ быть отнесено къ концу XIII или къ началу XIV вѣка. Въ первые года XII столѣтія въ Исландіи проявилось весьма замѣчательное литературное движеніе, именно въ это время составляли историческія сочиненія и переводы латинскихъ книгъ, а также собирали древнія поэмы, сохранившіяся въ памяти народа. Употребленіе латинскихъ буквъ, введенныхъ въ началѣ XIII в., много могло этому движенію и священники ревностно занимались собираніемъ разсказовъ, законовъ, поэмъ и филологическихъ разсужденій. Къ тому же времени относятся самыя древнѣйшія рукописи, едва ли впрочемъ, какъ сказано, ранѣе начала XIV в., и въ этомъ также мы видимъ доказательство, что Эдда, приписываемая Сэмунду, была собрана только въ этомъ періодѣ времени, такъ какъ ни одна изъ рукописей сего сборника не принадлежитъ прежнимъ вѣкамъ, а именно упомянутыя столѣтія отличались страстію къ составленію сборниковъ.

Не видя за тѣмъ ни какихъ основаній поддерживать

то, что до такой степени несостоятельно и ни чѣмъ не подтверждается, мы считаемъ возможнымъ, безъ всякаго сожалѣнія, отказаться отъ предположенія, что минимол-старшая Эдда, такъ называемая *Эдда Сэмунда*, дѣйствительно составлена Сэмундомъ Сигфуссонъ гинъ Фроде, и положительно утверждаемъ, что *она ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ же Сэмундомъ*. Сэмундъ не сочинилъ самыхъ поэмъ ⁶¹⁾, не взялъ ихъ изъ нѣмецкихъ источниковъ, какъ утверждали нѣкоторые нѣмецкіе ученые, наконецъ, онъ и не составилъ упомянутаго сборника.

Что касается перваго изъ этихъ предположеній, то оно уже до сихъ поръ большею частью принималось учеными. Сэмундъ не сочинилъ Эдды; это обыкновенно очень просто объяснялось тѣмъ, что поэмы называемой отъ имени Сэмунда Эдды, гораздо древнѣе того времени, въ которое онъ жилъ. Тѣ-же поэмы, или по крайней мѣрѣ похожія на нихъ, за долгое время до него были извѣстны и распространены на сѣверѣ; нѣкоторые изъ нихъ даже древнѣе литературнаго періода Исландіи. Браги Старый (Brage den Gamle), жившій до Гаральда Горфагре, Тіодольфъ изъ Вине (Thiodolfr di Hvine) и Эйвиндъ Скальдаспиллеръ, придворный скальдъ

---

⁶¹⁾ Хотя нѣкоторые и полагаютъ, что пѣсня мифическо-христіанскаго характера: *Solarljodh* — его сочиненіе, но это также ни болѣе ни менѣ какъ гипотеза, требующая еще основательнаго подтвержденія и доказательствъ.

Гаральда Горфаръ, для своихъ поэмъ пользовались во многомъ изображеніями, заимствованными изъ цикла пѣсней о Вэльсунгахъ. Происшествія, о которыхъ тамъ идетъ рѣчь, конечно, были извѣстны ранѣе на сѣверѣ; но прежде, нежели изъ сказаній о нихъ могли быть дѣлаемы позаимствованія, нужно, чтобъ матеріалъ былъ обработанъ поэтическимъ образомъ. Такъ въ *Olafsaaga Truggvasona* говорится о четырехъ принадлежащихъ къ этому-же поэтическому циклу поэмахъ, подъ тѣми-же заглавіями, подъ которыми другія болѣе древнія до сихъ поръ сохранились. Кромѣ того, часто встрѣчаются въ Эддѣ болѣе или менѣе ясныя намеки на такія давнія происшествія, доказывающіе, что существовали поэмы о томъ же древнѣе произведеній Эдды Сэмунда, также относившіяся къ циклу Вэльсунговъ. Изъ этого, впрочемъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что будто бы Сэмундъ составилъ или списалъ тѣ поэмы, хотя онѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ тѣмъ же содержаніемъ встрѣчаются въ Эддѣ, такъ какъ въ послѣдней находятъ только отрывки нѣкоторыхъ поэмъ, которые были извѣстны собирателю. Это доказывается ясно самымъ содержаніемъ сборника, какъ то увидимъ ниже.

Приверженцы мнѣнія, что будто бы Сэмундъ, во время пребыванія своего въ Германіи, перевелъ всѣ или нѣкоторые изъ нѣмецкихъ поэмъ, также не могутъ привести въ подтвержденіе сего ни какихъ основаній. Правда, что онъ нѣкоторое время проживалъ въ Кельнѣ, или, можетъ быть, также и въ другихъ мѣстахъ

надъ Рейномъ, но о его занятіяхъ тамъ положительно ни чего не извѣстно. Кромѣ того не извѣстно и то, существовали-ли такія нѣмецкія пѣсни, которыя бы онъ могъ перевести, такъ какъ одно преданіе, что, будто бы, Карлъ Великій велѣлъ собирать старыя нѣмецкія поэмы, содержаніе которыхъ равно не извѣстно, но которыя предшествовали скандинавскимъ по времени, ни чего еще не объясняетъ. Кромѣ скандинавскихъ обработокъ древнихъ преданій никакія другія въ поэтической формѣ вовсе не извѣстны и хотя говорятъ о нѣмецкихъ разсказахъ или поэмахъ, но тѣ, которыя сохранились по нынѣ, исключительно принадлежатъ позднѣйшему времени.

Наконецъ, относительно составленія Эдды самимъ Сэмундомъ изъ древне-скандинавскихъ поэмъ, слѣдуетъ еще замѣтить, какъ уже выше сказано, что въ Эддѣ находится много такого, что не сомнѣнно принадлежитъ позднѣйшему времени, и что она составлена не вполне удачно кѣмъ то, жившимъ послѣ Сэмунда.

VI.

**Мифическія пѣсни такъ называемой Эдды
Сэмундовой.**

Для поэзіи существуютъ три дѣйствительно натуральныя формы: эпическая, лирическая и драматичес-

кая, но на сѣверѣ извѣстны были изъ нихъ лишь первая и вторая. Драма у древнихъ Скандинавовъ соединялась съ эпическимъ элементомъ, какъ у Грековъ съ лирическимъ, хотя этимъ послѣднимъ подобное соединеніе не помѣшало создать самую великолѣпную драматическую поэзію.

Эпическія поэмы скальдовъ относятся къ тремъ родамъ: миѣическому, поэзіи геройскаго времени и историческому. Само собою разумѣется, что иногда эти роды смѣшиваются одинъ съ другимъ, такъ, что нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ нимъ поэмъ должны считаться переходными или смѣшанными.

Чисто миѣическія поэмы тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ описаніе свойствъ боговъ, ихъ дѣйствій и приключеній. Поэмы эти отчасти получали свои названія отъ тѣхъ или другихъ почему либо замѣчательныхъ людей, какъ напр.: *Vafthrudhnismaal*, *Fjölsvinnismaal*, *Thrymskvidha*, *Lokasenna*, или-же отъ описываемаго происшествія, какъ напр. *Hamarsheimt*. Переходными поэмами между чисто миѣическими и геройскими считаются тѣ, въ которыхъ роды тѣхъ или другихъ людей производятся отъ боговъ и которыя объясняютъ связь, существующую между миѣическимъ и историческимъ міромъ, напр. *Hyndluljodh*.

Въ героическихъ пѣсняхъ, или изображеніяхъ происшествій геройскаго времени, боги дѣйствуютъ на землѣ еще не посредственно, исторія же начинается отъ

минеа ⁶⁸⁾). Героическія пѣсни—это поэзія замѣчательныхъ приключеній, сильныхъ страстей и большихъ страданій. Обыкновенно эти произведенія получаютъ свое названіе отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ напр. *Völundarkvidha*, *Atlamaal*. Переходъ отъ нихъ къ историческимъ пѣснямъ представляютъ именно тѣ, которыя рассказываютъ о сверхъестественныхъ приключеніяхъ героевъ, высшихъ отъ обыкновенныхъ людей, какъ напр. предсмертная пѣснь Старкоддера у Саксо ⁶⁹⁾ и пѣснь о смерти знаменитаго короля, Рольфа Краке, въ *Vjárkemaal*, или наконецъ тѣ, въ коихъ повѣствуется о какомъ либо замѣчательномъ событіи въ жизни народа, какъ напр. пѣснь о *Bravallaslag*.

Историческія пѣсни и рассказы (*Sagar*), имѣющія содержаніемъ общественныя или государственныя событія и жизнь королей или отдѣльных родовъ, дѣлятся на нѣсколько разрядовъ. Къ одному изъ нихъ принадлежатъ такъ называемыя генеалогическія пѣсни (*Aettertal*), т. е. тѣ, въ которыхъ королевскіе роды выводятся отъ боговъ, послѣ чего описываются судьбы и приключенія этихъ родовъ. Такова напр. пѣснь: *Ynglingatal*, о Законѣ Ярлѣ. Похвальная пѣснь о дѣйствіяхъ героя составляла драпу (*Drapa*), если въ

---

⁶⁸⁾ Къ этому послѣднему роду относятся также рассказы о Гальфданѣ Старомъ и нѣкоторыя введенія къ богатырскимъ пѣснямъ.

⁶⁹⁾ Саксо, книга VI, стр. 315.

ней воспѣвался герой при жизни; если-же она говорила о немъ по смерти, то называлась *Erfidrapa*. Были также христіанскія пѣсни, оды въ честь Бога или святыхъ, какъ напр. поэма *Эйнира Скулесонъ*, объ Олафѣ Св.—Кромѣ упомянутыхъ, могли существовать еще многія другія историческія поэмы на разные случаи, напр. по поводу приключеній въ жизни самаго скальда (какъ *Sighvats Vestfararvisur*) и о происшествіяхъ въ жизни народа (какъ *Bersöglisvisur*). Не рѣдко также въ тѣхъ пѣсняхъ описываются извѣстныя, большія сраженія.

Отъ эпической поэзіи, преобладающей въ Эддѣ, предметами которой бываютъ вообще происшествія разнаго рода, слѣдуетъ отличать лирическую, описывающую чувства и страсти; она также бываетъ миѳическая или историческая. Къ первому роду, напр., принадлежатъ молитвы и воззванія къ богамъ, волшебныя пѣсни и заклинанія (*Galdr*), обыкновенно употреблявшіяся при выпѣзываніи руническихъ буквъ (*Seidhr*), и т. п.

Наконецъ мы часто встрѣчаемъ поэмы, сочиненныя, очевидно, съ воспитательными и научными цѣлями и для укрѣпленія нравственнаго чувства, или чисто дидактическія. Не рѣдко случается, что поэмы, заключающія въ себѣ рассказы о миѳическихъ или историческихъ происшествіяхъ, въ то же время и этическихъ; иногда-же онѣ, состоя изъ діалога, приближаются къ драматической формѣ, какъ напр. въ *Наватаалъ*—вообще этической поэмѣ, но заключающей различные эпическіе эпизоды. Діалогъ

преобладаетъ въ *Vafthrudnismal*, хотя въ содержаніи этого произведенія сообщаются также мифы, и въ нѣкоторыхъ сборникахъ загадокъ (*Gata*). На оборотъ, эпическія поэмы часто заключаютъ въ себѣ поучительные эпизоды, какъ напр. *Sigrdrifumaal*, о руническомъ письмѣ и его родахъ.

Во главѣ мифическихъ поэмъ древней Эдды стоитъ *Валюсна* (*Völuspá*)—пророчество Воли, ⁷⁰⁾ дочери Геймдалля, привратника боговъ, одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ памятниковъ скандинавской поэзіи. Почти въ четырехъ стахъ стиховъ произведеніе это заключаетъ общее описаніе боговъ, сотворенія и конца міра, однимъ словомъ, всю мифологическую систему сѣвера. Лёдъ и теплота, темнота и свѣтъ, олицетворенныя силы природы подъ названіями исполиновъ и карловъ, люди и боги въ совершенно человѣческомъ видѣ, олицетворенное расpredѣленіе времени ⁷¹⁾, дерево, соединяющее весь міръ ⁷²⁾, освѣжающіе источники воды и зло въ видѣ

---

⁷⁰⁾ *Vola*, *Völva*, *Vala* — также общее названіе для пророчицъ и извѣстнаго рода волшебницъ. Описаніе подобной Воли, именемъ *Thorbjörg*, ея наряда и пріемовъ, употреблявшихся ею для пророчества, находится въ *Thorfinn Karlsefnes-Saga* (см. Рафнъ, *Anthologia Armoricana*, стр. 104—12). При этихъ пророчествахъ пѣлись нѣкоторые пѣсни, *Vardhlokur*, послѣ которыхъ появлялись передъ нею невидимые для другихъ духи. Предсказанія свои она сообщала съ возвышеннаго мѣста, *hjáll*.

⁷¹⁾ *Валюсна* 5; *Новая Эдда* (*Dǫmesaga*), 9 и 10.

⁷²⁾ Святой ясень *Yggdrasill* (*Валюсна*, 19 и *Новая Эдда*, *Dǫmesaga*, 14).

змѣя, волковъ, собакъ, птицъ и огня, уничтожающее міръ и боговъ, дабы ихъ мѣсто заняли другіе, - вотъ содержаніе Вэлуспы. Обиліе содержанія, при краткости поэмы, въ соединеніи съ древностію языка, дѣлаетъ эту поэму въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе ясною; но, при всемъ томъ, ей нельзя отказать въ необыкновенной возвышенности мыслей, энергіи въ выраженіяхъ и многочисленныхъ картинахъ, весьма живописныхъ ⁷³⁾. Въ тоже время самый слогъ, отрывочность и неопредѣленность поэмы, отсутствіе художественнаго

---

⁷³⁾ Самое уже введеніе къ Вэлуспѣ своими поэтическими красотами возбуждаетъ удивленіе (I строфа):

Hiðjodhs bidh ek allar

Helgar kindir,

Meiri ok minni

Mögu Heimdallar:

Vildu at ek Valföðhrs

Vél framtelja,

Fornspjöll fira,

Þan er ek fremst um man.

Въ переводѣ:

„Молчите (восклицаетъ пророчица); слушайте всѣ,

Дѣти святаго рода,

Большія и малыя !

Я дочь Геймдалли:

Хочу вамъ Вальфёдра

Разсказывать штуки,

Древнее пророчество;

Древнѣйшаго ни кто знать не можетъ.“

или слѣдующее описаніе ада, въ концѣ поэмы (строфы 59 и 60, или, по изданію Люнниа, Цюрихъ, 1859: 62, 63 и 64 стр.):

единства или цѣлости, представляютъ несомнѣнныя доказательства глубокой древности всей этой поэмы и заключающихся въ ней рассказовъ. Только случайное сходство, даже, кажется, внѣшнее, подало нѣкоторымъ ученымъ мысль, что, будто бы, въ Вэлюспѣ видимы слѣды и вліяніе *Апокалипсиса* ¹⁴⁾. Во всякомъ случаѣ въ Вэлюспѣ заключается все то, что служитъ содержаніемъ позднѣйшихъ скандинавскихъ, религіозныхъ пѣсень, развивавшихъ тѣ же преданія.

По преимуществу о богѣ Одинѣ разсуждаютъ слѣдующія поэмы Эдды:

Вафтруднисмалъ (*Vafthrudnismal*), писанная въ формѣ діалога, который, какъ сказано выше, довольно часто употреблялся въ поэзіи скальдовъ. Содержаніе ея слѣдующее: Богъ Одинъ, подъ названіемъ Гагирадръ (путешественникъ), приходитъ къ исполниту Вафтруднису (всеvědцу), съ которымъ онъ желаетъ помѣряться мудростью. Борьба о знаніи начинается; во первыхъ исполнивъ дѣлаетъ

Знаю стоящее, далеко отъ солнца,
Зданіе при Настрандѣ (берегѣ скелетовъ),
Съ воротами къ сѣверу.
Съ оковъ стекають капли отравы,
Стѣны сдѣланы изъ змѣйныхъ костей.
Здѣсь ходять въ бродъ черезъ быстрыя волны
Клятвопреступники и убійцы.
Всего же страшнѣе быть выгнаннымъ
Въ Вергельмъ, гдѣ змѣй Нидогуръ
Терзаетъ умершихъ тѣла.

¹⁴⁾ См. Лелевель, *loco citato*, стр. 170.

гостю многіе вопросы, на которые тотъ побѣдоносно отвѣчаетъ, что признаетъ самъ Ваѣтруднисъ; послѣ того опять Одинъ дѣлаетъ восемнадцать запросовъ великану, но Ваѣтруднисъ былъ не въ состояніи отвѣчать на нихъ богу. Поэтъ не упоминаетъ, какимъ образомъ этотъ послѣдній воспользовался своимъ торжествомъ.

Гримнисмалъ (Grimnismaal), гдѣ Одинъ представленъ въ видѣ карающаго бога. Вотъ какимъ образомъ описывается поэтомъ это мифическое происшествіе. Одинъ и Фригга сидятъ въ Глидскяльфѣ (Hlidskjalf) ⁷⁵⁾ и смотреть на міръ; Одинъ ей указываетъ на ея пріемыша, Агнара, живущаго въ гротѣ съ великаншею, между тѣмъ какъ его (Одина) пріемышъ, Гейррэдъ (Geirröð), какъ король, живетъ во дворцѣ. Фригга отвѣчаетъ, что Гейррэдъ негодяй, который мучитъ своихъ гостей. Одинъ оспариваетъ это. Они бьются объ закладъ и Одинъ рѣшается лично убѣдиться въ справедливости высказаннаго противъ Гейррэда, но Фригга посылаетъ къ Гейррэду свою служанку, Филлу, предостеречь его, что къ нему придетъ волшебникъ, котораго онъ легко узнаетъ потому, что на него не бросится ни одна собака. Вслѣдъ за

---

⁷⁵⁾ Глидскяльфъ, родъ небесной обсерваторіи, съ которой боги видѣли двухъ сыновей короля Граудунгра: Агнара и Гейррэда, занимавшихся ловлею рыбы въ морѣ и выброшенныхъ бурей на далекіе берега. Спустя нѣсколько лѣтъ они возвратились на родину, гдѣ Гейррэдъ, не найдя уже отца своего въ живыхъ, овладѣлъ его престоломъ.

тѣмъ прибываетъ Одинъ, подъ именемъ Гримнеръ ⁷⁶⁾. На него въ самомъ дѣлѣ собаки не нападаютъ, такъ какъ по инстинкту эти животныя догадываются о его божествѣ. Гейрредъ, съ цѣлю принужденія припелца къ открытію своей личности, помѣщаетъ его между двухъ огней и богъ Одинъ проводитъ такъ у него восемь дней, при чемъ ни кто не оказываетъ ему ни какого состраданія, кромѣ маленькаго сына короля Гейрреда, подавшаго ему рогъ, наполненный медомъ, и высказавшаго сожалѣніе о поступкѣ своего отца. Между тѣмъ синій плащъ бога начинаетъ горѣть и тогда Одинъ поетъ пѣснь, кончающуюся изображеніемъ его величія, описаніемъ божіихъ жилищъ и перечисленіемъ множества названій его, Одина. Когда Гейрредъ узнаетъ такимъ образомъ, что его гость ни кто другой, какъ Одинъ, то онъ усиливается оттащить его отъ огня, но спотыкается и прокалывается своимъ собственнымъ мечемъ. Въ концѣ Агнаръ дѣлается королемъ.

Ветамквиды (*Vegtamkvidha*), или *Baldrs Draumar* (Сонъ Бальдра), одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній Эдды. Въ немъ богъ Одинъ является подъ видомъ опытнаго путешественника Вегтама, пріѣхавшаго на лошади Слейннеръ въ Гельсеймъ и будящаго тамъ умершую пророчицу Валью или Вольву, съ цѣлю узнать отъ нея судьбу Бальдра; пробудившись, она объявляетъ ему,

---

⁷⁶⁾ Grimner—маскированный, отъ слова Grima—маска.

что этотъ богъ уже умеръ. Вся эта поэма состоитъ изъ діалога между Однимъ и Вольвою.

Преимущественно о богѣ Торѣ (Thor) говорится въ слѣдующихъ трехъ поэмахъ:

Альвисмалъ (Alvissmaal), въ которой Торъ ведетъ бесѣду съ карликомъ Альвисомъ. Поэма эта, болѣе другихъ замѣчательная по формѣ, состоитъ изъ монолога и діалога. Карлы спѣшаютъ, чтобы приготовить все для свадьбы карлика Альвиса, который женится на дочери Тора. Торъ соглашается выдать за него свою дочь, но лишь съ условіемъ, чтобъ онъ (Альвистъ) назвалъ небо, землю и тому подобныя предметы на всѣхъ существующихъ языкахъ, т. е. на языкѣ боговъ, волшебниковъ, различныхъ духовъ и т. д. Карликъ называетъ ихъ. Но въ своемъ ученомъ восторгѣ онъ не замѣчаетъ, что разсвѣтаетъ и солнце сіяетъ на него, вслѣдствіе чего онъ превращается въ камень. Поэма эта весьма важная именно въ филологическомъ отношеніи ⁷⁷⁾, такъ

---

⁷⁷⁾ По видимому главною цѣлью поэта въ этомъ произведеніи было объяснить мало-извѣстныя слова, которыя онъ здѣсь приводитъ въ этой мифологической картинѣ. Нѣкоторые однакожъ (сравни. Петерсенъ, *Bidrag til den oldnordiske Litteraturs Historie*, стр. 106) усматриваютъ тутъ также нравственную цѣль, доказать, что филологическая, карлическая мудрость, корпѣющая надъ словами, забываетъ обо всемъ существующемъ на свѣтѣ и ни что другое какъ камень.

какъ въ ней заключаются самыя древнѣйшія названія всѣхъ главныхъ естественныхъ произведеній.

Гымисквида (Hymiskvidha), это эпическій разсказъ о путешествіи бога Тора къ морскому чародѣю Гымеру и борьбѣ его со змѣемъ изъ Мидсгорда. Морскому богу Эгеру (Aeger) не достаетъ котла, для подачи богамъ пива; одинъ изъ нихъ, Тыръ, встрѣтившись съ волшебницею, указываетъ на Гымера, что у него въ жилищѣ находятся множество котловъ. Торъ отправляется вмѣстѣ съ чародѣйкою и едва-едва не убиваетъ змѣя, но она, въ страхѣ, бросаетъ сѣть на него и змѣй опять погружается въ море. Торъ потомъ уноситъ одинъ изъ находившихся тамъ котловъ. Въ концѣ пѣсни упоминается о путешествіи Тора въ Удгордсѣ-Ліоке, когда его козель захромалъ. Произведеніе это можетъ до известной степени считаться образцовымъ въ развитіи мифовъ, на равнѣ съ другою поэмою, подъ заглавіемъ:

Трымсквида (Thrymskvidha) или *Гамарсеймтъ* (Hamarsheimt). Здѣсь Торъ потерялъ свой молотъ ⁷⁸⁾ и, переодевшись въ платье богини Фрей (Freya), находитъ его у чародѣя Трыма. При этомъ приключеніи сопровождаетъ его богъ Ліоке. Дѣйствіе происходитъ въ залѣ Трыма.

---

⁷⁸⁾ Торъ, въ оригиналѣ Трымсквиды, называется Вингторъ. Молотъ этого бога, *гамаръ* (Hamar), по прозванію *Міэльнеръ* (Mjölner) — разгромитель, служилъ символомъ молніи.

Исключительно о богѣ Фрей говоритъ поэма *Скирнисмалъ*. Фрей влюбленъ въ красавицу, волшебницу Герде. Посланникъ его Скирнеръ (солнечный лучъ) отправляется къ ней и предлагаетъ ей замужество съ Фреемъ, на что она, послѣ продолжительнаго раздумья, соглашается и потомъ встрѣчается съ нимъ.

Есть и такія пѣсни, въ которыхъ является по нѣсколько боговъ вмѣстѣ. Къ такимъ именно принадлежатъ:

Гарбардслюдъ (Harbardhsljodh), гдѣ боги представляются временно лишенными ихъ божескихъ свойствъ. Гарбардъ, собственно богъ Одинъ, находится у извѣстнаго чародѣя въ качествѣ перевозчика, именно по случаю усыпленія природы во время зимы. Торъ приходитъ съ корзиною на плечахъ, закутанный въ шубу, въ чемъ также указывается на зимнее время. Въ своемъ разговорѣ они вспоминаютъ прошлое; Одинъ рассказываетъ миѣ о замерзшей росѣ, по поводу висящихъ на корзинѣ Тора ледяныхъ сосулекъ, другой о разныхъ убійствахъ, — въ концѣ же Одинъ указываетъ на Фіэргынъ (Fjörgyn), жилище боговъ.

Эисдрекка (Aegisdrekka) или *Ліюкасенна*, *Ліюкамепса* — ссоры бога Ліюке — поэма, въ которой разные боги и богини собрались у морскаго бога Эгера. Всѣ присутствуютъ, кромѣ Тора, отправившагося въ путь на востокъ. Ліюке, богъ зла, присоединяется къ этому пиршеству. У Эгера два служителя, Финафенгъ и Эльдеръ. Гости хвалятъ Финафенга, чѣмъ Ліюке не доволенъ и убиваетъ его. Послѣ начинается бесѣда между

Ліоке и Эльдеромъ; потомъ въ залѣ, гдѣ пируютъ боги, Ліоке припоминаетъ богу Одину, какъ они сначала были дружны между собою ⁷⁹⁾. Богъ Видаръ (Vidhar) уступаетъ свое мѣсто для Ліоке и тогда послѣдній, высказывая свою досаду на нихъ всѣхъ, упрекаетъ ихъ въ различныхъ слабостяхъ. Наконецъ прибываетъ Торъ и грозитъ, что онъ молотомъ выгонитъ Ліоке въ адъ, вслѣдствіе чего тотъ убѣгаетъ, зная, что угрозы Тора легко могутъ осуществиться. Превратившись въ лосося Ліоке прячется въ прудъ, изъ котораго боги извлекаютъ его съ помощію кишки, взятой отъ его убитаго сына Нарфе, превратившагося послѣ въ волка. Богъ Скаде, съ цѣлію отравить Ліоке, кладетъ на его лице ядовитаго змѣя, подъ которымъ жена его, Сигне, держитъ сосудъ и, по наполненіи его ядомъ, бросаетъ таковой, вслѣдъ за чѣмъ происходитъ землетрясеніе.

Въ *Форспялльслюдъ* (Forspjallsljodh — начальная пѣснь) ⁸⁰⁾ или *Графшальдръ Одинсъ* — воронья пѣснь Одина — главнымъ содержаніемъ различныя существа природы и дѣятельность ихъ. Зловѣщія предчувствія наполняютъ грудь Асовъ. Сила природы осла-

---

⁷⁹⁾ Зло, по представленію Скандинавовъ, появилось въ мірѣ гораздо позже добра.

⁸⁰⁾ Пѣснь эта считается введеніемъ въ Вегтамсквиду, что будетъ понятнымъ, если въ содержаніи ея видѣть смерть дня во время ночи, а въ Вегтамсквидѣ, гдѣ идетъ рѣчь о смерти Балдра, будемъ подразумѣвать смерть лѣта во время зимы.

бѣваетъ. Идунъ, богиня молодости, свалилась съ ясени боговъ въ преисподнюю, гдѣ много страдаетъ у дочерей Нэра. Ей холодно и боги посылаютъ ей волчью шкуру, но она имъ не отвѣчаетъ ⁸¹⁾. Браге остается при ней, чтобъ стеречь её. Ліоптъ приноситъ богамъ извѣстіе о тщетности ихъ стараній спасти Идуну, но Одинъ рѣшаетъ остаться всѣмъ до будущаго утра, и тогда обнаруживается, какимъ образомъ всѣ эти боги, какъ ночныя существа, отправляются отдыхать при восхожденіи солнца, описывающемся сильными и великолѣпными красками.

Фельсвинсмаал (Fjölsvinsmaal), самая не ясная изъ всѣхъ поэмъ Эдды, на столь не ясная, что она даже не переведена въ *Древней Эддѣ* Финомъ Магнуссенъ. Въ норвежскомъ изданіи она считается не подлинною ⁸²⁾.

---

⁸¹⁾ Она уже вовсе лишилась способности говорить и единственнымъ признакомъ жизни были сновидѣнія.

⁸²⁾ *Фельсвинсмаал* разные комментаторы толковали разнымъ образомъ. Грундвигъ (Grundtvig), въ своемъ разсужденіи: *Bemærkninger om Sörgespillet Signe* (Примѣчанія къ трагедіи *Сигне*, въ копенгагенскомъ періодическомъ изданіи *Минерва*; 1805), лишь усматриваетъ въ этой поэмѣ доказательство, что чувство любви было извѣстно жителямъ сѣвера. Съ тѣхъ поръ многіе пробовали свои силы на этой пѣснѣ, но не со всѣмъ удачно. Самое не удачное изъ всѣхъ объясненіе астрономическое. — Фибигеръ въ *Forsøg til en Forklaring af Fjölsvinnsmaal* (Опытъ объясненія и т. д.; Гагерслебенъ, 1854) усматриваетъ въ этомъ произведеніи пѣснь въ похвалу врачебной науки и что то въ родѣ мѣа объ Эскулапѣ, такъ какъ

Содержаніе ея слѣдующее: *Фельсвинъ* видитъ юношу, исходящаго изъ глубины земли и отправляющагося къ нему воднымъ путемъ. Онъ ищетъ свою невѣсту, но *Фельсвинъ* запрещаетъ ему приступъ къ дворцу. Въ этой ихъ бесѣдѣ заключается и главная неясность, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что пріѣзжій спрашиваетъ о вещахъ, окружающихъ дворецъ и его владѣтельница: о заборѣ *Трымгелль*; о собакахъ, стерегущихъ зданіе; о деревѣ *Мимамейдръ*, распространяющемъ свои вѣтви по всей странѣ; о пѣтухѣ *Видофнерѣ*, сидящемъ на деревѣ; наконецъ о большой горѣ, о находящейся тамъ *Менглэдѣ* (*Menglödh*) и служанкахъ ея, имена которыхъ выражаютъ радость, миръ, тишину. Изъ разговора пришлецъ узналъ, что это именно та невѣста, которую онъ ищетъ, вслѣдствіе чего открываетъ свою

Менглэдъ считалась богинею врачеванія.— *Петерсенъ* (*loc. citato*, стр. 110) полагаетъ, что это земля, сочетающаяся бракомъ съ лѣтнимъ днемъ.— *Симрокъ*, въ своихъ отмѣткахъ къ переводу *Эдды*, объясняя ходъ поэмы, находитъ подробности ея загадками. — Между тѣмъ *П. Кассель* (*Paulus Kassel, Eddische Studien, Weimar, 1856*) называетъ эту пѣснь „eine wahre Zierde der Edda. Ueber die grossen Charaktere, in denen es gedichtet ist, liegt ein Schmerz ausgegossen, wie er aus dem Auge der ernstkeuschen Jungfrau fliesst, wenn sie in Liebe blickt“; и т. д. По его мнѣнію преобладающая мысль въ этой поэмѣ слѣдующая: „Im Liede selbst ist ausgesprochen, dass das edle Ziel dem Menschen, der berufen ist, nie entgeht.“ Это, будто бы, комментарий къ библейскому изрѣченію, что много званыхъ, но мало избранныхъ.

личность: имя его Свипдагъ, а его отца Сольбяртъ. Менгладъ также узнала его и ласково приняла. Теперь онъ достигъ цѣли своихъ желаній; за привѣтствіемъ послѣдуетъ поцѣлуй, самое же великолѣпное зрѣлище, радующее всѣхъ людей, это любовь. Долгое время она сидѣла на своей прелестной горѣ и ожидала его день и ночь; теперь душевная тоска ея миновала, ибо онъ явился наконецъ. Тоска и любовь ихъ были взаимныя; теперь уже непремѣнно они будутъ жить съ собою вѣчно и всегда, такъ какъ любовь кажется имъ безконечною и безсмертною. — Во всякомъ случаѣ это любовная пѣснь, которую, по необыкновенной поэтической красотѣ, можно бы даже приравнять къ *Пѣсни Пѣсней* Соломона. Не слишкомъ, кажется, неправдоподобно, что пѣснь эту или похожія на неѣ пѣли при празднованіяхъ свадебъ, — если же это было такъ дѣйствительно, то въ этомъ произведеніи сохранился великолѣпный образецъ эротическихъ поэмъ этого рода ⁸³⁾.

Поэма *Грогамдръ* (Grogaldr) не находится въ пергаментныхъ рукописяхъ и принадлежитъ позднѣйшему,

---

⁸³⁾ Подобіе этой пѣсни, хотя изъ болѣе низкой литературной сферы, находится у Mohnе: *Quellen und Forschungen zur Geschichte der deutschen Literatur und Sprache* (Leipzig, 1857; I, 160). Это простонародная пѣснь изъ окрестностей Кельна, начинающаяся разговоромъ юноши съ дѣвицею: онъ спрашиваетъ, какимъ образомъ войти въ домъ, какъ избѣгать собакъ и т. д.

можетъ быть даже христіанскому времени. По прежнимъ толкователямъ, (Финъ Магнуссонъ), это бесѣда сына съ матерю, которую онъ воскресилъ изъ могилы, съ цѣлю получить отъ нея совѣтъ и благословеніе на предстоящее ему опасное путешествіе, такъ какъ онъ намѣренъ свататься за Менглэдю. Но, по новѣйшимъ объясненіямъ, Менглэдъ означаетъ землю, жизненный путь и мать учитъ сына остерегаться опасностей этой жизни, быстрыхъ рѣкъ, страшныхъ враговъ, сильныхъ оковъ, бурнаго моря, ночныхъ призраковъ и ссоръ съ великанами ⁸⁴⁾.

Одна поэма, полу-миѣическая, полу-христіанская, *Соллярлодъ* (Solarljodh), по преимуществу приписывается, какъ сказано, Сэмунду Фроде. Это пѣснь изъ христіанскаго времени, въ которой ясно звучать отголоски языческихъ мѣвовъ. Финъ Магнуссонъ полагаетъ, что смыслъ произведенія — путешествіе, мимо солнца, въ міръ смерти. По нашему мнѣнію идея этой великолѣпной поэмы представляется очень просто сущностью христіанскаго догмата о будущей жизни. Умершій отецъ является сыну, описываетъ ему жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ предосте-

---

⁸⁴⁾ Результатъ самыхъ новѣйшихъ изслѣдованій по этимъ двумъ поэмамъ, *Фельсвинсмаъ* и *Грогальдръ*, помѣщенъ въ разсужденіи С. Бугге, *Forbindelsen mellem Grogaldr og Fjölsvinsmaal* (Христіанія, 1861), гдѣ авторомъ доказывается, что, будто бы онѣ составляли одно цѣлое и *Грогальдръ* долженъ считаться введеніемъ къ *Фельсвинсмаъ*.

регаеть его противъ пороковъ ея, при чемъ онъ рассказываетъ ему о своей борьбѣ со смертію, о своемъ прощаніи съ солнцемъ, а также о наказаніи и наградахъ въ чистилищѣ, адѣ и раѣ.

Наконецъ можно еще здѣсь указать на этическо-миѳическую поэму *Гавамаль* (Havamal), собраніе нравственныхъ правилъ и опытовъ жизни. Заключающіеся въ этой пѣсни миѳическіе элементы слѣдующіе: миѳъ о богѣ Одинѣ и Гунлэдѣ или о поэтическомъ напитокѣ; миѳъ объ Одинѣ и Риндѣ, или о сватовствѣ перваго къ послѣдней, въ концѣ руническая пѣснь: *Рунаталстатр* (Runatalsthatr Odhins), объ изобрѣтеніи рунъ Однимъ, ихъ силѣ и способѣ употребленія ⁸⁵⁾.

---

⁸⁵⁾ Въ строфѣ 21-ой пѣсни *Рунаталстатр* (или *Рунамаль*), нѣкоторые усматриваютъ что то въ родѣ христіанскаго крещенія:—„Тринадцатое таинство мое (говоритъ богъ Одинъ) въ томъ, что я обливаю водою новорожденного младенца, если желаю, чтобъ онъ не былъ преодоленнымъ въ борьбѣ и чтобъ въ сраженіи мечъ не уязвилъ его.“ Однакожъ извѣстно, что подобнаго рода крещеніе употреблялось на скандинавскомъ сѣверѣ за долгое время до введенія христіанства (См. Mallet *Introduction à l'histoire du Danemarck*; т. I, стр. 295; — срав. также: Snorre Sturluson, *Harald Haarfagres-Saga*, глава 40 и *Olaf Tryggvesons-Saga*, гл. 1).

VII.

Геройскія пѣсни такъ называемой старшей Эдды.

Какъ Вэлуюпоу начинается рядъ миѣическихъ пѣсень, такъ поэма *Гындлюмодъ* (Hyndluljodh) можетъ считаться введеніемъ къ героическимъ пѣснямъ. Фрейя будить Гындлю и въ ея сопровожденіи уѣзжаетъ въ Вальгалль. Въ дорогѣ идутъ генеалогическіе рассказы о сѣверныхъ королевскихъ родахъ: Скіолъдунгахъ, Скильфингахъ, Эдлингахъ и т. п., до времени Гаральда Гильдетанда, при чемъ исходною точкою служитъ древнее преданіе о королѣ Гальфданѣ Старомъ и его сыновьяхъ.

Но главнымъ образомъ къ отдѣлу геройскихъ поэмъ принадлежатъ пѣсни во второй части Эдды Сэмундовой, именно:

Вѣлундарквидъ (Völundarkvidha), преданіе о кузнецѣ Вѣлундѣ (Völund, Veland, Valund, Wieland или Weyland), которое распространено также въ другихъ европейскихъ странахъ ⁸⁶⁾. Три валькиріи, желая

---

⁸⁶⁾. Въ французской басни имя этого кузнеца Галанъ (Galant, отъ чего происходитъ слово: galanterie). Справ.: Dep- ping et Michel, *Veland le forgeron* (Парижъ, 1833), — W. K. Grimm, *Die deutsche Heldensage* (Берлинъ, 1829) и Schiern,

купаться, снимаютъ съ себя свои лебяжьи одежды, но ихъ застаютъ въ расплахъ три финскіе короля, которые берутъ ихъ съ собою домой и женятся на нихъ. Проживши вмѣстѣ съ мужьями семь лѣтъ, въ восьмомъ году валькирии тоскуютъ, а въ девятомъ онѣ опять улетаютъ искать приключеній. Двое изъ братьевъ отправляются за своими супругами; дома остался одинъ Вэлундъ ковать великолѣпныя золотыя вещи. Это возбуждаетъ корыстолюбіе въ Нидадѣ, королѣ Няры, который, вслѣдствіе того, нападаетъ со своими воинами на спящаго Вэлунда и похищаетъ его богатства. Король велѣлъ перерѣзать ему подколѣнки и такъ онъ, въ качествѣ кузнеца, остался на маленькомъ островѣ Сэварстадъ. За тѣмъ юные сыновья Нидада прибываютъ на островъ; Вэлундъ, видомъ своихъ издѣлій, привлекаетъ ихъ къ себѣ, но убиваетъ ихъ, отправляетъ ихъ головные черепы въ серебро и золото и посылаетъ королю. Глаза ихъ онъ передѣлываетъ въ драгоценныя камни, которые отправляетъ къ королевѣ, зубы же, въ формѣ ожерелья, посылаетъ къ дочери Нидада, Бэдвильдѣ; но послѣдняя, случайнымъ образомъ разломавши одно звено, отправляется для починки къ Вэлунду, который даетъ ей снотворный напитокъ, обезчещиваетъ еѣ и, сдѣлавши себѣ искусственныя крыла, воздушнымъ путемъ улетаетъ во дво-

---

Et Sags Vandringere (Путешествія извѣстнаго преданія; Копенгагенъ, 1842).

рецъ Нидада, гдѣ объявляетъ ему о своей мести, смерти его сыновей и обезчещеніи дочери ⁸⁶⁾.

Гельгамодъ (Helgaljodh), пѣснь о трехъ братьяхъ, Гельгахъ (Helge Hjörvardson, Helge Hundingsbane и Helge Haddingaskate), изъ которыхъ каждый имѣлъ свою валькирію. Собственно говоря, это былъ циклъ, состоявшій изъ трехъ поэмъ, но изъ нихъ только двѣ первыя сохранились до нашего времени. Въ пѣсни о Гельгѣ Гіервардсонѣ, его братъ Гединъ (Гадингъ), по наущенію извѣстной волшебницы, присягаетъ, что будетъ обладать не вѣстою своего брата. Въ сраженіи при Сигарсволлѣ Гіервардсонъ падаетъ и валькирія посѣщаетъ умирающаго, но за брата его выйти замужъ не хочетъ.—Пѣснь о Гельгѣ Гундингсбане служитъ какъ бы введеніемъ къ сагѣ о Вэльсунгахъ ⁸⁷⁾. Содержаніе ея слѣдующее: Сигмундъ, сынъ Вэльсунга, женится на Борггильдѣ, съ которою онъ имѣетъ двухъ сыновей, Гельга и Гамунда. При рожденіи Гельга присутствуютъ Норны. Гельгъ отправляется на войну, убиваетъ Гундинга и встрѣчается

---

⁸⁶⁾ По видимому поэма эта сочинена для слушателей или читателей, знакомыхъ съ содержаніемъ саги о Вэльсунгахъ.

⁸⁷⁾ Петерсенъ (I. с. стр. 116) полагаетъ, что содержаніе этого начала Вэльсунга-саги составляло предметъ исчезнувшей пѣсни: *Völsungakviða hin forna* (хотя подъ этимъ названіемъ еще существуетъ одна пѣснь), заключавшей въ себѣ рассказы о Вэльсунгѣ и его дѣтяхъ, именно близнецахъ, Сигмундѣ и Сигнѣ, и ихъ сынѣ Синфјотлѣ.

съ его невѣстою, валькиріею Сигруною. Она насильственно обручена съ Годброддомъ, но отыскиваетъ Гельга, который убиваетъ Годбродда и женится на ней. Однакожъ во время сраженія Гельгъ убилъ также братьевъ и друзей Сигруны, изъ которыхъ остался въ живыхъ одинъ Дагъ; богъ Одинъ даетъ ему свое копье, которымъ Дагъ и убиваетъ Гельга. Умершій Гельгъ возвращается къ холму, гдѣ опять встрѣчается съ Сигруною. Это одно изъ самыхъ превосходнѣйшихъ изображеній.

Сигурдарквидда (Sigurdharkvidha), также часть того же цикла, состоящая изъ пяти отдѣльных пѣсень ⁸⁸⁾, поэма полная дивныхъ, фантастическихъ происшествій, истинный образецъ сѣверной баснословности. Сынъ Вэльсунга, Сигмундъ, женится на дочери короля Эйлима, Гјердисъ (Hjördis). Ихъ сынъ, Сигурдъ, съ прозвищемъ Фафнерсбане (убійца Фафнера), родится послѣ смерти своего отца и воспитывается королемъ Гяльпре-

---

⁸⁸⁾ Обыкновенно принимаются только двѣ части Сигурдарквиды, заключающей цѣлую сагу о Сигурдѣ Фафнерсбане (убійцѣ Фафнера); по нашему, однакожъ, такъ называемая первая часть, *Гриписи*, состоитъ изъ точно определенныхъ четырехъ поэмъ, предметъ которыхъ составляютъ приключенія жизни Сигурдовой и его потомковъ, именно: 1) Сигурдъ и Брингильда, 2) Сигурдъ, Брингильда и Гудрунъ, 3) Гудрунъ, Атле и братья Гудруны, Гуннаръ и Гэгне (Högne) и 4) Гудрунъ, ея сыновья Гамдеръ, Сэрле и Эрпъ и дочь ея Свангильда.

комъ (Hjalprek), воспитатель котораго, Регинъ, поощряетъ его приобрѣсти золото, стерегемое Фафнеромъ въ Гниитагейдръ (Gnitaheidhr).

За тѣмъ слѣдуетъ мнѣ о происхожденіи этого золота Фафнера: — у короля Грейдмара были три сына, Фафнеръ, Отеръ и Регинъ, изъ которыхъ второй, Отеръ (буквально — выдра), въ видѣ рыбы, находился въ озерѣ Андвара. Къ этому озеру прибываютъ боги Одинъ, Гэнеръ и Люке; послѣдній убиваетъ Отера. Но Грейдмаръ застаётъ ихъ на этомъ дѣлѣ и боги, съ цѣлю откупиться, обѣщаютъ покрыть золотомъ кожицу Отера. Люке ловитъ сѣтью карлика Андвара, принуждая его также откупиться золотомъ; но Андваръ скрываетъ драгоценное кольцо, а когда принужденъ открыть его, то заколдовываетъ, чтобы оно принесло погибель своему властелину. Боги покрываютъ Отера золотомъ, но одинъ волосъ остался голымъ, почему богъ Одинъ закрываетъ его кольцомъ, что, по словамъ бога Люке, опять должно сдѣлаться поводомъ гибели для Грейдмара и его двухъ сыновей. Въ самомъ дѣлѣ, Фафнеръ убиваетъ своего отца, между тѣмъ какъ Регинъ отправляется къ Гяльпреку, дѣлаясь его кузнецомъ, откуда и посылаетъ къ Сигурду мечъ и помогаетъ ему выбрать себѣ великолѣпную лошадь Гране.

Фафнисмалъ (Fafnismaal) рассказываетъ о походѣ Сигурда съ Региномъ въ Гниитагейдръ и объ убійствѣ змѣя Фафнера имъ, Сигурдомъ. Онъ пожираетъ

сердце Фафнера, вслѣдствіе чего начинается понимать птичій языкъ. Птицы предостерегаютъ Сигурда противъ измѣны Регина и онъ его также убиваетъ.

Въ слѣдующей поэмѣ: *Сигдрифумаль* или *Бринильдаркvida* (Sigdrifumaal, Brynhildarkvidha), Сигурдъ увозитъ свои богатства на лошади Гране. По дорогѣ въ Фраккландію онъ прибываетъ въ Гиндарфіэльдъ, гдѣ встрѣчаетъ спящую женщину, дочь короля Будля, Сигдрифу или Брынгильду, питомицу Геймера, которую богъ Одинъ усыпилъ посредствомъ бѣлены. Она обучаетъ его рунамъ и они влюбятся другъ въ друга. Тѣмъ кончается первое дѣйствіе поэмы и являются Нифлунги, именно король Гюке, его супруга Гримгильда, ихъ сыновья Гуннаръ, Гэгне (Högne) и Гуттормъ и дочь Гудрунъ. Сигурдъ прибываетъ въ замокъ короля Гюке, гдѣ королева Гримгильда подаетъ ему чашу, послѣ выпитія которой онъ забываетъ свою жену Брынгильду и влюбляется въ дочь королевы, Гудруну. За то Гуннаръ долженъ былъ посвататься къ Брынгильдѣ. Но Гуннаръ не можетъ проѣхать черезъ огонь, окружающій дворецъ Брынгильды, такъ, что Сигурдъ перемѣняется съ нимъ наружнымъ видомъ, переѣзжаетъ черезъ пламя и три noci просыпаетъ у Брынгильдѣ. Подаривши ей перстень изъ наслѣдства Фафнера, онъ взаимно получаетъ отъ нея кольцо Андваранаутъ, послѣ чего опять проѣзжаетъ черезъ огонь и принимаетъ прежній видъ. Гуннаръ женится на Брынгильдѣ и Сигурдъ на Гудрунѣ.

Подлогъ обнаруживается. Брынгильда и Гудрунъ, купаясь вмѣстѣ въ рѣкѣ (Рейнѣ), поссорились и Гудрунъ показываетъ Брынгильдѣ кольцо Андваранаутъ, чѣмъ она оскорбилась и потребовала отъ Гуннара смерти Сигурда. Гуннаръ и его братъ Гэгне склоняютъ третьяго брата, Гутторма, исполнить убійство. Въ *Гудрунарквиды* рисуется печаль Гудруны, а въ *Брынгильдарквиды* отчаяніе и самоубійство Брынгильды. Въ отдѣльной пѣсни (*Helreidh Brynhildar*) поэтъ описываетъ ея путешествіе въ преисподнюю. Такъ кончается второе дѣйствіе.

Содержаніе третьяго дѣйствія заключено въ циклѣ пѣсенъ о Гудрунѣ и Атлѣ, въ *Гудрунариармъ* (*Gudrunarharmr* — грусть Гудруны) или *Нифлюнгалокъ*, *Атляквиды* и *Атлямалъ* (*Atlakvidha, Atlamaal*). Атле предлагаетъ Гуннару и его братьямъ отдать ему богатства Сигурда. Борьба начинается въ залѣ дворца, послѣ которой вырѣзываютъ сердце изъ груди Гэгне и показываютъ его Гуннару, но послѣдній, зная что теперь онъ одинъ изъ своего семейства остался въ живыхъ, тѣмъ болѣе не хочетъ сказать, гдѣ укрыты богатства. Слѣдуетъ описаніе страшной мести Гудруны, убившей маленькихъ сыновей Атле, за жарившей потомъ ихъ сердца и предлагавшей отцу съѣсть ихъ, при чѣмъ въ сосудахъ, сдѣланныхъ изъ ихъ головныхъ череповъ, она подносила ему вино, смѣшанное съ ихъ кровью. Послѣ того она сжигаетъ дворецъ и Нифлюнгъ, сынъ Гэгне, убиваетъ Атле.

Четвертое, послѣднее дѣйствіе составляютъ пѣсни *Гудрунарвѣтъ* (Gudrunarhvöt) и *Гамдисмалъ* (Hamdismaal). Гудруна, желая умереть, бросается въ море, но волны опять выбрасываютъ её при замкѣ Ионакра, короля рѣ Годбіэдъ (Godhbjödh). Здѣсь она производитъ на свѣтъ трехъ сыновей: Гамдера, Сэрла и Эрпа. Между тѣмъ король Іэрмунрекъ сватается за Свангильду, дочь Сигурда и Гудруны, но дѣлается ревнивымъ къ своему сыну Рандверу, который вѣшается. Свангильду лошади раздавливаютъ на смерть ⁹⁰). Гудруна поощряетъ двухъ старшихъ сыновей отомстить Іэрмунреку, котораго они и убиваютъ, но убиваютъ также вмѣстѣ своего младшаго брата Эрпа. Ихъ же самихъ убить мечомъ нельзя, такъ какъ одноглазый старикъ (богъ Одинъ) совѣтуетъ ихъ побить камнями. За тѣмъ слѣдуютъ жалобы Гудруны послѣ отхода ея сыновей, кончающіяся приказаніемъ воздвигнуть для нея костѣрь. Въ концѣ, Гудруна воспоминаетъ судьбы своей жизни и, входя на костѣрь, призываетъ умершаго Сигурда ⁹¹).

---

⁹⁰) См. Саксо, книга V, т. I, стран. 210 и слѣд; — сравн. также Иорнадесъ, *De rebus Geticis*.

⁹¹) О происхожденіи и значеніи всего преданія, заключающагося въ этомъ циклѣ, см. Р. Е. Müller *Sagabibliotek*, т. II. Авторъ во первыхъ устанавливаетъ историческую точку, по которой Атле въ *Эддѣ* и Эцель въ нѣмецкой *Пѣснѣ о Нибелунгахъ* одна и та-же личность—извѣстный король Гунновъ, Аттила. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ однакожъ считаетъ всю поэму аллегорическимъ миеомъ восточнаго происхожденія,

VIII.

Эдда, такъ называемая Снорре или младшая.

Выше уже замѣчено, что Эдда Снорре Стурлусона была извѣстна на скандинавскомъ сѣверѣ преж-

---

даже болѣе древнимъ, нежели миѳъ о переселеніи Асовъ въ Скандинавію. По нашему миѳу сущность подобныхъ героическихъ поэмъ состоитъ именно въ томъ, что онѣ (какъ напр. эпопеи Гомера) представляютъ связь исторіи съ миѳомъ, или переходъ исторіи въ поэзію, или наконецъ большія геройскія картины въ исторической рамѣ. Таково несомнѣнно происхожденіе вообще всѣхъ національныхъ эпопей, всѣ же другія ихъ объясненія можно считать неудачными. Описывающіяся въ нихъ происшествія приводятъ насъ къ дѣйствительнымъ людямъ и странамъ, съ тѣмъ различіемъ однакожъ, что онѣ не относятся къ извѣстному, точно опредѣленному времени, между тѣмъ какъ характеры дѣйствующихъ въ нихъ лицъ обыкновенно выше человѣческихъ.—Эта неопредѣленность именно въ историческомъ отношеніи къ скандинавскому миѳу Эдды о Вэльсунгахъ и къ нѣмецкой пѣсни о Нибелунгахъ, доказывается тѣмъ, что хотя приводимыя въ этой послѣдней личности и приключенія, отчасти даже названія, и напоминаютъ намъ такія же въ скандинавскихъ поэмахъ, но тѣмъ не менѣе всѣ происшествія, характеры, мотивы и самая внутренняя сущность описаній положительно совсѣмъ другіе, такъ, что повидимому двѣ эти поэмы произошли каждая въ своей странѣ, отдѣльнымъ, свойственнымъ ей путемъ. Поэмы Эдды языческія, ихъ начало миѳическое и слѣды христіанскаго вліянія въ нихъ

де мнимой Эдды Сэмундовой. Самое первое о ней свѣдѣніе происходитъ отъ Исландца Аригрина Ионсона.

очень значительны, между тѣмъ какъ въ нѣмецкомъ произведеніи изображенія и нравы христіанскіе, хотя христіанская королева выходитъ за мужъ за языческаго короля. Сѣверныя описанія сжаты и полны силы, нѣмецкія многорѣчивы и растянуты, сила же ихъ проявляется скорѣе въ словахъ, чѣмъ въ дѣйствіяхъ. Однимъ словомъ, основной тонъ мѣа въ нѣмецкой поэмѣ совершенно переиначенъ: грусть и радость пріобрѣли здѣсь видъ сентиментальности, храбрость же, какъ бы въ рыцарскомъ романѣ, ужасно преувеличена. Скандинавскій эпическій циклъ постепенно, отъ мифическаго начала Вэльсунговъ, двигается впередъ, занимаясь вэльсунгскимъ героемъ Сигурдомъ и его дѣйствіями, убійствомъ Фафнера, знакомствомъ съ Гудруною, т. е. происшествіями, въ которыхъ языческій колоритъ обращаетъ на себя полное вниманіе. Напротивъ того, пѣснь о Нибелунгахъ начинается съ Гримгильды (или Гудруны) и ея рода. Сигфридъ (или Сигурдъ) появляется тогда въ первый разъ, между тѣмъ какъ прежнія его дѣянія остались въ тѣни; онъ купался въ крови крылатаго змѣя, получивъ роговую кожу и колпакъ, помощью котораго сдѣлался невидимымъ. У него связи съ богами не существуютъ; онъ не полубогъ, а рыцарь, отличавшійся при турнирахъ, — онъ даже только обыкновенный воинъ, вассаль. Сигфридъ знаетъ Брингильду, но не влюбленъ въ нее; хотя не забываетъ о ней, но цѣлый годъ вздыхаетъ за Гримгильдою; потому и смерть его не производитъ особеннаго впечатленія. Въ Эддѣ убиваютъ Сигурда братья Гудруны (Гримгильды), по ея побужденію, при чемъ всѣ поражающія обстоятельства, всѣ страсти приводятся въ полное движеніе. Въ Нибелунгахъ умерщвляетъ Сигфрида нѣкто изъ воиновъ короля Гюнтера, именемъ Гагенъ (Hagen, скандинавскій Гэгне—Högne), личность сама собою безъ вся-

Въ коллекціи Арне-Магнэусъ (въ королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ) мы встрѣтили рукопись этого сборника, такъ называемую *Вормсъ-Эдду* (codex Wormianus), которую Арнасъ Магнуссонъ получилъ отъ Виллю-

---

аго интереса. Сѣверная Брингильда—мудрая валькирія, нѣмецкая же является женщиною съ большою тѣлесной силой. Нѣмецкому Сигфриду не нужно переѣзжать къ ней черезъ огонь; онъ еѣ одолѣваетъ скаканіемъ и бросаніемъ камней. Скандинавская Гудрунь трагична въ своей любви къ Сигурду, а смерть ея геройская; нѣмецкая Гримгильда въ послѣднихъ происшествіяхъ поэмы Нибелунговъ вовсе на сценѣ уже не является. Нѣмецкій поэтъ сохранилъ кладъ Нибелунговъ и въ Эддѣ также дѣйствіе вертится около него, но въ Нибелунгахъ богатства эти, по смерти Сигурда, переносятся въ Вормсъ и болѣе уже не вліяютъ на ходъ дѣйствія, такъ что, собственно говоря, поэма эта вовсе безъ нихъ могла бы обойтись. Атле, по Эддѣ, сынъ Будля, брата Гудруны, короля страны Гунновъ (Hunaland—сѣверной Германіи и сѣверной Голландіи), въ пѣсни Нибелунговъ передѣланъ въ короля Гунновъ, Аттилу, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней приводятся названія странъ, лицъ и мѣстностей, принадлежавшія къ X столѣтію. Вездѣ нѣмецкій поэтъ (или поэты) перемѣнялъ мотивы и характеры. Въ скандинавскомъ произведеніи собственныя размышленія и созерцанія автора находятся лишь въ началѣ и концѣ пѣсенъ; дѣйствіе здѣсь говоритъ само собою и описанія совсѣмъ объективны; въ нѣмецкой поэмѣ, чаще всего, мы встрѣчаемъ, по средневѣковому вкусу, восклицанія автора объ описываемыхъ имъ великолѣпіяхъ; — однимъ словомъ, все ясно доказываетъ, что ни Нибелунги, ни какія нибудь древнѣйшія нѣмецкія пѣсни, изъ которыхъ Нибелунги, быть можетъ, произошли, не могутъ считаться источникомъ или начальною основою поэмы Эдды о Вэльсунгахъ и что ни въ какомъ переводѣ, ни въ какой обработкѣ, онѣ не могли сдѣлаться

ма (Villum) Вормъ, наслѣдовавшаго её отъ своего отца, Оле Ворма, которому Арнгримъ Ионсонъ одолжилъ её въ 1628 году ⁹²). Другой кодексъ въ этой же библиотекѣ, такъ называемая *Королевская Эдда* (Konungs Edda, codex regius), былъ купленъ въ 1614 г. выше упомянутымъ епископомъ Бриниульфомъ Свейнсонъ въ Скальгольмѣ (какъ это объясняетъ собственноручная его отмѣтка на 55 стран.) и опять имъ пожертвованъ королю Фридриху III. Третій извѣстный кодексъ (*уисальскій* или *кодексъ Деллегарды*) находится въ университетской библиотекѣ въ Уисалѣ и походить отъ Исландца Иона Ругманъ, привезшаго его изъ Исландіи въ половинѣ XVII вѣка и продавшаго канцлеру Магнусу de la Gardie, отъ котораго получилъ его въ подарокъ сказанный университетъ. Всѣ эти пергаментныя рукописи принадлежать къ началу XIV вѣка; кодексъ Ворма къ половинѣ XIV-го.

тѣмъ, что заключается въ героическихъ пѣсняхъ Эдды. Элементы ихъ и связь, существующая между ними, разнятся между собою, какъ день съ ночью.

⁹²) См. *Wormii Epistolae* (т. I, стр. 166 и 301). А. Ионсонъ оставилъ Ворму это сочиненіе, на столько времени, какъ самъ онъ пожелаетъ: — „Eddam et conjunctam Scaldam, quia meus codex est, domino Wormio libenter concedo, quamcumque volet diu.” Въ 1635 году Вормъ писалъ къ Стефаніусу о невразумительности этой рукописи: — „Edda non facile habetur, difficiliter intelligitur. Vetustissimum in membranis exaratum exemplar, quod apud me vidisti, ab Arngrimio habeo; sed ab ipsis Islandis, hic degentibus, non intelligitur.”

По содержанію этотъ сборникъ раздѣленъ на три отдѣла, изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ мифологическія произведенія, второй просодію, третій грамматику. Начало составляютъ мифическіе рассказы, въ нѣкоторомъ отношеніи похожіе на индейскіе или греческіе мифографы. Къ этому ряду принадлежитъ *Гильфагиннингъ* (Gylfaginning), гдѣ боги сообщаютъ королю Гильфе очеркъ всей мифологіи, начиная отъ сотворенія міра до его уничтоженія; за тѣмъ слѣдуетъ *Брагарэдуръ* (Bragarædhur), гдѣ Браге рассказываетъ Эгеру, посѣтившему его въ Асгордѣ, мифы о похищеніи Идуны и происхожденіи поэзіи. Съ этимъ послѣднимъ рассказомъ связана первая или мифологическая часть Скальды, первый отдѣлъ которой — *Скальдскапармалъ* (Skaldskaparmaal) — составляетъ продолженіе бесѣды Браги съ Эгеромъ, хотя впоследствии онъ оставляетъ мифъ въ сторонѣ и разсуждаетъ о древней поэзіи, о поэтическихъ перифразахъ (Kenningar) и другихъ поэтическихъ названіяхъ (Heiti), поясняющихся одновременно разными рассказами и поэмами ⁹³⁾.

За тѣмъ слѣдуетъ введеніе (Förmaali) и эпилогъ (Ertirmaali) къ Гильфагиннингъ, вмѣстѣ съ интермедіею, включенною между Брагарэдуръ и Скальдскапармалъ. Содержаніе введенія — отступленіе чело-

---

⁹³⁾ Таковы именно: *Саги о Грунгнирѣ* (Hrúngnir) и поэмы: *Гаустлаунгъ* (Haustlaug), *Путешествіе Тора въ Гейрэдсгордъ* (Heirödsgeard) и *Торсдрана* (Thorsdrapa).

ческаго рода отъ истины въ идолопоклонство, происхожденіе Асовъ изъ Фригіи и Трои, приѣздъ Одина въ сѣверъ. Эпилогъ сравниваетъ Асовъ съ Троянами: Экуторъ (Oekutor) — это Гекторъ, Одиссей — Лиоке и т. п. Въ интермедіи, имѣющей цѣлю предупредить слабые умы противъ вреднаго вліянія миѣическихъ разсказовъ, сравненіе это продолжается и кончается тѣмъ, что уничтоженіе міра, *Суртаръ Лиюи* — это разрушеніе Трои.

Второй отдѣлъ *Скальды* заключаетъ въ себѣ *Гатталикиль* (Hattalikill) — ключъ къ стихотворнымъ размѣрамъ и *Гаттаталь* (Hattatal) — списокъ тѣхъ же размѣровъ, по случаю трехъ поэмъ, сочиненныхъ Снорре Стурлюсономъ въ честь короля Гакона Гаконсона. Въ приложеніяхъ къ этимъ поэмамъ заслуживаетъ особеннаго вниманія поэма *Гатталикиль Рэгнвальдса Ярльса* (Hattalykill Rögnvalds Jarls), сочиненіе Рэгнвальда, ярля Оркнейскихъ Острововъ (умершаго въ 1158 г.) и Исландца Галль Торарсена. Наконецъ содержаніе третьяго отдѣла *Скальды* совсѣмъ грамматическое, такъ какъ исключительно обнимаетъ разсужденія о буквахъ, алфавитѣ ихъ и численныхъ знакахъ ⁹⁴⁾.

---

⁹⁴⁾ Stafrofið или алфавитъ — сочиненія разныхъ авторовъ; Málfráðhinnar Grundvöllir — грамматическія примѣчанія; Figurgur i Rādanni — тропы словъ. Характеръ этихъ филологическихъ трудовъ весьма разнообразенъ. Введеніе къ разсужденію *Стафрофинъ*, по Свейнбіярну Эгильсону, указываетъ на четыр-

Пёстрая смѣсь этого сборника и различныя къ ней прибавленія, во многихъ отношеніяхъ, несомнѣнно имѣють большую важность, такъ какъ здѣсь не только объясняется состояніе науки въ тогдашнее время, но и многіе миѣы или миѣическіе указанія, безъ чего послѣднія для насъ были бы совсѣмъ непонятны. Сверхъ того здѣсь сохранились разныя поэмы и большое количество отрывковъ поэмъ, вмѣстѣ съ многочисленными объясненіями внѣшней поэтической формы и поэтическаго слога. Однакожь все это не можетъ служить доказательствомъ, что будто бы *Младшая Эдда* не принадлежала къ позднѣйшей эпохѣ, въ которую не одни только миѣологическіе рассказы приобрѣли рѣшительно новый видъ и иностранная наука уже распространялась насѣверѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такъ называемая *Снорре-Эдда*, со всѣми своими приложеніями, не сочинена и даже не могла быть сочинена однимъ авторомъ. Ежели её называли *Снорре-Эдда*, такъ какъ она отчасти сочинена, отчасти собрана Снорре Стурлюсономъ, то, вѣроятно, только полагали, что будто бы онъ сочинилъ нѣкоторыя изъ заключающихся въ ней поэмъ, рассказовъ

наддатое столѣтіе, между тѣмъ какъ авторъ самаго разсужденія, не знающій ни какихъ сочиненій объ исторіи Исландіи, кромѣ генеалогическихъ таблицъ и изобрѣвшій, по собственнымъ его словамъ, новую азбуку для Исландцевъ, по всей вѣроятности жилъ въ половинѣ XII вѣка.

и разсужденій, или по крайней мѣрѣ сначала занимался ихъ собираніемъ. Цѣлость ни какимъ образомъ не можетъ приписываться ему, такъ какъ онъ и не могъ быть авторомъ того, что произошло только по его смерти. Между тѣмъ нельзя отрицать, что сношенія Снорре Стурлюсона съ Эддою засвидѣтельствованы нѣкоторыми доказательствами, на основаніи которыхъ скандинавскіе ученые до сихъ поръ справедливо утверждаютъ о дѣйствительномъ существованіи этихъ сношеній. Финъ Магнусенъ ⁹⁵⁾ охотно держится доказательства, приведеннаго Арнгримомъ Ионсонъ, что будто бы обѣ Эдды составляли между собою одно цѣлое и Сэмундъ началъ Эдду, а Снорре продолжалъ и кончилъ её. Подкрѣпленіе того Финъ Магнусенъ находитъ въ нѣсколькихъ достопримѣчательныхъ пергаментныхъ листкахъ (въ коллекціи Арна Магнуса, въ королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ, N. 748), по видимому принадлежавшихъ прежде къ большой книгѣ, заключавшей въ себѣ произведенія *Старшей* и *Младшей Эдды*. Такимъ образомъ (говоритъ Магнусенъ) вся Эдда пріобрѣтаетъ гораздо болѣе величественный видъ, если изъ того заключить, что два самые знаменитѣйшіе Исландца, поэты а также историки, вмѣстѣ занимались однимъ сочиненіемъ, оставленнымъ однимъ изъ нихъ въ наслѣдство

---

⁹⁵⁾ *Indledningen til Forlæsninger om Edda* (Введеніе къ чтеніямъ объ Эддѣ), въ изданіи Мольбега, п. н. *Athene* (стр. 134).

другому. Но эта прекрасная гипотеза само собою не имѣетъ значенія, если Сэмундъ не собиралъ Эдды Сэмундовой, а Снорре Стурлусонъ не зналъ её и не пользовался нею ⁹⁶⁾.

Равно какъ предполагаютъ, что *Эдда Сэмунда*, если она собрана Сэмундомъ, дѣйствительно вся должна быть приписана этому собирателю, точно также слѣдовало бы

---

⁹⁶⁾ При всемъ томъ Финъ Магнусенъ полагаетъ, что выше сказанное свидѣтельство касается исключительно миѳическихъ разсказовъ (Dāmi Sögur) и поэтическихъ названій (Kenningar) *Младшей Эдды*, на что, въ самомъ дѣлѣ, имѣется еще одно доказательство въ Упсальскомъ кодексѣ. На заглавномъ листѣ этой книги, повидимому современномъ съ нею, находится слѣдующая надпись: Bok thessi heitir Edda. Hana hefir samansetta Snorri Sturluson eptir theim hatti, sem her er skipat. Er fyrst fra Asom ok Gylfa; thar næst Skaldskaparmaal ok heiti margra hluta; sidhast Hattatal, er Snorri hefir ort um Hakon konung ok Skula Hertuga (*Въ переводѣ: Книга эта называется Эдда. Она составлена Снорре Стурлусономъ въ такомъ порядкѣ, въ которомъ здѣсь распределена. Во первыхъ объ Асахъ и Гильфѣ; слѣдующее Скальдскапармаалъ, заключающее многія приключенія; послѣднее Гаттаталь, произведенное Снорремъ для короля Гакона и князя Скуле*). Но эти доказательства свидѣлствуютъ гораздо больше, нежели могутъ, а потому и лишены достовѣрности, такъ какъ, по ихъ содержанію, Снорре Стурлусонъ, будто бы не только былъ авторомъ миѳическихъ разсказовъ, а также Скальдскапармали, гдѣ находятся стихотворенія позднѣйшихъ скальдовъ, которыя, слѣдовательно, были прибавлены въ послѣдовавшее послѣ Снорре Стурлусона время.

допустить предположеніе, что всю Снорре-Эдду составилъ Снорре и что все извѣстное подъ его именемъ дѣйствительно имъ сочинено или собрано. Однакожъ, какъ мы видѣли, вовсе такъ не было. Напротивъ, ни кто не въ состояніи доказать, что нѣкоторыя части называемой по немъ Эдды, напр. *Гильфанингъ* и *Брагардуръ*, дѣйствительно его сочиненія, или что онъ какою либо статью началъ подобнаго рода сборникъ, вслѣдствіе чего продолженіе и расширеніе такового приписывалось этой извѣстной личности. Присматриваясь къ безпорядку именно въ приложеніяхъ, мы убѣждаемся, что сборникъ этотъ со временемъ совершенно получили значеніе кладовой для всякаго рода отиѣтокъ, касающихся мифологіи, поэзіи и языка, чѣмъ болѣе частью и сдѣлался не достойнымъ имени и вкуса Снорре Стурлюсона, равно какъ Эдда Сэмундова не достойна славы Сэмунда Сигфуссонъ ⁹⁷⁾.

---

⁹⁷⁾ Обѣ Эдды были открыты въ столь непродолжительномъ времени одна послѣ другой, что очень естественно это почти чудесное открытіе связывалось съ именами самыхъ извѣстнѣйшихъ древнѣйшихъ ученыхъ. Чѣмъ болѣе онѣ были непонятными, тѣмъ казались знаменитѣйшими и болѣе почтенными. По поводу догадокъ объ ихъ авторахъ, а также о вѣкѣ и происхожденіи Сэмундовыхъ поэмъ, появились самыя странныя фантазіи. Тѣ между Исландцами, которые, по знанію древней скандинавской поэзіи, имѣли право судить объ этихъ вещахъ, охотно присоединялись къ преувеличенію того, чего, въ самомъ дѣлѣ,

IX.

**Мифическія поэмы въ Эдды Сэмундовой и общій
взглядъ на мифическую поэзію Скандинавовъ.**

Въ предыдущей части настоящаго очерка было уже высказанно, что въ отношеніи содержанія и еще болѣе формы, *Старшая Эдда*, такъ называемая *Сэ-*

еще и не понимали. Гудмундъ Андреа (Andrea) и Рунольфъ Ионсонъ высказали о *Велюспъ* такое мнѣніе, что еѣ будто бы сочинила Эриерейская Сивилла, за долгое время до троянской войны. Но другимъ, авторомъ *Гавимали* былъ Одинъ. Шиммельманъ (Schimmelmann, въ своемъ датскомъ переводѣ *Младшей Эдды*) утверждаетъ, что она чистое слово божіе и самая древняя книга на свѣтѣ. Гэрансонъ (Göransson, въ своемъ изданіи той же *Младшей Эдды*) говоритъ, что она сочинена во время Моисея и что за 300 лѣтъ до постройки Трои была открыта во время царствованія Сатурна, гравированная на латунныхъ таблицахъ. Когда свѣдѣнія объ этой чудесной книгѣ распространились въ Германіи, дѣло приобрѣло совсѣмъ другой видъ. Вѣкъ самъ собою былъ неимовѣренъ и преувеличеніе слишкомъ видимо. Тогда начали смотрѣть на Эдду, какъ на вздоръ и мечту монаховъ, забавлявшихся ею въ своихъ монастыряхъ, или какъ на бессмысленныя выдумки бабъ. Три знаменитые нѣмецкіе ученые: Шлецеръ (Schlötzer), Аделунгъ и Рысъ (Rühs) стояли во главѣ этого движенія, пока наконецъ братья Гриммъ не доказали ничтожности ихъ предположеній; они приводили въ опроверженіе, что, если и нельзя приписывать *Старшей Эдды* Сэмунду и *Младшей* Снорре Стурлю-

мунда, известна также подъ именемъ *поэтической Эдды*, между тѣмъ какъ *Младшая* или *Снорре-Эдда*, составныя части которой столь разнообразны и преимущественно поучительныя, приобрѣла себѣ названіе *прозаической*. Для нашей цѣли, слѣдовательно, главнымъ источникомъ должна считаться *Эдда Сэмунда*, заключающая въ себѣ произведенія, исключительно принадлежащія къ цѣлому древне-скандинавской поэзіи; по этой причинѣ мы коснулись общаго состава *Младшей Эдды* лишь на столько, на сколько она представляетъ собою важный элементъ для историческаго хода этой поэзіи. Съ тою же цѣлію мы здѣсь возвращаемся къ тремъ мифическимъ поэмамъ, находящимся внѣ *Сэмундовой Эдды*, т. е. въ *Снорре-Эддѣ*.

Первая изъ нихъ — это разговорная *Пѣснь Нюрда* и *Скады* фрагментъ, въ нѣсколько полнѣйшемъ видѣ находящійся также у Саксо, но тамъ приписывающійся Гаддингу.

Вторая пѣснь — *Ригсмаль* (*Rigsmaal*), въ которой говорится объ учрежденіи Геймдалемъ, подъ именемъ Рига, существовавшихъ въ его время сословій и описываются ихъ обычаи и состояніе. Этихъ сословій было всего четыре: рабы, крестьяне, ярли (графы,

---

сону, то, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что фантазія не въ состояніи изобрѣсти новую мифологію, равно какъ не возможно наукѣ изобрѣсти новый языкъ, и что, слѣдовательно, обѣ Эдды, хотя и не сочиненны тѣми, кому обыкновенно приписывались, но заключаютъ въ себѣ дѣйствительно древнія произведенія не отрицательнаго внутренняго достоинства.

дворяне) и короли. Описаніе названій и нравовъ весьма характеристично. Во первыхъ Ригъ находится у Ан и Эдды, гдѣ онъ вводитъ рабское состояніе; потомъ у Афи и Аммы онъ устанавливаетъ крестьянское, у Фадиръ и Модиръ дворянское, изъ котораго опять выходятъ Конунгры (Konungr); послѣднихъ Ригъ обучаетъ рунамъ, прирученію лошадей и метанію ружьемъ. Ворона на вѣтви поощряетъ его къ войнѣ, вслѣдствіе чего онъ дѣлается завоевателемъ. Все кончается появленіемъ Дана и Данпа, учредителей датскаго королевства.

Третьяя, наконецъ, миеическая пѣснь въ *Снорре-Эддѣ* — *Гроттсаунгръ* (Grottsaungr). Двѣ финскія женщины мелятъ на ручной мельницѣ, Гроттѣ, для короля Фроде, золото и миръ. На радостной мельницѣ много добра: король сидитъ на золотѣ, спитъ на пуховикѣ и когда просыпается весело, уже все хорошо умолото. Но такъ какъ онъ ни на минуту не позволяетъ имъ отдохнуть, то онѣ утомляются и съ напряженными силами мелятъ ему войну. Морской король, Мысингъ, нападаетъ на Фроде, похищаетъ женщинъ и заставляетъ ихъ молоть соль. Корабль его погружается въ море, отчего морская волна откидывается на мельницу и образуетъ соленый, мельничный ручей.

Конечно, Эдды не могутъ считаться единственными источниками для миеическихъ поэмъ Скандинавовъ и, желая опредѣлить слѣдующее имъ мѣсто, нужно составить себѣ общій взглядъ на нихъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ поэмъ относятся, съ историческою точностью, къ языческому времени. Онѣ сочи-

нены въ Норвегіи и Исландіи до введенія христіанской вѣры; можно-ли теперь сказать на вѣрно, какія именно принадлежатъ къ этому ряду? каковы онѣ относительно языка и формы? артистичныя-ли онѣ по перифразамъ и поэтическимъ размѣрамъ, или простыя, какъ пѣсни Эдды? Во всякомъ случаѣ, относительно ихъ нельзя предположить, что онѣ развивались постепенно изъ простыхъ въ болѣе искусственныя, такъ какъ нѣкоторые поэты, даже позднѣйшаго времени, руководясь древнимъ образцомъ, такъ называемымъ Fornyrðhalag, сочиняли стихи просто и безъ всякихъ излишнихъ украшеній. Слѣдовательно, пѣсни Эдды могли быть позднѣйшими, нежели другія, болѣе искусственныя; такъ, напр., въ самомъ дѣлѣ, новая пѣснь *Гунпарслагр* (Gunnarslagr) ни сколько не ниже по красотѣ любой пѣсни Эдды. Для эстетическихъ изслѣдованій это еще довольно обширная почва; мы, пока, здѣсь только намекаемъ, что простота поэмы не можетъ служить доказательствомъ древности ея происхожденія. Браге Старый (den Gamle), самый древній норвежскій и исландскій поэтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и самый туманный изъ всѣхъ, искусственная же форма, замѣчаемая у него и болѣе слабо проявляющаяся у позднѣйшихъ поэтовъ, лучше всего доказываетъ, что пѣсни такъ называемой *Эдды-Самундовой* ни коимъ образомъ не должны быть непременно относимы къ самому древнѣйшему времени

Равно не доказано еще и то, проявляется-ли христианскій элементъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ поэмъ такъ, чтобы уже по этому одному была видна принадлежность ихъ извѣстной эпохѣ. Въ отношеніи напр. пѣсни *Соллярмодъ* существованіе въ ней подобнаго элемента не подлежитъ сомнѣнію, но въ ней же можно найти доказательство, что часто христианскія понятія и воззрѣнія соединялись съ языческими. Тоже видно въ *Грогальдръ*, гдѣ Христосъ помѣщенъ возлѣ Бальдра, и даже въ прекрасномъ заключеніи *Вэлюспы*, о Вседержителѣ и страшномъ его судѣ; хотя же всѣ писавшіе объ этомъ предметѣ усиливались устранить предположенія о христианскомъ влияніи на ту поэму, но трудно отказаться отъ убѣжденія, что и она отчасти относится къ этому времени. Для подтвержденія этой гипотезы, если не въ самой *Вэлюспы*, то въ содержаніи другихъ миѣческихъ поэмъ имѣются довольно вѣскія доказательства. Дѣйствительно языческій поэтъ не могъ бы поднимать на смѣхъ своей собственной вѣры и единовѣрцы его не позволили бы такихъ насмѣшекъ. Прежде, нежели появился Лукіанъ, древняя религія Грековъ и Римлянъ должна была прійти въ упадокъ. Такъ напр. цѣль *Люкасены*—осмѣяніе боговъ; даже богъ Одинъ принужденъ въ ней уступать богу Люке, который дразнитъ его. Тутъ также видно, что бѣдственное положеніе боговъ обнаружилось прежде, нежели они погибли въ Рагнарёкъ. Древняя религія, конечно, принимала всѣ эти вѣрованія весьма серьезно и не допустила бы предста-

вленія ихъ въ такомъ смѣшномъ и столь нечестивомъ видѣ. Между тѣмъ, христіанскій или полухристіанскій поэтъ даже не могъ иначе отнестись къ отдѣльнымъ чертамъ жизни боговъ и черезъ это поэма его, въ эстетическомъ отношеніи, много выигрывала.

Есть, однакожъ, также нѣкоторыя между этими поэмами съ комическимъ элементомъ, гдѣ поэтъ высказывается только съ этой одной точки зрѣнія. Къ такимъ напр. принадлежитъ *Гамарсеймъ*. Преувеличенія, употребляемыя здѣсь, очевидно сочинены съ цѣлю, чтобы сдѣлать этотъ комизмъ болѣе замѣтнымъ, что, конечно, не могло быть не чуждымъ намѣреніямъ дѣйствительно языческаго поэта.

Изъ выше сказаннаго явствуетъ, что въ самомъ дѣлѣ часть произведеній Эдды, заключающихъ въ себѣ приключенія языческихъ боговъ или какія либо другія, касающіяся ихъ обстоятельства, серьезныя и комическія, могла быть сочинена въ теченіе того длиннаго періода, послѣ введенія христіанства, когда идолопоклонство еще имѣло многихъ приверженцевъ, преимущественно поэтовъ, пользовавшихся именно въ это время поэтической свободой для проведенія мыслей, болѣе соответствовавшихъ тогдашнему умственному расположенію. Въ *Гымисквида* поэтъ, говоря о козлахъ Тора и приключеніяхъ Тіальфа и Рэскви, повидимому, намекаетъ на набожныхъ теологовъ и миеологовъ. Въ *Амвисмалъ* забавляются Торъ и карликъ, филологическія же изслѣдованія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не исключительно язы-

ческаго происхожденія; такъ какъ онѣ могли проявиться только въ то время, когда, по ученнымъ цѣлямъ, обращали уже вниманіе на иностранные языки. Въ то время такія вещи лучше всего проводились въ пѣсняхъ, которыя тѣмъ не менѣе отъ того вовсе не теряли языческаго характера.

Х.

Скандинавскія произведенія послѣ поэзіи Эдды.

Эдды представляютъ собранія поэмъ, во многихъ отношеніяхъ связанныхъ между собою, и составляютъ какъ бы одно цѣлое, а потому опредѣленіе качествъ и достоинства этихъ сборниковъ было не особенно трудно. Въ Эддѣ изслѣдователь не имѣетъ путеводной нити и долженъ руководствоваться разбросанными тутъ и тамъ матеріалами, пользованіе которыми требуетъ большаго труда.

Прежде всего необходимо распредѣлить эти матеріалы ⁹⁷⁾ на два періода: доисторическій и историческій. Въ первомъ изъ нихъ, основную точку повидимому составляетъ Данія, съ принадлежащими ей поэ-

---

⁹⁷⁾ О главныхъ родахъ скандинавской поэзіи и ея произведеній упоминается уже, болѣе или менѣе подробно, во введеніи къ пѣснямъ *Старшей Эдды* (глава VI, стр. 46—50).

тами (Старкоддеръ, Браге Старый и проч.) и поэтическими предметами (совсѣмъ мифическій Фроде, полу-мифическій Рольфъ Краке, мифическо-историческій Рогнаръ Людброкъ и друг.). — Второй періодъ, историческій, главнымъ образомъ опирается на исторіи Норвегіи, начиная съ Гаральда Горфагре и заселенія Исландіи до соединенія этого острова съ Норвегіею. Въ этомъ періодѣ, впрочемъ, замѣчается еще, такъ сказать, демаркаціонная линія, въ виду которой можно раздѣлить его на двѣ части, одну прежнюю, болѣе поэтическую, и позднѣйшую, менѣе поэтическую (начиная съ короля Сверре, представлявшаго совершенную противоположность съ Гаральдомъ).

Другаго рода раздѣленіе ⁹⁸⁾ касается главныхъ поэтическихъ формъ — эпической, лирической и драматической, хотя не совсѣмъ можно бы произведенія эти окончательно раздѣлить такимъ образомъ. О драматической формѣ, напр., мы уже говорили (доказательствомъ чего служили и Эдды), что она, въ точномъ значеніи этого слова, въ древне-скандинавской поэзіи вовсе не существовала, такъ какъ вообще эта поэзія обращала обыкновенно болѣе вниманія на самое содержаніе, нежели на внѣшнюю форму произведеній.

---

⁹⁸⁾ Принимаемое именно Свендомъ Грундвигъ (Svend Grundtvig); см. *Udsigt over de nordiske Oldtids heroiske Digtning* (Обзоръ древне-сѣверной героической поэзіи; Копенгагенъ, 1867; стр. 77 и слѣд.).

Слѣдовательно остается разсматривать эти поэмы по содержанію. Выше уже объяснено, что главные элементы, составлявшіе разницу между отдѣльными родами скандинавской поэзіи, — это элементы: миѳическій, миѳическо-историческій и просто историческій, по крайней мѣрѣ, на сколько они преобладали въ произведеніяхъ повѣствовательнаго содержанія, такъ какъ и основною ихъ формою была преимущественно эпическая. Всѣ прочія поэтическія изліянія относятся къ области чувства или ума и составляютъ лирическую поэзію, или же, изображая какія либо приключенія и дѣянія, представляютъ родъ драматической формы, на сколько она была развита въ древне-скандинавской литературѣ.

Что касается поэзіи чувства, то она обнимаетъ собою отношенія къ богамъ, семейныя и общественныя отношенія.

Къ первому роду этой поэзіи принадлежатъ: молитвы, благодарственныя и заклиательныя пѣсни, равно какъ оракулы или отвѣты боговъ стихами ⁹⁹⁾. Глав-

---

⁹⁹⁾ Какъ напр. въ *Гьрдсаса* (Hördssaga), гдѣ Торстейнъ Гульдкнапъ, обтесывая камень, слышитъ происходящія изъ него слова пророческой пѣсни, предсказывающей ему гибель:

Thu hefir hingat
Hinsta sinni
Feigum fótum
Fold spornadha!
(въ переводѣ:)

ное между ними мѣсто занимають заклинанія, съ цѣлю подѣйствовать на волю боговъ, для измѣненія предназначенныхъ ими судебъ. Такія пѣсни называются *гальдръ* ¹⁰⁰⁾ и обыкновенно употреблялись при гравировкѣ руническихъ знаковъ, какъ напр. въ *Скирнисмалъ*, гдѣ Скирнеръ гальдрами и рунами закликаетъ Гэрду.

Предостерегательныя пѣсни въ большомъ числѣ разбросаны въ сагахъ, напр. въ *Ніялсагъ*, *Эйрбыггссагъ*, *Стурлюнгасагъ* и другихъ.

Въ настоящемъ трудѣ было уже говорено о пѣсняхъ, выражавшихъ любовь, прежде всего любовныхъ стихотвореніяхъ, называемыхъ *Мансаунгъ*. То же названіе присвоивалось также пѣсни, имѣвшей повліять на сердце женщины, съ цѣлю возбудить въ ней взаимность ¹⁰¹⁾. Законами, впрочемъ, было воспрещено возбуждать дурную молву о молодой дѣвицѣ любовными пѣснями ¹⁰²⁾. Въ этомъ отношеніи можно указать на

„Ты въ послѣдній разъ здѣсь, боязливыми ногами, наступать на землю!).

¹⁰⁰⁾ Galdr, отъ gala, galin—*тѣть*, отъ чего и нынѣшнее датское слово gal, gale — *злой, очарованный, изступленный* (пѣсню).

¹⁰¹⁾ См. *Гавималъ* (строфы 90 и 95), гдѣ Одинъ говоритъ объ этомъ безошибочномъ средствѣ для пріобрѣтенія взаимной любви.

¹⁰²⁾ См. *Грагасига* (Vigslodhi, гл. 106 *О скальдскантъ—пѣтиѣ*): — Ef madhr mansaung um konu, ok vardhar that skog-

разсказъ о красивомъ Ингольфѣ ¹⁰³⁾, имѣвшемъ свиданія съ Вальгэрдою, сестрою скальда Гальфреди. Ея отецъ жаловался на Ингольфа отцу его, вслѣдствіе чего онъ и прекратилъ свои свиданія, но, вмѣсто того, сочинилъ о ней длинное, любовное стихотвореніе, изъ чего произошло большое судебное дѣло. — Другой скальдъ, Оттаръ Сварте, проживъ нѣкоторое время у шведскаго короля Олафа, на дочери котораго, Астридѣ, женился Олафъ Св., сочинилъ на нее *Мансаунгсдрупу*. Пѣснь эта не понравилась Олафу Св., такъ какъ въ ней встрѣчались выраженія, по которымъ можно было предполагать, что скальдъ былъ въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ съ королевою, и когда въ послѣдствіи Оттаръ пріѣхалъ въ Норвегію, то король велѣлъ посадить его въ темницу и онъ тѣмъ только спасъ себѣ жизнь, что перемѣнилъ нѣсколько строфъ въ пѣсни и сочинилъ другую драпу въ честь короля, которую высказалъ, отправляясь на эшафотъ.

Есть еще многія эротическія поэмы, въ которыхъ прославляются красота и любовь, счастье и страданіе любви, или гдѣ поэтъ жалуется на недоступность воз-

---

gang (въ переводѣ: Если человѣкъ сочинитъ любовную пѣснь на женщину, онъ подвергается изгнанію).

¹⁰³⁾ Справ. Nyerup. *Historisk Statistiske Skildring af de nordiske Rige* (Историческо-статистическое описаніе; сѣверныхъ государствъ; т. II: *Litteraturen i Island og Norge i Middelalderen* — литература въ Исландіи и Норвегіи въ теченіе среднихъ вѣковъ, стр. 134 и слѣд.).

любленной, на потерю ея и т. п. Но, вслѣдствіе строгости скандинавскихъ нравовъ, любовныя отношенія на сѣверѣ не могутъ однакожъ сравниваться съ такими-же отношеніями французскихъ трубадуровъ или нѣмецкихъ миннезенгеровъ; равно не развилась на сѣверѣ и столь общая и связанная съ общественною жизнію эротическая лирика, относившаяся почти ко всѣмъ сословіямъ, которая проявилась на югѣ, хотя и нельзя отрицать, что сѣверные скальдъ также оказывали женщинамъ истинную провансальскую вѣжливость. Не говоря о перифразахъ, которыми они высказывали свое уваженіе и почтеніе къ нимъ, въ доказательство того можно привести весьма оригинальный примѣръ. Въ самой срединѣ боевой или походной пѣсни, скальдъ иногда обращался къ женщинѣ съ такимъ привѣтствіемъ: „О женщина!“ вовсе не смотря на то, присутствуетъ тутъ женщина или нѣтъ, исключительно по галантерейности, или, лучше сказать, вслѣдствіе полного убѣжденія, что она также душевно участвуетъ въ этой войнѣ, хотя это мужское дѣло, и что вообще она принимаетъ участіе во всѣхъ предпріятіяхъ. Казалось, что скальдъ будто бы вездѣ имѣлъ женщину передъ глазами и что пріобрѣтеніе себѣ ея благосклонности составляло самую высшую цѣль его жизни. У Іона Олафсона ¹⁰⁴⁾ встрѣчаютъ

---

¹⁰⁴⁾ Jon Olafson, *Edda Sámunder hins Froda* или *Edda Saemundina*, съ латинскимъ переводомъ и учеными нотами (Копенгагенъ, 1787—1828; стр. 167—177).

ся примѣры поэтическихъ перифразъ, съ которыми скальдъ Гарекъ (Haarek) обращался къ женщинѣ, называя ее: Ifla Flausts Jörd, что буквально значитъ: *Земля* (или богиня) *сокола корабля*. Соколы корабля (изображеніе на носовой части) считался рукою, подъ боги-пею же руки разумѣется женщина.

Кромѣ любви, пѣсни скальдовъ касались также домашней, семейной жизни, именно отношеній мужа и жены, родителей къ дѣтямъ и на оборотъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на пѣснь Гильды, объ осиротѣломъ сынѣ, и еще болѣе на прекрасную пѣснь *Сона-торрекъ* въ *Эгильссамъ* — разсказъ объ Эгилѣ, братѣ Вэлунда.

Отдѣльный родъ составляли пѣсни, содержаніемъ которыхъ были ненависть или зависть. Сочинители подобныхъ пѣсенъ назывались Nidhskaldinn (завистливые скалды). Саксо упоминаетъ объ одномъ такомъ скальдѣ при дворѣ Гаральда Горфагръ, по имени Аудунъ. Къ такимъ же произведеніямъ можно причислить и тѣ пѣсни (Кведлингаръ), которыми язвили и попрекали другъ друга на собраніяхъ и пирахъ, когда напитокъ уже начиналъ дѣйствовать, хотя, конечно, это не вполне пѣсни, продиктованныя завистью или ревностью ¹⁰⁵). Последнія обыкновенно соединялись съ портретами,

---

¹⁰⁵) Образецъ подобной пѣсни находится въ *Стурлунгасажъ*; см. *Sturlungasaga eller Islendingasaga hinn mikla*, изданіе исландскаго литературнаго общества (1817).

какъ напр. въ *Лянднама-сага* ¹⁰⁶⁾, гдѣ скальдъ Тіэрве сватается къ Астридѣ, которую потомъ братья ея выдали за Торера Кетильсонъ. Отомстивъ за то, Тіэрве развѣсилъ на дверномъ косякѣ своей комнаты портреты молодыхъ супруговъ и каждый вечеръ, отправляясь со своимъ дядею Гроаромъ въ комнату, плевалъ на Торера и цѣловалъ образъ Астриды. Когда Гроаръ вытеръ картину, то скальдъ воткнулъ въ нее свой ножъ и при томъ пропѣлъ завистливую пѣснь.

Кромѣ общихъ поэмъ того рода, существовали также подобныя, такъ называемыя *Godhga*, о богахъ и богиняхъ. Чаще всего время ихъ происхожденія относится къ введенію христіанской вѣры въ Исландію. Языческіе скалды насмѣхались надъ исландскимъ апостоломъ Тангбрандомъ и его сподвижниками, на что христіанскіе отвѣчали имъ тѣмъ-же ¹⁰⁷⁾. Между языческими скальдами, отличавшимися въ такихъ произведеніяхъ, упоминаются: Торвальдръ, Ульфъръ, Ветрлиди, Стейнунъ — мать скальда Рефа и друг.

Важное мѣсто занимали *нидсанги*, касающіеся публичной общественной жизни. Многочисленные того рода исландскія пѣсни о датскомъ королѣ Гаральдѣ Блотандѣ сочинены по слѣдующему случаю. Исландскій король былъ выброшенъ на берегъ Даніи. Датчане отнесли къ

---

¹⁰⁶⁾ См. *Sagabibliothek*, II, 312.

¹⁰⁷⁾ См. *Крестниисаги* въ *Sagabibliothek* (III, 78; гл. 2).

нему береговое право, при чемъ оказался главнымъ виновникомъ королевскій фогтъ, Биргеръ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ въ Исландіи, Исландцы рѣшили сочинить для каждой морской губы или мыса въ этой странѣ сатирическую пѣснь на счетъ короля, что вызвало множество подобныхъ произведеній. Одно изъ нихъ, сохранившееся до сихъ поръ, кончается тѣмъ, что извѣстный по своимъ убійствамъ король превращается въ лошадь, а его фогтъ Биргеръ въ кобылу ¹⁰⁸).

Иногда эти пѣсни имѣли грустныя и даже кровавыя послѣдствія. Торлейфъ, съ прозвищемъ Ярля-скальдъ, сочинилъ *нидсангъ* или *нидвису* на Гакона ярля и съ этою пѣснею, переодѣтый нищимъ, отправился въ Норвегію, прямо во дворецъ ярля. Прибывши туда въ праздничный день, онъ сѣлъ въ крайнемъ углу зала. Ярль вскорѣ его замѣтилъ и позволилъ ему произнести свои пѣсни; сначала ярлю казалось, что каждая пѣснь заключаетъ въ себѣ похвалу дѣйствій его и его сына Эриха. Но когда скальдъ запѣлъ свою *нидвису ярльс-нидъ* (*Jarlsnid*), смѣшанную съ такъ называемыми туманными пѣснями, Токувисуръ (*Thokuvísur*), начало которыхъ приводится въ предисловіи къ *Sagabibliothek* (I, 102), то Гаконъ овладѣло беспокойство; съ окончаніемъ пѣнія въ залѣ потемнѣло и скальдъ опять на-

---

¹⁰⁸) См. *Olafsaga Tryggvasonis* (гл. 36) и *Jömsvikin-gassaga* (гл. 13), гдѣ одновременно приводится пѣснь Эйольфа Вальгердарсонъ.

чалъ *ярлснидъ*, но, при послѣдней части этой пѣсни, употреблены были въ дѣло всѣ мечи, послѣдствіемъ чего было значительное число убійствъ. Самъ ярль, неизвѣстно какимъ образомъ, былъ убитъ, а нищій пропалъ.

Для втораго элемента поэзіи — разсудительной и размышляющей, слѣдовательно поэзіи знанія, этической или дидактической, цѣль которой заключается въ томъ, чтобы сообщить и распространить знаніе, подѣйствовать на чувство нравственности, или наконецъ упражнять остроуміе, находятся замѣчательные образцы уже въ Эддѣ. Дидактическія поэмы, составленныя съ единственною цѣлію наученія, обыкновенно здѣсь включены, въ видѣ эпизодовъ, въ эпическія пѣсни, какъ напр. наука о рунахъ и ихъ изобрѣтеніи, въ *Гавамаль*. Въ *Брингильдарквиди* и *Сирдрифумаль* идетъ рѣчь о различныхъ родахъ руническаго письма (сигрунаръ, эльрунаръ, бяргрунаръ, бримрунаръ, лимрунаръ и гугрунаръ), равно какъ о способахъ вырѣзыванія ихъ и о свойственныхъ имъ таинственныхъ силахъ. Въ *Гавамаль* также находятся воззрѣнія на міръ, похвалы по наукѣ и остроумію разсудку и опытности, умѣренности и присутствію духа, дружбѣ и внутренней связи, соединяющей людей другъ съ другомъ, равно высокой славѣ по смерти. Вслѣдствіе врожденной сѣвернымъ народамъ склонности заявлять посредствомъ преній (*Ordhaskipti* — споръ) умъ и знаніе, такія поэмы пріобрѣтали полудраматическую форму, по крайней мѣрѣ форму разговора.

Такимъ образомъ напр. обсуждаются въ *Вафтруднисмалъ* мифологическіе предметы въ разговорѣ бога Одина съ великаномъ, а въ *Альвисмалъ* приводятся филологическія свѣдѣнія въ діалогѣ Тора съ карликомъ.

Къ этому же роду принадлежатъ загадки (*Gata, Gestpeki*), важная часть произведеній скандинавскаго остроумія. Такими суть напр. загадки короля Гейдрекка въ *Герварарсагъ* ¹⁰⁹⁾, гдѣ король Гейдрекъ входитъ въ состязаніе съ Одиномъ, выступающимъ подъ названіемъ Гестръ-гинъ-блинди (также *Gestumblinde*). Содержаніе этихъ загадокъ или мифическое или заимствовано изъ созерцанія природы — животныхъ, пауковъ, растенія Ангелики, нѣкоторыхъ ископаемыхъ и другихъ естественныхъ предметовъ, какъ напр. огня, или же касается людей и ихъ произведеній, напр. шахматной игры.

Что касается до третьяго поэтического элемента повѣствовательной поэзіи, то, само собою разумѣется, къ этому ряду принадлежатъ прежде всего различныя общія историческія пѣсни и относящіяся къ исторіи отдѣльных родовъ. Однакожъ скальды преимущественно занимались большими, знаменитѣйшими родами, именно королевскими, пересчитывали предковъ королей или богатырей, доводили ихъ генеалогію до боговъ и, слѣдовательно, начинали отъ мифовъ. Таковы напр. *Эмме-*

---

¹⁰⁹⁾ *Sagabibliothek*, II, 371 и слѣд.

таль и *Инелингаталь*, гдѣ говорится о предкахъ Гаральда Горфагръ, или *Галеийталь* (Haleygíatal), въ коей идетъ рѣчь о ярлѣ Гаконѣ. Собственныя дѣянія тѣхъ и другихъ героевъ составляли содержаніе пѣсенъ двоякаго рода, изъ которыхъ кратчайшій, не раздѣленный на строфы, назывался *фліокръ* (Flokkr), а болѣе длинный, со строфами, *драпою* или, если не было въ немъ больше пяти строфъ, *дрэплинръ* (dräplíngr — маленькая драна). Подобныя поэмы обыкновенно заключаютъ въ себѣ описаніе нѣсколькихъ происшествій, но иногда касаются только одного, напр. какого либо сраженія. Въ такомъ случаѣ онѣ считаются боевыми пѣснями, каковы упомянутыя уже пѣсни о битвѣ при Браваллѣ и сраженіи Гунновъ, въ *Герварарсага*. Есть и такія историческія пѣсни, главнымъ содержаніемъ коихъ были другія важнѣйшія происшествія изъ жизни героевъ, напр. *Баркамаль*, гдѣ идетъ рѣчь о смерти Рольфа Краке. Похвалныя поэмы, сочиненныя при жизни богатыря, назывались: Lofr, Hrodr, Märdh. Одну изъ самыхъ великолѣпныхъ пѣсенъ этого рода составляетъ *Киудс-драна*, пѣснь о Канутѣ или Киудѣ Великомъ. Если же похвала была сочинена скальдомъ по смерти героя, какъ напр. *Гакоинармаль*, въ честь Гакона Доброго, произведение Эйвинда Скальдаспиллеръ, или *Сонаторрекъ*, произведение Эгила Скалягримсонъ, то она называлась *эрфидрана*. Нѣкоторыя поэмы называются *Гэфудлаусн* (Höfudhláusn — спасеніе головы), такъ какъ скальды, сочиняя ихъ, спасали тѣмъ себя отъ смертной казни.

XI.

Отдѣльные поэты и поэмы.

Кромѣ упомянутыхъ уже нами поэтовъ — трехъ Старкоддеровъ, Браге Старого, Эриха-гинъ-мальспаки, Бярка, Гагбарта, Тіодольфа, Эйвинда Скальдаспиллеръ и другихъ ¹¹⁰⁾, по всей вѣроятности жившихъ до Эдды или по крайней мѣрѣ до собранія заключающихся въ ней поэмъ въ одинъ сборникъ, замѣчательны еще слѣдующіе ихъ преемники, именно въ Исландіи ¹¹¹⁾, гдѣ въ поэзи упражнялись, при нѣкоторыхъ случаяхъ, почти всѣ жители острова. Множество *saiz* изобилуютъ такими пѣснями и видѣ, въ которомъ приводятся нѣкоторыя изъ нихъ, доказываетъ, что это были дѣйствительныя,

---

¹¹⁰⁾ См. глава III, стр. 17—27.

¹¹¹⁾ Правда, что искусство скальдовъ продолжалось еще нѣкоторое время въ Норвегіи, гдѣ, по образцу Гаральда Горфагрь, автора *Снефридаръ-драты*, какъ извѣстно, занимались имъ даже короли, напр. Олафъ Св., Гаральдъ Гордрода, Олафъ Кырре и друг. Но, однакожъ, главные личности скальдовъ въ это позднѣйшее время представляли не Норвежцы, а Исландцы, отправившіеся по вѣстамъ норвежскимъ владѣтелямъ, въ видѣ странствующихъ или поселившихся въ ихъ столицахъ поэтовъ, гдѣ обыкновенно и считались придворными скальдами.

простонародныя пѣсни, шутки, экспромты, обѣгавшіе страну, между тѣмъ какъ имена ихъ авторовъ большею частію оставались не извѣстными.

Нѣкоторыя изъ этихъ отдѣльныхъ пѣсней или большихъ поэмъ весьма характеристичны; отчасти онѣ мифическія, или имѣютъ содержаніемъ господствовавшее въ то время суевѣріе, или же рисуютъ тогдашніе нравы ¹¹²⁾. Между авторами такихъ поэмъ упоминается *Эйлифъ Гудрунарсонъ*, *Торсдрана* котораго включена въ *Младшую Эдду*. Это, лучше сказать, не цѣлая поэма, а большой фрагментъ, представляющій путешествіе Тора въ Гейрредстордь ¹¹³⁾. Поэма эта происходитъ изъ Исландіи, но авторъ ея не упоминается въ *Геймскринглъ*; въ *Скальдатамъ* однакожъ онъ считается скальдомъ Гакона Глядеярля (Hakon Hladejarl).

Въ историческомъ отношеніи самое важное мѣсто занимаютъ Исландцы, отправившіеся за границу своей страны и воспѣвавшіе свои пѣсни во дворцахъ норвеж-

---

¹¹²⁾ Пѣсни эти стоило бы собрать и распредѣлить по родамъ, такъ какъ ихъ имѣется большое количество. Такъ напр. Ульфъ Уггасонъ, въ своей *Hiusdrapa*, воспѣвалъ картины, вырѣзанныя въ приѣмной залѣ Олафа Пось, именно погребальную процессію Бальдра, споръ Геймдалля и Ліюке о Брисингахъ, борьбу Тора со змѣемъ Мидгорда и проч. Отрывки этой драмы находятся въ *Младшей Эддѣ* (см. Финъ Магнуссенъ, *Laxdāla*, стр. 386).

¹¹³⁾ См. Thorlacius, *Observationes miscellaneae*; specimen septimum (Копенгагенъ, 1805).

скихъ королей и вельможъ. Число ихъ довольно значительно, но здѣсь можно привести лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно отличавшихся по своему таланту и различнымъ приключеніямъ. Однимъ изъ нихъ былъ *Эгиль Скаллагримсонъ* (Egill Skallagrimson), потомокъ знаменитаго рода въ Боргефіордѣ. Отецъ его также былъ скальдомъ, а мать предсказала мальчику, что онъ будетъ викингомъ (морскимъ разбойникомъ), по поводу чего онъ еще въ дѣтскихъ лѣтахъ сочинилъ стихотвореніе. Отправившись къ Эриху Бліодэксе, въ Норвегію, онъ убилъ у него двухъ его людей и, вынужденный тѣмъ спастись бѣгствомъ, въ послѣдствіи съ братомъ своимъ, Торольфомъ, сдѣлался викингомъ. Посѣщая Англію, Эгиль сочинилъ драпу въ честь короля Адельстена, отъ которой сохранилась одна строфа. Братъ его, Торольфъ, погибъ въ Англіи, послѣ чего Эгиль возвратился въ Норвегію, гдѣ снискалъ себѣ благосклонность Аринбіэрна Герсе. Но вскорѣ, затѣявши ссору съ Эрихомъ Бліодэксе и его супругою, Гунгильдою, и сочинивши противъ нихъ *нидвису*, отправился, не смотря на то, въ ихъ дворецъ, въ то время, когда Эрихъ уѣхалъ въ Англію за полученіемъ королевства Нортумберландъ. Будучи посаженъ въ темницу, онъ спасъ себя отъ казни пѣснею *Гефудслауснъ* (Höfudslausn) ¹¹⁴), для сочиненія которой предоставили

---

¹¹⁴) Срав. рассказъ о скальдѣ Оттарѣ Сварте, стр. 76.

ему только одну ночь. Выучивши её наизусть, онъ высказалъ её на слѣдующій день въ присутствіи короля. Поэма эта сохранилась въ цѣлости. Наконецъ, послѣ многочисленныхъ приключеній, онъ, награжденный почестями и богатствами, возвратился въ Исландію и предался отдыху въ своемъ имѣніи въ Боргфюрдъ. Въ пожилыхъ лѣтахъ Эгиль еще испыталъ большое несчастье; послѣ утраты одного сына, онъ въ непродолжительномъ времени потерялъ втораго, своего любимица Бэдва, лишившагося жизни во время морской бури. Это горе такъ подѣйствовало на него, что онъ рѣшился умереть и не хотѣлъ ни чего ни ѣсть, ни пить. Но любимая дочь его, Торгерда, уговорила его сохранить свою жизнь, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не кончитъ элегіи на смерть покойнаго. Чѣмъ болѣе онъ писалъ, тѣмъ болѣе укрѣплялся духомъ и когда все было кончено, то сѣлъ на своемъ возвышенномъ сѣдалищѣ и присутствовалъ на похоронномъ пиршествѣ въ честь своихъ умершихъ двухъ сыновей. Названіе этой поэмы *Сона-торрексъ* — утрата сына; она цѣликомъ помѣщена въ *Эгильсагъ*.

Эгиль былъ въ дружбѣ съ *Эйнаромъ Гельгасономъ* (Einar Helgason), по прозванію *скалягламъ* (Skalaglam), также начавшимъ въ молодости сочинять стихотворенія и приобрѣвшимъ себѣ большую славу за границу своей страны. Эйнаръ состоялъ придворнымъ у Гакона ярля и когда онъ, въ морскомъ сраженіи противъ Іомсвикинговъ, намѣревался перейти къ ярлю Сигвальду,

то ярль Гаконъ далъ ему двѣ чаши, одну золотую, а другую серебряную, отчего и прозвали его: скаляглямъ (чаша — skaale) ¹¹⁵). Желая поощрить его къ пѣснямъ, Гаконъ подарилъ ему еще драгоцѣнный щитъ и золотое запястье ¹¹⁶). Возвратившись на родину, онъ отдалъ этотъ щитъ Эгилю Скалягримсонъ и послѣдній по этому поводу сочинилъ благодарственную драпу. О Гаконѣ ярль Эйнаръ сочинилъ двѣ драпы, изъ которыхъ одна, подъ заглавіемъ: *Веллекля* — недостатокъ золота — находится въ отрывкахъ въ Геймскринглѣ ¹¹⁷).

Разсказъ о двухъ извѣстныхъ скальдахъ — Гунляугъ и Рафилъ, составляетъ содержаніе *Гунляугсаги*, которую можно считать продолженіемъ *Эгильсаги*. Гунляугъ былъ влюбленъ въ Гельгу, дочь Торстейна Эгиль-

---

¹¹⁵) См. *Jomsvikingasaga*, гл. 42, въ *Sagabibliothek*. Кромѣ Эйнара Скаляглямъ, въ сраженіи съ Юмсвикингамъ находились еще два скальда — Торлейфъ Скума (или, по *Фигурскиннѣ* Скумъ Торкельсонъ) и Тиндъ Галькельсонъ, но изъ ихъ пѣсней не сохранилось ни одного отрывка.

¹¹⁶) Описаніе этихъ драгоцѣнностей находится въ *Эгильсагѣ*, гл. 81. Тамъ также разсказывается, что Эгиль, получивъ упомянутый щитъ въ подарокъ отъ Эйнара, взялъ его съ собою на празднованіе свадьбы и тамъ случайно уронилъ этотъ щитъ въ корыто съ кислымъ молокомъ, отчего онъ испортился.

¹¹⁷) Нѣкоторыя строфы включены въ *Гаральдъ Грофелъдсагу*, другія же въ *Олафъ Тригвассонсагу*, *Юмсвикингасагу* и *Фигурскинну*.

сона, и когда онъ отправился путешествовать, то было рѣшено, что она будетъ ожидать его, какъ его невѣста. За тѣмъ Гунляугъ посѣтилъ ярля Эриха Гаконсона, на островѣ Гляде, короля Этельреда въ Англіи, ирландскаго короля Сигпрыга и ярля Сигурда Лэдверсонъ, на Оркнейскихъ островахъ, воспѣвая о нихъ пѣсни и драпы, за что получилъ отъ нихъ щедрое вознагражденіе. Послѣ онъ прибылъ на дворъ шведскаго короля Олафа и тамъ, встрѣтившись со скальдомъ Рафномъ Энундсономъ (Oenundson), сильно поссорился съ нимъ по поводу пѣсней въ честь короля. Описаніе этой ссоры представляетъ замѣчательный примѣръ существовавшаго между скальдами соревнованія. Прежде, нежели они приступили къ пѣнію своихъ драпъ передъ королемъ, между ними произошелъ споръ о томъ, кому первому пѣть. Король рѣшилъ въ пользу Гунляуга, какъ болѣе расположеннаго къ нему, и когда тотъ кончилъ, король спросилъ мнѣнія Рафна на счетъ этой пѣсни? — „Это большая драпа, отвѣчалъ Рафнъ, но твердая, какъ умъ Гунляуга.“ — По выслушаніи пѣсни Рафна король также спросилъ Гунляуга, какъ она ему понравилась? — „Это прекрасная пѣсня, сказалъ Гунляугъ, но слишкомъ короткая. За чѣмъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Рафну, сочинилъ ты въ честь короля только флюкъ, а не драпу? Развѣ, по твоему убѣжденію, онъ не достоинъ драпы?“ Этого упрека Рафнъ не могъ простить ему и объявилъ, что онъ въ послѣдствіи оплатитъ ему за то съ избыткомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Рафнъ въ ско-

ромъ времени отправился въ Исландію, посватался тамъ къ невѣстѣ Гунляуга и, вопреки ея волѣ, женился на ней. Гунляугъ, возвратившись на родину, вызвалъ Рафна въ публичномъ судѣ на поединокъ, но ихъ друзья прекратили бой и выхлопотали запрещеніе поединка; тогда Гунляугъ началъ преслѣдовать Рафна внѣ Исландіи, пока наконецъ не убилъ его въ Швеціи и самъ не умеръ отъ поданной ему Рафномъ воды въ своемъ шлемѣ. Гельга вторично вышла за мужъ, но, угнетаемая тоскою, умерла, пристально глядя на распущенный плащъ Гунляуга.

Другой скальдъ, *Кормакъ Эгмундсонъ*, былъ извѣстенъ по своей любви и любовнымъ пѣснямъ для Стенгерды, выданной замужъ за Берса вопреки ея волѣ. Кормакъ послѣ отправился въ Норвегію и сдѣлался викингомъ. Его поэмы, отрывки которыхъ находятся въ *Кормаксагъ* и въ *Младшей Эддѣ*, собралъ и изъяснилъ Финъ Магнусенъ въ своемъ изданіи *Кормаксаги*.

Глюмъ Герасонъ былъ скальдомъ Гаральда Грофельда и о немъ сочинилъ *Грофельдрану*, содержаніе которой находится въ *Ланднамъ*, а отрывки въ *Олафъ-Триггвесонсагъ*, *Гаральдъ-Грофельдсагъ* и *Фагурскиниъ*.

Извѣстнымъ въ свое время скальдомъ былъ также *Гальфредъ Отмарсонъ* (прозванный Vandrædhaskald), сочинившій въ Норвегіи драгу въ честь яря Гакона, который наградилъ его за то серебрянымъ топоромъ. Занимаясь нѣкоторое время торговлею, онъ возвратился въ Норвегію, гдѣ узналъ о смерти Гакона и о томъ,

что король Олафъ Трыггвесонъ насильно крестилъ всѣхъ, преимущественно Исландцевъ, находившихся тогда въ его королевствѣ. Гальфредъ согласился креститься съ условіемъ, что самъ король будетъ его воспріемникомъ. Послѣ крещенія король спросилъ его, не желаетъ ли онъ теперь сдѣлаться его скальдомъ и, получивъ отказъ, сказалъ ему: — „Ты Вандредаскальдъ“ (странствующій скальдъ) и подарилъ ему мечъ, но безъ ноженъ, съ тѣмъ, что бы онъ сочинилъ поэму о мечѣ, въ каждой строчкѣ которой находилось бы слово мечъ. Гальфредъ исполнилъ это желаніе короля, но при томъ намекнулъ ему, что не достаетъ ноженъ у меча. Король далъ тогда ему и ножны, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что не въ каждой строчкѣ находится слово мечъ и въ одной изъ нихъ встрѣчается два раза. Въ Даніи, куда отправился этотъ скальдъ, онъ сочинилъ флѣокъ о ярлѣ Сигвалдѣ и на возвратномъ пути оттуда женился въ Готландіи на языческой дѣвицѣ Ингеборгѣ, а за тѣмъ отправился къ шведскому королю Олафу (Olaf Šviakon-ge) и въ честь его сочинилъ драпу. Когда потомъ онъ возвратился въ Норвегію, то Олафъ Трыггвесонъ разгнѣвался на него за женитьбу на язычницѣ; она крестилась, но, въ видѣ наказанія, король велѣлъ ему сочинить благодарственную драпу — Uppreistardrapa. Снорре преимущественно пользовался этими произведеніями для своей исторіи Олафа Трыггвесона. О смерти этого короля Гальфредъ никогда не могъ забыть и не хотѣлъ уже жить ни въ Исландіи, ни въ Норвегіи, а поселился

въ Швеціи. Но на дорогѣ въ Исландію, куда онъ отправился для перевозки своего движимаго имущества, Гальфредъ погибъ во время страшной бури и тѣло его было выброшено въ море. Лебединая пѣснь его и отрывки разныхъ его стихотвореній, именно *Олафсдрана*, находятся въ *Олафсагъ* и *Фагурскикиль* ¹¹⁸⁾.

Подобныя же приключенія, какими изобилуетъ исторія Гунляуга и Рафна, встрѣчаются въ жизни скальдовъ *Торда Кольбейнсона* и *Біэрна*, но прозванію *Гитпаппа* (Björn Hítkarra — теплый плащъ). Біэрнъ воспитывался у своего родственника Скуле Торстейнсона и влюбился въ Одну, дочь Торкеля, которая также согласилась ждать на него три года. За тѣмъ онъ и Торъ отправились вмѣстѣ къ ярлю Эриху Гаконсону въ Норвегію и въ честь послѣдняго Тордъ сочинилъ великолѣпную драпу — *Эриксдрану*, извѣстную въ сагахъ объ Олафѣ Трыггвесонѣ и Олафѣ Св. Когда впослѣдствіи Тордъ хотѣлъ возвратиться на родину, Біэрнъ просилъ его передать отъ него золотое кольцо Однѣ. Тордъ, передавая Однѣ этотъ подарокъ, убѣдилъ ее, что Біэрнъ совсѣмъ отказался отъ нея и послѣ того, даже увѣривъ, что будто бы Біэрнъ уже не находится въ живыхъ, самъ женился на ней. Спустя десять лѣтъ

---

¹¹⁸⁾ Отдѣльно издалъ ихъ съ примѣчаніями Арвидсонъ (Arfvidson), въ программѣ Штокгольмской гимназіи 1832 г., но, къ сожалѣнію, мы книги этой лично не видѣли и только напшли ее въ каталогъ коненгагенской университетской бібліотеки.

Тордъ отправился въ Данію для полученія наслѣдства своего дяди и, заѣхавши по дорогѣ къ Олафу Св. въ Норвегію, сочинилъ въ честь его драпу, за что получилъ отъ него въ награду золотое кольцо, кафтанъ и мечъ; послѣ того онъ встрѣтился тамъ съ Біэрнемъ и Олафъ Св. примирилъ ихъ между собою. Но, однакожь, въ Исландіи вражда между ними возобновилась и они начали сочинять другъ на друга *нидвису* и такъ называемыя *Колмвисуръ* (находящіяся въ *Біэрнъ Гитжаппе-сигъ*), пока наконецъ Тордъ не убилъ Біэрна.

Однимъ изъ самыхъ достопримѣчательныхъ скальдовъ, жизнь котораго даетъ особенно хорошее понятіе о странствованіяхъ и дѣяніяхъ древне скандинавскихъ поэтовъ, представляется *Сигватъ* (Sighvat Thordson, сынъ Торда Сигвальдаскальда). Различныя саги объ Олафѣ Св. въ Фагурскиннѣ сообщаютъ свѣдѣнія о немъ и его произведеніяхъ. Прозою онъ говорилъ не слишкомъ плавно, но стихи удавались ему легко, какъ другому обыкновенный разговорный языкъ. Стихотвореній его сохранилось довольно много. Отправившись въ Норвегію, по торговымъ дѣламъ, онъ сдѣлался придворнымъ скальдомъ короля Олафа Св. и сопровождалъ его въ сраженіи при Неси, воспитомъ имъ въ *Несіависуръ* (Nesjavisur). Посѣтивши съ королевскимъ маршаломъ Біэрномъ Швецію, по дѣлу короля, онъ сочинилъ объ этомъ путешествіи *Аустрфарарвисуръ*—пѣсни странствованія на востокъ — послѣ чего самъ былъ сдѣланъ маршаломъ. Нѣкоторое время Сигватъ провелъ

у Канута Великаго и въ честь его сочинилъ *Кнудсдрану*; послѣ, отправившись въ Валландію, въ г. Рудеборгъ, (Rouen въ Нормандіи) и оттуда къ Кануту Великому, въ Англію, онъ составилъ *Вестрфарарвисуръ* — пѣсни странствованія на западѣ. Кануть въ то время соби-
рался на войну съ Олафомъ Св. и воспретилъ всеѣмъ купеческимъ судамъ оставлять страну, пока флотъ его не будетъ готовъ къ отплытію. Сигватъ, желавшій уѣхать въ Норвегію, пошелъ просить короля о дозволеніи ему выѣзда; но, найдя королевскій шатеръ запертымъ, онъ, послѣ долгаго ожиданія при двери, пропѣлъ извѣстную Кнудсдрану и потому тотчасъ былъ впу-
щенъ. Король Олафъ Св. принялъ его холодно, вслѣд-
ствіе того, что онъ нѣкоторое время находился у его врага; но скальдъ своею пѣснею возвратилъ себѣ распо-
ложеніе короля ¹¹⁹⁾. Въ сраженіи при Стиклестадѣ скальдъ не присутствовалъ, такъ какъ король позво-
лилъ ему въ то время совершить поѣздку въ Римъ. Возвратившись оттуда и узнавши о смерти своего влас-
телина, онъ сочинилъ пѣсни о своихъ странствованияхъ

---

¹¹⁹⁾ „Не знаю,“ сказалъ король, „стойшь-ли ты еще бытъ моимъ маршаломъ и не сдѣлался-ли ты теперь придворнымъ Канута“? Въ пѣсни своей скальдъ объяснилъ, что въ са-
момъ дѣлѣ Кануть предлагалъ ему остаться при немъ, но онъ
будто бы отвѣтилъ, что и одного владыки для него слишкомъ
много. Вслѣдствіе того Олафъ Св. позволилъ ему занять преж-
нее мѣсто и нѣсколько дней спустя послѣ того онъ вновь прио-
брѣлъ себѣ милость монарха и сдѣлался его любимцемъ.

и приключеніяхъ, о большой уtratѣ, которой никогда не могъ забыть, и о своей скорби по поводу того, что не присутствовалъ въ сраженіи, въ которомъ король погибъ. Терзаемый тоскою и горемъ онъ отправился въ Швецію и съ сыномъ покойнаго Олафа, Магнусомъ Добрымъ, возвратился въ Норвегію. Объ Олафѣ Сигватъ составилъ двѣ поэмы: *Олафсдрану* и *Эрфидрану* ¹²⁰⁾. Когда король Магнусъ началъ жестоко преслѣдовать враговъ своего отца, крестьяне вознегодовали на то и друзья его рѣшили выбрать по жеребью одного изъ своей среды, для объявленія королю своего неудовольствія. Жребій палъ на Сигвата, который, вслѣдствіе того, сочинилъ передъ королемъ свои *Бесгисвисуръ* ¹²¹⁾.

---

¹²⁰⁾ Поэмы эти помѣщены въ сагахъ объ Олафѣ Св. и въ 11 главѣ саги о Магнусѣ Добромъ (Sagabibliothek; II, 246).

¹²¹⁾ Слово: Bersöglir, Berserkir—свирѣпый воинъ, присвоенное въ *Алланъ* великанамъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, значить голый, безъ убора; Эгильсонъ производитъ его отъ латинскаго выраженія: pelle ursina indutus. Кажется, что эти пѣсни Сигвата получили свое названіе по необыкновенной смѣлости, съ какою скальдъ относился къ королю. Не лишне привести здѣсь маленькій отрывокъ изъ такой его пѣсни: — „Гаконъ Добрый, погибшій на островѣ Фитъе, наказывалъ враговъ за грабежъ и за то былъ любимъ своимъ народомъ. Но о тебѣ говорятъ, что будто бы ты плохо держишь свое слово и самъ не исполняешь собственныхъ твоихъ законовъ и обѣщаній. Кто тебѣ совѣтовалъ грабить скотъ твоихъ подданныхъ? Никогда ни кто до сихъ поръ не смѣлъ давать подобныхъ совѣтѣвъ молодому королю и народъ недоволенъ тобою. Слышишь-ли,

Магнусъ не обидился на то и напротивъ удостоилъ по эта своей дружбы.

Другой извѣстный скальдъ, *Тораръ* (Thoraren Loftunga), пребывая долгое время у разныхъ королей и вельможъ, подъ старость, послѣ завоеванія Норвегіи Канутомъ Великимъ, появился при дворѣ этого короля. Въ честь послѣдняго онъ воспѣлъ флюккъ, но король, узнавъ о томъ, разсердился и велѣлъ ему на другой же день принести драпу, грозя въ противномъ случаѣ казнить его за дерзость, высказанную въ сочиненіи о немъ драпки. Тораръ прибавилъ къ своей поэмѣ вторую часть и увеличилъ еѣ нѣкоторыми пѣсенками, изъ чего произошла извѣстная *Гефудляуснъ* (Höfudlausn)¹²²). Король вознаградилъ его за то пятидесятью марками серебра. Сверхъ того Тораръ написалъ еще о томъ-же королѣ походную поэму—*Тогдрапу* (тогъ—военный походъ), въ память похода Канута въ Нювергію, и другую пѣснь, подъ названіемъ *Свендисквида*, о сынѣ Канута—Свендѣ. Отрывки изъ этихъ поэвъ находятся въ сагахъ объ Олафѣ Св., въ *Фагурскиниъ* и *Кнытлинга-сагъ*.

что они говорятъ? Что руки вора слѣдуетъ обрѣзывать. Съдовласные мужи собираются и совѣтуются; ихъ головы склонены къ груди. Безумецъ только откладываетъ дѣло до вечера. Я снисходителенъ, о Государи! и желаю бы съ тобою жить и умереть, пока ты защищаешь твоимъ королевскимъ мечомъ гористый островъ“ (Норвегію).

¹²²⁾ См. въ Sagabibliothek, *Knytlingasaga*, гдѣ также приводится упомянутая драпа цѣликомъ.

Скальдъ *Тормодъ* (Thormod) извѣстенъ былъ по своимъ любовнымъ пѣснямъ въ честь Торбіэрги Кольбрунъ (чернобровой), отчего и получилъ прозваніе *Кольбрунарскальда*. У него былъ молочный братъ (Fostbröder) Торгейръ, котораго убилъ въ Исландіи нѣкто Торgrimъ Тролле. Тормодъ находился въ это время у Олафа Св. и Канута Вел. и, узнавъ объ убійствѣ, отправился на родину съ цѣлію отомстить убійцѣ, котораго въ самомъ дѣлѣ и лишилъ жизни¹²³). Послѣ того скальдъ возвратился въ Норвегію, сопровождалъ короля Олафа въ бѣгствѣ и присутствовалъ въ сраженіи при Стиклестадѣ, воспѣвая въ королевскомъ шатрѣ поэму *Бяркемалъ* (Bærkemaal). Будучи раненъ, онъ не могъ убѣжать вмѣстѣ съ другими скальдами и вторично былъ раненъ стрѣлою въ бокъ. Древко стрѣлы онъ отломалъ, не желѣзо осталось въ ранѣ. Въ какомъ-то чуланѣ умирающій скальдъ нашелъ лекарку, которая употребляла всѣ усилія, чтобы вытащить наконецникъ стрѣлы, но ни какъ не могла этого сдѣлать, такъ, что рана напухла и желѣзо почти совсѣмъ не было видимо. Тогда онъ велѣлъ ей разрѣзать тѣло до желѣза, чтобы можно было вытянуть стрѣлу клещами, и подать ему клещи, при чемъ подарилъ ей золотой перстень, полученный имъ отъ короля утромъ того-же дня. Съ помощію клещей

---

¹²³) Объ этомъ происшествіи имѣется особая сага, подъ заглавіемъ *Фостбрэдресага*.

онъ самъ вытащилъ изъ раны наконечникъ стрѣлы и такъ какъ послѣдній сидѣлъ очень крѣпко, то вмѣстѣ съ нимъ онъ вытянулъ нѣсколько волоконъ сердца, красныхъ и бѣлыхъ. „По видимому“, сказалъ онъ тогда, „король кормилъ насъ не плохо, если даже въ сердцѣ довольно сала“; за тѣмъ упалъ и умеръ.

Приведенныхъ примѣровъ уже достаточно, что бы показать, какъ интересно было бы, въ самомъ дѣлѣ, составленіе полнаго сборника жизнеописаній всѣхъ этихъ скальдовъ и сохранившихся ихъ произведеній. Сообщенныя выше подробности едва касаются одной весьма незначительной части скальдовъ, о которыхъ свѣдѣнія находятся въ *Эдда*хъ и сагахъ или сохранились въ памяти простаго народа. Матеріаловъ для того имѣется весьма много и хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ было указано выше, даже обработаны критически, по крайней мѣрѣ, въ филологическомъ отношеніи; но, все таки, по разбросанности ихъ, они представляются еще непригодными для составленія всеобщаго литературнаго взгляда на нихъ, для чего прежде всего нужно соединеніе самыхъ разнообразѣйшихъ направленій въ общую картину многовѣковыхъ движеній. Во всякомъ случаѣ изъ того только, что до сихъ поръ было сказано, нельзя уже отрицать важнаго значенія поэзіи древне-скандинавскихъ скальдовъ для исторіи всеобщей литературы. Перечень-же этихъ поэтовъ и ихъ произведеній можно бы сдѣлать еще болѣе длиннымъ. Для желающихъ однакожъ ознакомиться съ бѣльшимъ числомъ скальдовъ

или, по крайней мѣрѣ, облегчить себѣ представленіе объ обширности этой вѣтви скандинавской поэзіи, можно вкратцѣ перечислить имена нѣкоторыхъ болѣе извѣстнѣйшихъ между ними, о какихъ упоминають авторы сагъ, историки и хроникёры, сохранившіе также отчасти цѣлыя ихъ произведенія или отрывки изъ нихъ:—

Оттаръ Сварте, племянникъ скальда Сигвата, сочинилъ также *Ккудсдрану* (о Канутѣ Великомъ) и поэму объ Олафѣ Святомъ ¹²⁴).— Таковую же *Ккудсдрану* сочинилъ *Галльвордъ Гарексблесе* (Hallvord Hareksblese).— Послѣ *Торда Сіарексона* остались поэмы: о Гаконѣ Доброму и одна эрндрана (надгробная пѣснь въ честь Олафа Св.); *Стейнъ Гердикарсонъ* произвелъ многочисленныя пѣсни, именно *Низарвисуръ* о сраженіи при Ниссѣ ¹²⁵);— *Гальдоръ Сквальдре* (Haldor) сочинилъ поэму о Магнусѣ слѣпомъ и заграничномъ путешествіи Сигурда Йорсальфареръ;— *Эйнаръ Скульсонъ* оставилъ такъ называемую *Гейслю*— лучъ, родъ драматической мистеріи о чудесахъ Олафа Св., представленной въ храмѣ въ Нидаросѣ (1152 г.), въ присутствіи короля Эйстена и братьевъ его, архиепископа и толпы на-

---

¹²⁴) Свѣдѣнія о немъ и его поэмахъ находятся въ сагахъ объ Олафѣ Св., въ *Фигурскингъ* и *Кнутлинга-сагъ*.

¹²⁵) Свейнбјэрнъ Эгильсонъ полагаетъ, что будто бы этотъ Стейнъ представлялъ одну и ту-же личность, которая извѣстна по прозванію Галларстейнъ, автора поэмы объ

рода. Этотъ же Эйнаръ сочинилъ еще другія пѣсни, между которыми отличались *Эльфависуръ* (объ эльфахъ—воздушныхъ духахъ) и проч. ¹²⁶⁾.

Въ списокѣ исландскихъ скальдовъ нельзя также пропустить величайшаго историка, ученаго филолога и собирателя, *Снорре Стурлюсона*, не менѣе извѣстнаго по страннымъ приключеніямъ въ жизни, чѣмъ по таланту и обширной учености ¹²⁷⁾. Кромѣ пѣсни въ честь могущественнаго норвежскаго яря Гакона Галина и вдо-

Олафъ Трыгтвесонъ, подъ заглавіемъ: *Рекстедія* (см. *Scripta historica Islandorum*; t. III).

¹²⁶⁾ Подробное описаніе его жизни находится у Эгильсона: *Scripta historica Islandorum*, t. II. 406.

¹²⁷⁾ Снорре Стурлюсонъ, потомокъ скальда Эгиля Скаллагримсонъ и Рэгнвальда Мэреярля (*Rögnvald Mörejarl*), пра-дѣда нормандскихъ князей, равно какъ нѣкоторыхъ королевскихъ родовъ Скандинавіи, родился въ 1178 г. Въ сорокалѣтнемъ возрастѣ онъ отправился въ Норвегію, гдѣ былъ придворнымъ скальдомъ короля Гакона Гаконсона; возвратившись на родину и приобрѣтивши себѣ большое имущество, онъ нѣсколько разъ исполнялъ обязанности верховной власти исландской республики (*Lagmand*), послѣ чего, по поводу ссоры со своимъ братомъ Сигватомъ, въ 1236 году, онъ опять уѣхалъ къ Гакону, котораго, къ нечастію, обидѣлъ. Гаконъ, уже издавна намѣревавшійся покорить всю Исландію, гдѣ у него было много приверженцевъ, въ отомщеніе за обиду и подъ предлогомъ, что будто бы Снорре, сдѣлавшись норвежскимъ подданнымъ, оставилъ эту страну безъ королевскаго согласія, казнилъ его смертію, исходатайствовавъ исполненіе этого приговора въ Исландіи (1241 года).

вы его, Христины, вышедшей за мужъ за Аскля ¹²⁸⁾, онъ сочинилъ драпу о ярлѣ Скулѣ и его зятѣ, королѣ Гаконѣ.— Намека заслуживаютъ еще *Стурле Тордсонъ*, авторъ *Гаконарквида* и введенія (*Fornyrðhalag*) къ *Гаконъ-Гаконсонсагъ* ¹²⁹⁾,

Между норвежскими скальдами (хотя, послѣ смерти *Эйвинда Скальдаспиллсга*, немногіе уже поэты отличались въ этой странѣ) прежде другихъ мы должны указать на двухъ королей—*Олафа Св.*, которому приписываются нѣкоторыя пѣсни и саги въ *Фагурскиини*, и *Гаральда Гордрода* (*Harald Haardraade*), воспѣваемаго въ молодости, послѣ сраженія при Стиклестадѣ, прекрасную пѣснь о своемъ бѣгствѣ и, кромѣ того, еще нѣсколько другихъ объ особенно важнѣйшихъ обстоятельствахъ своей жизни. Во время господства наслѣдниковъ Гаральда Гордрода, до Гакона Гаконсона, поэтическія произведенія у Норвежцевъ не прекращались появляться; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, появились также оркнейскіе скальды. Первое мѣсто между ними занимаетъ *Кале Кольсонъ*, ярль Оркнейскихъ Острововъ, болѣе извѣстный по имени Рэгнвальдъ ярль. Въ 1551 г. онъ отправился въ Палестину (до 1153 г.) и изъ времени того путешествія сохранились многія его пѣс-

---

¹²⁸⁾ Эта послѣдняя пѣснь имѣетъ названіе: *Андвана*—бессонница, т. е. не позволяющая спать.

¹²⁹⁾ Двѣ эти поэмы находятся у Skule Thorlacii: *Observationes miscellaneae*; specimen secundum.

ни ¹⁸⁰⁾. Извѣстенъ также *Барне*, скальдъ и епископъ Оркнейскихъ острововъ, авторъ *Юмсвикингадрапы*, составляющей родъ эпилога къ упомянутой столько разъ Юмсвикингасагѣ.

Когда спустя недолгое время послѣ смерти Снорре Стурлюсона, королю Гакону удалось соединить Исландію съ Норвегіею, Исландцы принуждены были испытывать политическія судьбы этой послѣдней страны и въ концѣ, вмѣстѣ съ нею, перешли къ Даніи. Переходъ къ соединенію Исландіи съ Норвегіею совершался постепенно и въ то время, когда въ ней водворилась монархическая власть, прежняя свобода жителей острова, истомленныхъ домашними ссорами, уже вовсе не существовала. Въ слѣдъ за упадкомъ Исландіи въ политическомъ отношеніи исчезла въ ней и способность литературнаго самобытнаго творчества. Конечно соединеніе съ Норвегіею споспѣшествовало прекращенію насилій, убійствъ и военныхъ походовъ послѣдняго времени; обыкновенно ссоры самыхъ могущественныхъ родовъ кончались тогда миролюбиво состоящими изъ Норвежцевъ третейскими судами, а самые вліятельные Исландцы обращались по своимъ дѣ-

---

¹⁸⁰⁾ См. Orkneyingasaga въ *Sagabibliothek*, т. II, стр. 158 и 182.

ламъ даже прямо къ королямъ. При такихъ обстоятельствахъ поэзія непременно должна была зачахнуть. Древняя геройская жизнь изчезла, а новая жизнь народа была непривлекательна, по крайней пустотѣ и обѣдненію всѣхъ сословій; умственное же движеніе у тѣхъ, которые поглощены заботами объ удовлетвореніи первыхъ нуждъ жизни физической, существовать не можетъ. Да и какое, впрочемъ, могло быть содержаніе ихъ сказокъ?—судебные споры и біографіи епископовъ? Содержаніемъ ихъ могли быть только духовные предметы, съ безконечными приемами (rîma), и баснословные богатыри. Кто не успѣлъ еще измелчать, тотъ жилъ воспоминаніями прошедшаго и, въ самомъ дѣлѣ, это время замѣчательно тѣмъ, что тогда преимущественно занимались минувшимъ, такъ, что всѣ древнія поэмы и рассказы повторялись съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Вслѣдствіе того два обстоятельства, касающіяся исторіи древне-скандиновской поэзіи, не подлежатъ сомнѣнію: — во первыхъ, что каждое новое произведеніе по достоинству было ниже древняго, и во вторыхъ, что все сохранившееся древнее должно было пройти черезъ бѣдствія этой эпохи и, слѣдовательно, дойти къ намъ или въ отрывкахъ, или разширенное и почти совершенно поддѣланное. Этимъ состояніемъ страны и литературы объясняется также, по чему не имѣется связанныхъ между собою и полныхъ свѣдѣній объ авторахъ и произведеніяхъ этой позднѣйшей литературы,

такъ, что нынѣ только съ большимъ трудомъ можно собрать эти свѣдѣнія изъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ примѣровъ и воспоминаній.

ХІІ.

Поэтическое вдохновеніе и слогъ скальдовъ.

Характеръ и умственное направленіе народовъ преимущественно обнаруживаются въ ихъ поэзіи, въ которой обыкновенно выражаются, болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ, принадлежащія каждому народу особенности. Такъ въ восточныхъ литературахъ болѣе выдается наивность и живописность; въ древне-классической поэзіи поражаютъ ясность, гармоничность и положительно объективное созерцаніе, а также строго пластическія формы и ихъ красота; въ романтической поэзіи среднихъ вѣковъ преобладаютъ въ міросозерцаніи не природа и не ясныя картинны жизни, а фантазіи, пренебрегающія дѣйствительностію и поднимающія человека въ надземныя сферы, гдѣ въ облакахъ носятя феи, въ небѣ представляется Богородица съ сонмомъ ангеловъ и святыхъ. Вѣра тамъ соединяется съ любовью, любовь съ тоскою, наслажденіе переходитъ въ раскаяніе, мысль и чувство наполняются мрачными

мечтаніями мистицизма, тщательно приобрѣтеннымъ спокойствіемъ преданія себя волѣ божіей и муками раскаянія.

На скандинавскомъ сѣверѣ, какъ почти и вездѣ, поэтическое представленіе явилось прежде прозаическаго. Первѣйшія молитвы, вознесенныя къ богамъ, присяги и заклинанія, самыя древнѣйшія надписи и законы имѣли поэтическую форму. Старое преданіе изображаетъ древность сѣверной поэзіи извѣстнымъ положеніемъ, что будто бы языкъ появился на сѣверѣ вмѣстѣ съ Асами, а съ языкомъ и искусство скальдовъ; боги были первыми воспитателями поэзіи и всё, что говорилъ богъ Одинъ, сказано было стихами.

Древне-скандинавское нарѣчіе само весьма способствовало поэзіи, такъ какъ оно изобиловало естественными звуками и твердость его удачно смягчалась благозвучною смѣсью тоновъ. Сильно звучація гласныя буквы смѣняются въ немъ такъ, что ни одна не заглушаетъ другой, при чемъ соединяются въ перемежающійся рядъ двугласныхъ, или-же связываются съ полугласными, отчего происходитъ извѣстное преломленіе звуковъ (ia-e). Такимъ образомъ поэтъ можетъ пользоваться полною свободою въ выборѣ нѣсколькихъ однозначащихъ словъ. Правда, что система согласныхъ буквъ сама по себѣ тверда, но если поэтъ захочетъ, то можетъ еѣ смягчить съ помощію плавныхъ буквъ. Почти для cadaго понятія имѣется по нѣсколько словъ съ твердыми, мягкими или плавными согласными буквами. Сверхъ того поэтъ можетъ прибавлять нѣкото-

рыя согласныя буквы или пропускать, или-же наконецъ замѣнять ихъ подходящими. Древне-скандинавскій языкъ легко допускаетъ подобныя измѣненія. При томъ грамматическія формы его совершенно полныя и у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть даже двоякое выраженіе. При огромномъ богатствѣ словъ, синтаксисъ свободенъ и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ, древнемъ нарѣчій. Такъ какъ это языкъ первоначальный, то въ немъ находятся самыя древнія, краткія и сильныя слова, составляющія ядро или основу вообще языка.

Развитіе кореннаго древне-скандинавскаго языка, при помощи различныхъ происшедшихъ отъ него нарѣчій, лучше всего выказывается въ его наиболѣе древней, поэтической формѣ. Одинъ и тотъ-же предметъ не рѣдко имѣетъ не одно, а десять, двадцать, даже сто разныхъ названій, съ тѣмъ же или подобнымъ значеніемъ, происшедшихъ изъ отдѣльныхъ вѣтвей на самомъ же сѣверѣ, или введенныхъ изъ родственныхъ нарѣчій, каковыми напр. саксонское, англо — саксонское и друг. Въ этихъ названіяхъ самый предметъ представляется съ разныхъ сторонъ; отсюда и произошли поэтическія перифразы, отчасти относящіяся къ самому отдаленному времени и сохранившіяся посредствомъ общихъ преданій, отчасти же производимыя и измѣняемыя, по аналогіи, самимъ поэтомъ. Богатство языка на столь велико, что иногда употребляется даже во зло. Изъ всего этого опять происходятъ рядъ періодически перемежающихся

риемъ и мѣры слоговъ, цѣлыя риѣмы и полу-риѣмы въ одной и той-же строчкѣ, окончательныя риѣмы въ нѣсколькихъ строчкахъ, при чемъ позволялось столь разнообразное, даже одновременное употребленіе риѣмованія, что едва ли найдется что либо подобное въ какомъ нибудь другомъ языкѣ.

Расположеніе духа на древне-скандинавскомъ сѣверѣ было поэтическое и поэтическихъ матеріаловъ имѣлось въ изобиліи. Мифическій періодъ еще господствовалъ въ полномъ фантастическомъ разгорѣ, если можно такъ выразиться. Скандинавскую мифологію составляютъ самыя картины: богъ Одинъ, въ своихъ превращеніяхъ, Торъ съ своимъ молотомъ, Геймдалль съ радугою, Фрей и Герте въ лѣсѣ. Валькирии носятся по воздуху и на морѣ, провожая умершихъ героевъ въ Вальгалль. Эльфы парятъ надъ полями и лугами и, невидимыя, благословляя, спускаются къ домашнему очагу. Въ видѣ провозвѣстниковъ судьбы являются человѣку животныя или птицы, то нѣжныя и ласковыя, то жестокия и кровожадныя, какъ духъ человѣка. Мысль нисходитъ въ преисподнюю Гелля, въ молчаливое царство тѣней, и еще глубже въ Нифльгеймъ, родину тумана и мрака, гдѣ расчѣненные спереди мертвецы плаваютъ въ ядовитыхъ рѣкахъ и выбрасываются на покрытый трупами берегъ Надстранда. Но мысль также возносится къ самому высшему, къ уничтоженію и возстановленію боговъ и міра, при чемъ земля обращается въ огненный кругъ возрожденія, Нидгурдъ падаетъ и Безъ-

именный нисходитъ съ высоты творить страшный судъ. Въ этихъ картинахъ языческой вѣры было на столько поэтической жизни, что онѣ не исчезли вмѣстѣ съ идолопоклонствомъ и въ христіанское еще время старыя боги служили для христіанскихъ представленій ¹²¹⁾).

Въ героическія времена сношенія съ богами еще продолжались. Искушенія, несчастія и неудачи по прежнему объяснялись вліяніемъ боговъ, но человѣкъ уже началъ страдать отъ преступленія, подвергаться за то карѣ, которая распространялась и на все его поколѣніе. Человѣческій родъ, какъ Прометей, прикованъ къ скалѣ, но одновременно связанъ съ врожденными чувствами любви къ семьѣ, отечеству и королю; борясь до смерти, онъ остается вѣренъ монарху и его роду. Богъ Одинъ даетъ Дагу свою слюну для отомщенія; самъ Одинъ бросаетъ яблоко раздора между родами. Въ это время небо и земля еще связаны между собою: покойники возвращаются къ жизни. Гельге приѣзжаетъ изъ Вальгалли посѣтить свою невѣсту, къ которой вызвали его слезы, изливаемые ею каждый вечеръ; разъ еще она, живая королевская дѣвица, спитъ на горѣ у мертвеца, но больше онъ уже не приходитъ и ея сердце надломливается. Поэзія этой эпохи занимается не отдѣльными событіями, но всѣми судьбами человѣчества. Когда Брынгильда наслаждается своею мекью, радуется

---

¹²¹⁾ См. *Младшую Эдду* (изд. Арна Магнуса, т. I. стр. 446), гдѣ говорится о Спасителѣ, что будто бы онъ „sitia sudha at Urdharbrunni“— възсѣдаетъ на югѣ источника Урдаръ.

весь человѣческій родъ; когда Гудрунъ жалуется, то это не жалоба одной женщины, а всей природы: ледяныя скалы, глетчеры расплываются.

Въ историческое время, связанное съ дѣйствительностію, поэзія пріобрѣтаетъ другой характеръ, хотя не менѣе плодovitый. Время это, изобилуя происшествіями и дѣяніями, равно изобиловало по этому пѣснями. Каждое великое дѣло составляло собственность не одного, а всѣхъ скандинавскихъ народовъ, потому и всѣ хлопотали о томъ, чтобъ сохранить его въ памяти. Поэзія сдѣлалась для всѣхъ общимъ средствомъ образованія. Ежели поэтъ не живетъ одною жизнію съ своимъ народомъ и не дѣйствуетъ въ государствѣ, то не будетъ существовать и нравственной связи между отдѣльными членами этого государства и народъ вскорѣ останется народомъ безъ воспоминаній, обѣднѣвшимъ въ историческомъ отношеніи, народомъ ремесленниковъ, безъ событій и безъ вдохновенія, прозаическимъ и пользующимся исключительно матеріальными богатствами жизни. На скандинавскомъ сѣверѣ было иначе. Скальдъ не только считался соединительнымъ членомъ, связывавшимъ между собою всѣ части отдѣльнаго народа, но онъ соединялъ всѣ народы, принадлежащіе къ одному племени. Онъ пріобрѣталъ себѣ славу не только на сеймахъ Исландіи, но также при дворѣ норвежскихъ королей и надъ берегами озера Мэлари; пѣснь его звучала не только въ лѣсахъ Ютландіи, но также на волнахъ Темзы и нортумберландскихъ горахъ, понятная для всѣхъ въ общемъ на-

рѣчи, такъ какъ позднѣйшія народныя нарѣчія еще не были развиты, а діалекты и книжный языкъ еще не разобищались. Такъ было до 1200 года.

Выше уже неоднократно было сказано, что поэзія на сѣверѣ была почитаема и уважаема и что положеніе скальда по этому было весьма почетнымъ. Для всѣхъ считалось положительно важнымъ знать эту поэзію, которая была какъ бы исторіею. Скальды вообще принадлежали къ знатымъ родамъ; они были свободны и независимы, съ образованіемъ и обширными познаніями, ученые по своему времени.

Обыкновенно они лично произносили свои поэмы, болѣе всего въ то время, когда король со своими придворными находился за трапезою, при которой совершались обильныя возліянія, и лично также принимали отъ него поэтическую награду (Bragarlaun)¹²²). Если награда эта не являлась, то скальдъ обижался и сочинялъ другую поэму, гдѣ жаловался на то; напр. Эйнаръ Скулесонъ жаловался въ Даніи, когда шведскій король

---

¹²²) Награды эти чаще всего состояли изъ шлема, великолѣпнаго меча, серебряннаго топора, яркочернаго кафтана, иногда также одного или двухъ судовъ. Во всякомъ случаѣ безъ такой награды ни какъ не могло обойтись. Этиль Скаллагримсонъ, когда въ дѣтскомъ возрастѣ воспѣлъ свою первую пѣснь, получилъ въ награду три шнура раковинъ и одно утиное яйцо и этими подарками онъ гордился еще въ позднѣйшіе годы. Сверхъ поэтической награды, иностранные скальды получали также почетную квартиру въ королевскомъ дворцѣ или въ сосѣдствѣ его и мѣсто на королевскомъ кораблѣ, при отправленіи въ другую страну.

Свенъ не удостоилъ его никакого вознагражденія. Вообще скальды, какъ и вездѣ поэты, составляли *vatum irritabile genus* ¹³³⁾. Сигватъ также горко жаловался, что Кануть Вел. заставилъ его ждать у двери болѣе двухъ часовъ, и только потомъ впустилъ его въ свой шатеръ.

Случалось также, что почетныя драпы скальдовъ были наполняемы сильно лестью, которую уже въ то время короли сносили съ необыкновеннымъ терпѣніемъ ¹³⁴⁾. Но эта лесть заключалась болѣе въ преувеличеніи выраженій, нежели въ поддѣлкѣ или искаженіи происшествій. Скальду нельзя было исказить историческую истину, такъ какъ то, о чемъ онъ воспѣвалъ, жило въ народѣ; каждый могъ поймать его во лжи и онъ подвергся бы строгому и справедливому порицанію,

---

¹³³⁾ Въ сраженіи при Стиклестадѣ, скальдъ Олафа Св., извѣстный Тормодъ Кольбрунскальдъ, хотя зналъ, что соперникъ его, скальдъ Сигватъ, находится въ Римѣ, но, входя въ королевскій шатеръ, сказалъ скальду Гиссуру: — „Не такъ близко другъ друга! Когда Сигватъ придетъ, не будетъ для него мѣста. Онъ непременно долженъ быть возгъ короля, который не хочетъ иначе сражаться“. Скальды не любили Сигвата, такъ какъ король предпочиталъ его всѣмъ другимъ.

¹³⁴⁾ Скальдъ Тораръ сравнивалъ Канута Великаго съ богами:

„Knutr verr graud, sem gaetir
Griklands himinriki“.

Въ переводѣ: Кануть царствуетъ на землѣ, какъ охранители Греціи (т. е. боги) на небесахъ.

если бы описалъ происшествія или человѣка въ другомъ видѣ, а не въ дѣйствительномъ. Потому выше и сказано, что древнія скандинавскія поэмы могутъ считаться историческими источниками, даже одними изъ самыхъ лучшихъ и чистыхъ. Чаще всего случалось, о чемъ также было сказано, что авторы поэмъ были современниками воспѣваемыхъ въ нихъ происшествій, или даже иногда принимали важное въ нихъ участіе ¹³⁵); подобныя ихъ произведенія переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и такимъ образомъ сохранялись въ памяти народа, а знаніе ихъ и разсказовъ, происшедшихъ изъ нихъ, составляло въ то время великую мудрость.

Обыкновенно воинъ-скальдъ дѣйствовалъ мечомъ съ такою же ловкостью, какъ языкомъ. Передъ упомянутымъ уже нѣсколько разъ сраженіемъ при Стикле-стадѣ, Олафъ Св. пригласилъ всѣхъ своихъ скальдовъ въ средину своихъ тѣлохранителей, чтобы они могли

---

¹³⁵) Снорре Стурлусонъ, въ своемъ предисловіи къ *Гаймскринглъ*, говоритъ, что онъ по преимуществу заимствовалъ свои матеріалы изъ этихъ пѣсенъ, пѣвшихся вождями и ихъ сыновьями, и что считаетъ истиннымъ все, что въ этихъ поэмахъ разсказывается объ ихъ походахъ и битвахъ. „Ибо“ — продолжаетъ онъ — „правда, что скальду прилично прославлять болѣе всѣхъ того, у кого онъ находится въ службѣ; но ни одинъ не смѣлъ бы разсказывать королю или вождю о такихъ его дѣяніяхъ, относительно которыхъ всѣ и онъ самъ вмѣстѣ съ ними убѣждены, что то пустые толки и ничего болѣе. Это считалось бы насмѣшкою, а не похвалою“.

воспѣтъ битву, какъ очевидцы. „Останьтесь здѣсь, говоритъ имъ король, и посмотрите, что произойдетъ; тогда уже не нужно будетъ вамъ просить другихъ свидѣтелей битвы рассказать о ней“. Въ день сраженія, утромъ, возвысилъ свой голосъ скальдъ Тормодъ Кольбрунскальдъ и пѣлъ такъ громко, что вездѣ было слышно древнюю *Баркемалъ*: „День наступилъ, перья развѣваются на шлемахъ“.— Такимъ образомъ скальдъ жилъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ; онъ долженъ былъ сохранять отдаленныя воспоминанія со всѣми подробностями и приводить ихъ въ своихъ разсказахъ о событіяхъ, въ которыя онъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Потому скальдъ и былъ любимцемъ не только короля, но всего народа, какъ хранитель самыхъ святыя его воспоминаній, какъ толкователь его нуждъ и какъ защитникъ противъ притѣсненій. Тамъ, гдѣ молчали другіе, онъ въ своихъ *Берсэгмисвисуръ* возвышалъ мужественный голосъ. Скальдъ своимъ пѣснями почиталъ народъ, народъ-же почиталъ его, сохраняя эти пѣсни въ своей памяти.

Поэтическій слогъ, поэтическое выраженіе скальдовъ (*Skaldskapaugmaal*), по *Снорре Эддѣ*, было трехъ родовъ: первый, когда вещь называлась своимъ именемъ, второй, если вмѣсто собственнаго названія давалось ей другое (*Fornafu*), и наконецъ третій, когда названіе перифразировывалось (*Kenning*). Слѣдовательно поэтическое выраженіе — или описаніе или перифраза. Къ первому ряду принадлежатъ многочисленные тро-

пы, употреблявшіеся подобно тому, какъ и въ другихъ языкахъ. Вмѣсто имени самой вещи приводилось ея качество или слѣдствіе, часть вмѣсто цѣлаго, отдѣльное вмѣсто общаго и т. п. Это опять совершалось посредствомъ коренныхъ, производныхъ или сложныхъ словъ. Напримѣръ, море называлось *bif* — *движеніе*; золото *blik* — *блескъ*; поэзія *märd* — *слава*. Вмѣсто мужчины можно было употреблять названіе каждаго дерева мужескаго рода, напр.: *gunnr* — *кустарникъ*; *reunir* — *рябина*. Вмѣсто женщины употреблялось названіе каждаго дерева женскаго рода, напр.: *björk* — *береза*; *thöl* — *ель*. Корабль назывался *kjöl* — *прохлада*; голова это *reik* — *проборъ*; слюна, *gungnir* — *имя слюны бога Одина*; лошадь, *grani* — *имя лошади Сигурда Фафнерс'ане*. Брата называли *blöðhi* — *кровнымъ родственникомъ*, сына, *arfi* — *наслѣдникомъ*, вѣтеръ, *gnyfari* — *пропѣсжающимъ съ шумомъ*. Эти описанія распространялись дополнительными эпитетами, такъ называемыми *Sankenningar*, иногда замѣнявшими самый предметъ, напр. король назывался *thjödhmär* — *известнымъ народу*.

Перифраза (Kenning) — это расширенное, многочленное описаніе. Оно состоитъ изъ главнаго слова и прибавленія, заключающаго въ себѣ ближайшее описаніе, заимствованное отъ происхожденія, качества, употребленія, предпріятія, обстановки и т. д. личности или предмета. Перифраза должна по крайней мѣрѣ состоять изъ двухъ членовъ или одного *kendt*, но мо-

жетъ также обнимать и болѣе членовъ, напр. три или *tvekendt*, однакожь рѣдко болѣе четырехъ.

По происхожденію эти перифразы бываютъ или мифическія, напр. золото—*плачъ Фрей*, или историческія, напр. золото — *хлѣбъ Крахи* (такъ какъ Рольфъ Краке, избѣгая гоненій отъ Шведовъ, разсыпалъ на полѣ золотую монету). Сверхъ того есть еще перифразы, не относящіяся къ прошедшему и служащія доказательствомъ собственной поэтической изобрѣтательности скальдовъ, напр. плачь — *дождь глазныхъ дверей*; сердце—*поле духа*; тѣло—*бремя воли*. Замѣчательно между прочимъ въ этихъ перифразахъ, что часто въ нихъ встрѣчаются названія растений и животныхъ, которыя на сѣверѣ не водились и принадлежали къ числу южныхъ, что во всякомъ случаѣ указываетъ на весьма древнія сношенія Скандинавіи съ южными странами Европы.

Изученіе всѣхъ этихъ троповъ и перифразъ представляетъ само собою не слишкомъ легкую задачу, но вообще мифическія и историческія болѣе понятны, если мы знакомы съ ихъ происхожденіемъ. И такъ напр. волкъ—это *собака Одина*, потому что у ногъ этого бога находилось два волка; висѣлица—*дерево Винги*, потому, что Винга была повѣшена; огонь—*родственникъ моря*, потому что Глеръ (богъ огня) былъ братомъ Люги (бога моря). Перифразы не мифическаго и не историческаго происхожденія такъ многочисленны и такъ разнообразны, что ихъ почти не возможно перечислить. Напр., желая назвать мужчину, поэтъ заимствовалъ свою

перифразу отъ его храбрости, щедрости и т. п., а женщины присвоивалъ названіе по ея наряду и драгоценностямъ, напитокку, который она подаетъ гостю и т. д.; такъ мужчина — *обливающий свою кровію щитъ*, женщина — *шелковая корма*, при чемъ вовсе не обращалось вниманія, дѣйствительно-ли тѣ, кому воспѣваетъ поэтъ, обладаютъ тѣмъ, что онъ приписываетъ имъ въ своей поэмѣ. Напротивъ того, эти выраженія присвоивались всѣмъ и каждому: каковъ бы ни былъ мужчина по наружности и виду, онъ назывался *защищающимъ деревомъ воинственной храбрости* (*sokuhegg*), и какъ бы ни была не стройна и не граціозна женщина, она называлась — *елкою напитокка* (*veiga thöll*).

Если бы собрать всѣ эти тропы и перифразы, то изъ нихъ образовался бы рядъ своеобразныхъ картинъ такой красоты, что отъ нихъ не отказался бы, можетъ быть, ни одинъ поэтъ даже новѣйшаго времени, хотя иногда эти картины до такой степени смѣлы, что, съ другой стороны, въ настоящее время едва ли кто рѣшился бы произвести подобное. Не рѣдко перифразы, по поводу даже какой либо простой мысли, бываютъ весьма длинны, такъ, что требуется много навыка и труда для соединенія отдѣльныхъ частей картины въ одно цѣлое, вслѣдствіе чего поэтическое наслажденіе дѣлается мало возможнымъ. Тѣмъ не менѣе даже и въ длинныхъ перифразахъ могутъ быть находимы извѣстные красоты и удовольствіе, въ доказательство чего можно указать на изрѣченіе скальда Тюдольфра, описывающа-

го морской бурю, который шумит близ королевского кургана, и употребляющего при томъ перифразу, что будто бы Балтійское море пѣло пѣснь морскаго бога, для возвеселенія покойнаго шведскаго короля. — Эйвиндъ Скальдаспилеръ говоритъ, что тяжелыя ноги рукоятки меча наступаютъ на тѣмена Норвежцевъ. Тотъ же скальдъ, говоря о позолоченномъ мечѣ, называетъ его окропленнымъ слезами Фрей: — „Мы, говоритъ, держимъ въ рукахъ погибель шлема (т. е. мечъ), окропленную росой съ вѣкъ Фрей (т. е. золотомъ).”

Хотя подобныя перифразы находятся въ поэзіи не только скандинавскихъ, но и другихъ народовъ ¹³⁶⁾,

---

¹³⁶⁾ Скандинавскія перифразы, между прочимъ, хотя въ болѣе скромной формѣ, встрѣчаются также въ древней классической поэзіи, равно какъ въ болѣе разнообразіи и у новѣйшихъ поэтовъ. Листья называются у Скандинавовъ и у римскихъ стихотворцевъ — *волосами дерева* (Vidhar fax — arborum comae). Шекспиръ, въ наиболѣе поразительную минуту, пользуется *кенидами*, напр. когда Макбетъ, послѣ убійства короля (II дѣйствіе, II явленіе), говоритъ, что Гламисъ убилъ сонъ, почему уже ни Кавдоръ, ни Макбетъ спать не должны. Макбетъ тогда употребляетъ различныя перифразы о снѣ: невинный сонъ; сонъ, развязывающій запутанные ключи заботъ; ежедневная смерть; купанье тяжелаго труда; возобновленный ходъ возвышенной природы и т. п. — Ронсаръ (Ronsard) называетъ *поцѣлуй* une médecine или trompette; *сверженный вѣтеръ* — le chasse-puée; *стрѣлка* или *охотника* — l'ébranle-rocher (потрясающимъ скалы). Мольеръ осмѣялъ этотъ слогъ въ своихъ: Les précieuses ridicules, гдѣ вмѣсто словъ;

однакожъ положительно можно утверждать, что онѣ не были заимствованы Скандинавами изъ какой либо другой страны и также не представляютъ собою извѣстнаго подражанія, что доказывается отчасти ихъ древностью и внутренними свойствами. Правда, что онѣ въ самыхъ древнѣйшихъ эпическихъ поэмахъ встрѣчаются гораздо рѣже, но въ древнихъ, уже нѣсколько болѣе артистическихъ, чаще всего миѣическихъ или генеалогическихъ и тому подобныхъ произведеніяхъ, онѣ рассыпаны въ изобиліи. По мнѣнію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, это должно считаться скорѣе недостаткомъ древней поэзіи, нежели дѣйствительно высокимъ достоинствомъ ея, такъ какъ слогъ этотъ мало вразумителенъ и препятствуетъ прямому вліянію поэзіи на человеческое сердце и умъ. Но съ этимъ едва ли можно согласиться потому, что современные древне-сѣверныхъ поэтовъ Скандинавы, по всей вѣроятности, были такъ знакомы со всѣми этими картинами, что пониманіе ихъ представлялось для нихъ мало затруднительнымъ, тогда какъ для настоящихъ обыкновенныхъ читателей и даже нѣкоторыхъ ученыхъ это почти недоступно.

„Подавай стулья!“ говорится: *Voiturez-nous ici les commodités de la conversation!* На востокъ такіа смѣлыя картины еще въ большемъ употребленіи, напр. ночь, боязливая газель, убѣгаетъ передъ утреннимъ львомъ; въ каждой пукѣ дѣвицы находится безчисленное множество удочекъ или крючковъ, и рѣсницы ея пронизываютъ юношу, какъ острое орудіе.

Но хотя бы дѣйствительно поэтическій слогъ древнихъ скальдовъ грѣшилъ большими недостатками, то дѣло не въ томъ, была ли эта поэзія совершенна во всѣхъ отношеніяхъ, а въ томъ, существовала - ли она съ самобытною силою и приобрѣла-ли себѣ извѣстное значеніе въ обще-литературномъ и историческомъ движеніяхъ? представляет-ли она ясное изображеніе того времени, а также бросаетъ-ли какой-либо свѣтъ на человѣческій духъ и ходъ его развитія? На всѣ эти вопросы нельзя иначе отвѣчать, какъ въ утвердительномъ смыслѣ, въ подкрѣпленіе чего можно также привести слѣдующія слова современнаго италіанскаго писателя ¹³⁷⁾, обращающагося къ критикамъ: „Думаете-ли вы, или можетъ-ли подумать какой либо человѣкъ, что будтобы тѣ, которыхъ вы такъ жоризаете, были убѣждены въ томъ, что произвели что то очень дурное, а не напротивъ, что ихъ произведенія заключаютъ въ себѣ не мало полезнаго и великаго, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ своему времени? А если у нихъ было такое убѣжденіе, то отчего же вы смотрите на ихъ сочиненія съ другой точки зрѣнія, нежели съ какой они сами смотрѣли на нихъ? Что нибудь произведено въ свѣтѣ, теперь или прежде, и вы восклицаете, что тамъ большое количество недостатковъ; конечно

---

¹³⁷⁾ Saggi di critica letteraria, per Giuseppe Pitre (Palermo, 1864).

и мы въ томъ никогда не сомнѣвались. Но есть-ли за этимъ произведеніемъ какая либо заслуга? есть-ли въ нёмъ какая либо истина? толкуется-ли тамъ новымъ и живымъ образомъ, какая либо, хотя и старая мысль? высказывается-ли какое либо новое наблюденіе надъ человѣскимъ сердцемъ? находится ли тамъ какое-либо прекрасное поэтическое выраженіе? Или, на оборотъ, нѣтъ-ли тамъ чего либо вовсе неудачнаго, до такой степени, что оно уже должно считаться образцемъ вообще всякой неудачи въ поэтическомъ отношеніи? Вотъ, что преимущественно насъ занимаетъ, ибо критикъ и историкъ литературы долженъ смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ представляются въ дѣйствительности, и судить о нихъ по ихъ особому роду и степени, на которой онѣ находятся." То же мнѣніе раздѣляетъ король поэтовъ, Гёте. „Во всякой литературѣ" — говоритъ онъ — „совершенства и недостатки связаны между собою. Если пожелаешь ими насладиться, нужно безъ порицанія и оужденія принимать ихъ такъ, какъ онѣ дѣйствительно представляются."

Мы вовсе не имѣли намѣренія писать апологію древне-скандинавской поэзіи, но не можемъ не отдать ей справедливости и не признать, что при всѣхъ недостаткахъ она, по исключительному своему положенію и по особенности своихъ формъ, какъ разсудительная поэзія, поэзія ума, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, представляетъ весьма замѣчательное явленіе

въ исторіи развитія человѣческаго духа. Во всякомъ случаѣ, она развивалась совершенно отдѣльнымъ путемъ и, не смотря на наружное сходство, почти ни одно изъ ея направленій не повторяется въ другихъ литературахъ, такъ, что положительно можно сказать о ней, что въ дѣйствительности она ни на одну не похожа и ни одна также не похожа на неё. Эти самобытность и оригинальность въ направленіи и средствахъ, которыя она употребляла для достиженія своихъ эстетическихъ и нравственныхъ цѣлей, именно составляютъ самое большое достоинство древне-скандинавской поэзіи. По нашему убѣжденію, одна только посредственность вовсе лишена внутренняго достоинства, хотя, къ сожалѣнію, она всегда имѣла и имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ и поклонниковъ.
